

Ч А Р Л З

ДИККЕНС

*ПОСМЕРТНЫЕ ЗАПИСКИ
ПИКВИКСКОГО КЛУБА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Чарльз Диккенс

**Посмертные записки
Пиквикского клуба**

«Издательство АСТ»

1837

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Диккенс Ч.

Посмертные записки Пиквикского клуба / Ч. Диккенс —
«Издательство АСТ», 1837 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-102024-8

Одно из самых очаровательных произведений английской юмористической литературы. Книга, после выхода которой молодой журналист Чарлз Диккенс стал самым популярным писателем Англии. Четверо «настоящих английских джентльменов» – милейший Сэмюел Пиквик, вечно попадающий впросак, престарелый романтик Трейси Тапмен, не написавший ни одного стихотворения «поэт» Огастес Снодграсс и спортсмен-недотепа Натэниел Уинкль – отправляются на поиски приключений... Вот уже два века после первой публикации роман «Посмертные записки Пиквикского клуба» по-прежнему остается одной из любимых книг читателей всего мира. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-102024-8

© Диккенс Ч., 1837
© Издательство АСТ, 1837

Содержание

Предисловие[1]	5
Глава I	8
Глава II	11
Глава III	29
Глава IV	36
Глава V,	44
Глава VI	51
Глава VII	61
Глава VIII,	71
Глава IX	80
Глава X,	86
Глава XI,	96
Глава XII,	107
Глава XIII	111
Глава XIV,	123
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Чарлз Диккенс

Посмертные записки Пиквикского клуба

Предисловие¹

В предисловии к первому изданию «Посмертных записок Пиквикского клуба» было указано, что их цель – показать занимательных героев и занимательные приключения; что в ту пору автор и не пытался развить замысловатый сюжет и даже не считал это осуществимым, так как «Записки» должны были выходить отдельными выпусками, и что по мере продвижения работы он постепенно отказался от самой фабулы клуба, ибо она явилась помехой. Что касается одного из этих пунктов, то впоследствии опыт и работа кое-чему меня научили, теперь, пожалуй, я предпочел бы, чтобы эти главы были связаны между собой более крепкой нитью, однако они таковы, какими были задуманы.

Мне известны различные версии возникновения этих «Пиквикских записок», и для меня, во всяком случае, они отличались прелестью, полной неожиданности. Появление время от времени подобных домыслов дало мне возможность заключить, что мои читатели интересуются этим вопросом, а потому я хочу рассказать о том, как родились эти «Записки».

Был я молод – мне было двадцать два – двадцать три года, – когда мистеры Чепмен и Холл, обратив внимание на кое-какие произведения, которые я помещал тогда в газете «Морнинг кроникл» или писал для «Олд мансли мэгэзин» (позже была издана серия их в двух томах с иллюстрациями мистера Джорджа Крукшенка), явились ко мне с предложением написать какое-нибудь сочинение, которое можно издать отдельными выпусками ценой в шиллинг, – в то время я, да, вероятно, и другие знали о таких выпусках лишь по смутным воспоминаниям о каких-то нескончаемых романах, издаваемых в такой форме и распространяемых странствующими торговцами по всей стране, – помню, над иными из них я проливал слезы в годы моего ученичества в школе Жизни.

Когда я распахнул свою дверь в Фарнивел-Инн перед компаньоном, представителем фирмы, я признал в нем того самого человека – его я никогда не видел ни до, ни после этого, – из чьих рук купил два-три года назад первый номер «Мэгэзин», в котором со всем великолепием было напечатано первое мое вдохновенное произведение из «Очерков» под заглавием «Мистер Миннс и его кузен»; однажды вечером, крадучись и дрожа, я со страхом опустил его в темный ящик для писем в темной конторе в конце темного двора на Флит-стрит. По сему случаю я отправился в Вестминстер-Холл и зашел туда на полчаса, ибо глаза мои так затуманились от счастья и гордости, что не могли выносить вид улицы, да и нельзя было показываться на ней в таком состоянии. Я рассказал моему посетителю об этом совпадении, которое показалось нам обоим счастливым предзнаменованием, после чего мы приступили к делу.

Сделанное мне предложение заключалось в том, чтобы я ежемесячно писал нечто такое, что должно явиться связующим звеном для гравюр, которые создаст мистер Сеймур², и то ли у этого превосходного художника-юмориста, то ли у моего посетителя возникла идея, будто наилучшим способом для подачи этих гравюр явится «Клуб Нимрода», члены которого должны охотиться, удить рыбу и всегда при этом попадать в затруднительное положение из-за отсутствия сноровки. Подумав, я возразил, что хотя я родился и рос в провинции, но отнюдь не

¹ Предисловие написано Диккенсом к так называемому дешевому изданию «Посмертных записок Пиквикского клуба» 1847 г.

² Р. Сеймур сделал только семь гравюр, две гравюры – Р.-У. Басс (которые не переиздавались), остальные – «Физ» (Х.-Н. Браун). – *Здесь и далее примеч. пер.*

склонен выдавать себя за великого спортсмена, если не считать области передвижения во всех видах; что идея эта отнюдь не нова и была не раз уже использована; что было бы гораздо лучше, если бы гравюры естественно возникали из текста, и что мне хотелось бы идти своим собственным путем, с большей свободой выбирать людей и сцены из английской жизни, и я боюсь, что в конце концов я так и поступлю, независимо от того, какой путь выберу для себя, приступая к делу. С моим мнением согласились, я задумал мистера Пиквика и написал текст для первого выпуска, а мистер Сеймур, пользуясь гранками, нарисовал заседание клуба и удачный портрет его основателя – сей последний был создан по указаниям мистера Эдуарда Чепмена, опиравшего костюм и внешний вид реального лица, хорошо ему знакомого. Памятуя о первоначальном замысле, я связал мистера Пиквика с клубом, а мистера Уинкля ввел специально для мистера Сеймура. Мы начали с выпусков в двадцать четыре страницы вместо тридцати двух и с четырех иллюстраций вместо двух. Внезапная, поразившая нас смерть мистера Сеймура – до выхода из печати второго выпуска – привела к незамедлительному решению вопроса, уже назревавшего: выпуск был издан в тридцать две страницы только с двумя иллюстрациями, и такой порядок сохранился до самого конца.

С большой неохотой я вынужден коснуться туманных и бессвязных утверждений, сделанных якобы в интересах мистера Сеймура, будто он принимал какое-то участие в замысле этой книги или каких-то ее частей, о чем не указано с надлежащей определенностью в предшествующих строках. Из уважения к памяти брата-художника и из уважения к самому себе я ограничусь здесь перечислением следующих фактов:

Мистер Сеймур не создавал и не предлагал ни одного эпизода, ни одной фразы и ни единого слова, которые можно найти в этой книге. Мистер Сеймур скончался, когда были опубликованы только двадцать четыре страницы этой книги, а последующие сорок восемь еще не были написаны. Никогда я не видел почерка мистера Сеймура. И только один раз в жизни я видел самого мистера Сеймура, а было это за день до его смерти, и тогда он не делал никаких предложений. Видел я его в присутствии двух человек, ныне здравствующих, которым прекрасно известны все эти факты, и их письменное свидетельство находится у меня. И наконец, мистер Эдуард Чепмен (оставшийся в живых компаньон фирмы «Чепмен энд Холл») изложил в письменной форме, из предосторожности, то, что ему лично известно о происхождении и создании этой книги, о чудовищности упомянутых необоснованных утверждений и о явной невозможности (детально проверенной) какого бы то ни было их правдоподобия. Следуя принятому мною решению быть снисходительным, я не буду цитировать сообщение мистера Эдуарда Чепмена о том, как отнесся его компаньон, ныне покойный, к упомянутым претензиям.

«Боз», мой псевдоним в «Морнинг кроникл» и в «Олд мансли мэгэзин», появившийся и на обложке ежемесячных выпусков этой книги и впоследствии еще долго остававшийся за мной, – прозвище моего любимого младшего брата, которого я окрестил «Мозес» в честь веффилдского священника; это имя в шутку произносили в нос, оно превратилось в Бозес и уменьшительно – в Боз. Это было словечко из домашнего обихода, хорошо знакомое мне задолго до того, как я стал писателем, и потому-то я выбрал его для себя.

О мистере Пиквике говорили, что по мере того как разворачивались события, в характере его произошла решительная перемена и что он стал добрее и разумнее. По моему мнению, такая перемена не покажется моим читателям надуманной или неестественной, если они вспомнят, что в реальной жизни особенности и странности человека, в котором есть что-то чудаковатое, обычно производят на нас впечатление поначалу, и, только познакомившись с ним ближе, мы начинаем видеть глубже этих поверхностных черт и узнавать лучшую его сторону.

Если найдутся такие благонамеренные люди, которые не замечают разницы (а иные ее не заметили, когда только что появились в печати «Пуритане») между религией и ханжеством, между благочестием истинным и притворным, между смиренным почитанием великих истин

Писания и оскорбительным внедрением буквы Писания – но не духа его – в самые банальные разногласия и в самые пошлые житейские дела, – пусть эти люди уразумеют, что в настоящей книге сатира направлена всегда против последнего явления и никогда против первого. Далее: в этой книге последнее явление изображено в сатирическом виде как несовместимое с первым (что подтверждает опыт), не поддающееся слиянию с ним, как самая губительная и зловредная ложь, хорошо знакомая в человеческом обществе, – где бы ни находилась в настоящее время ее штаб-квартира – в Эксетер-Холл, или в Эбенизер-Чепл, или в обоих этих местах. Пожалуй, излишне продолжать рассуждения на эту тему, столь самоочевидную, но всегда уместно протестовать против грубой фамильярности со священными понятиями, о которых глаголют уста и молчит сердце, или против смешения христиан с любой категорией людей, которые, по словам Свифта, религиозны ровно настолько, чтобы ненавидеть, и недостаточно для того, чтобы любить друг друга.

Просматривая страницы этого нового издания, я с любопытством и интересом установил, что важные социальные изменения к лучшему произошли вокруг нас почти незаметно с той поры, как была написана эта книга. Однако все еще надлежит ограничить своеволие адвокатов и хитроумные их уловки, которыми они доводят до обалдения присяжных. По-прежнему также представляется возможным ввести улучшения в систему парламентских выборов (и быть может, даже в самый парламент). Но правовые реформы остригли когти мистерам Додсону и Фоггу; в среду их клерков проник дух самоуважения, взаимной терпимости, просвещения и сотрудничества во имя благих целей; пункты, далеко отстоящие друг от друга, сблизилась для удобства и выгоды народа и ради уничтожения в будущем полчища мелочных предассудков, зависти, слепоты, от которых всегда страдал только народ; изменены законы о тюремном заключении за долги, а тюрьма Флит снесена!

Кто знает, может быть, к тому времени, когда реформы будут проведены до конца, обнаружится, что в Лондоне и в провинции есть судьи, которые обучены ежедневно пожимать руку Здравому смыслу и Справедливости; что даже Законы о бедных смиростивились над слабыми, престарелыми и несчастными; что школы, основанные на широких принципах христианства, являются наилучшим украшением сей цивилизованной страны от края и до края, что тюремные двери запирают снаружи не менее крепко и тщательно, чем заперты они изнутри; что последний бедняк имеет право требовать создания повсюду условий пристойной и здоровой жизни в такой же мере, в какой они обязательны для благополучия богатей и государства; что какие-то мельчайшие учреждения и организации – более ничтожные, чем капли в великом океане человечества, грохочущем вокруг них, – не вечно будут насыпать по своей воле Лихорадку и Чахотку на творения божьи или игрой на своих скрипочках сопровождать Пляску Смерти.

Глава I

Пиквикисты

Первый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутано было начало общественной деятельности бессмертного Пиквика, воссиял при изучении ниже следующей записи в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель настоящих «Записок» предлагает читателю с величайшим удовольствием как свидетельство исключительного внимания, неутомимой усидчивости и похвальной проницательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов:

«Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггертс, эсквайр, В. П. Ч. П. К.³. В нижеследующем постановлении единогласно принято:

что названная ассоциация заслушала с чувством глубокого удовлетворения и безусловного одобрения сообщение Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К.⁴, озаглавленное: «Размышления об истоках Хэмпстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о Теории Колюшки»; за что названная ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюелу Пиквику, эсквайру, П. Ч. П. К.;

что названная ассоциация, отдавая себе полный отчет о пользе, каковая должна воспоследовать для науки от заслушанного труда, – не меньшей, чем от неутомимых изысканий Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., в Хорнси, Хайгейте, Брикстоне и Кемберуэлле, – не может не выразить глубокой уверенности в неocenимости благ, которые последуют, буде этот ученый муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесет свои исследования в области более широкие, раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений;

что исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., и трех других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединенных пиквикистов нового отдела под названием Корреспондентское общество Пиквикского клуба;

что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюел Пиквик, эсквайр, П. Ч. П. К., Трейси Тапмен, эсквайр, Ч. П. К., Огастес Снодграсс, эсквайр, Ч. П. К., и Натэниел Уинкль, эсквайр, Ч. П. К., сим назначаются и утверждаются членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчеты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или пробужденные ими мысли;

что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспондентского общества принцип – оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества занимались своими изысканиями, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях;

что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предложение оплачивать посылку писем и доставку посылок было обсуждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое предложение достойным великих умов, его породивших, и сим выражает свое полное согласие».

³ Вице-президент, член Пиквикского клуба.

⁴ Президент, член Пиквикского клуба.

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим заметкам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний наблюдатель не нашел бы ничего особо примечательного в плешистой голове и круглых очках, обращенных прямо к лицу секретаря во время чтения приведенных выше резолюций, но для тех, кто знал, что под этим черепом работает гигантский мозг Пиквика, а за этими стеклами сверкают лучезарные глаза Пиквика, зрелище представлялось поистине захватывающим. Восседал муж, проникший до самых истоков величественных Хэмпстедских прудов, ошеломивший весь ученый мир своей Теорией Колюшки, – восседал спокойный и недвижимый, как глубокие воды этих прудов в морозный день или как одинокий представитель этого рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватывающим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнившись жизни и воодушевления, лишь только единодушный призыв: «Пиквик!» – исторгся из груди его последователей, медленно взобрался на виндзорское кресло, в котором перед тем восседал, и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно заложена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пламенной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые – облакай они человека заурядного – не заслуживали бы внимания, но когда в них облекся Пиквик, вдохновляли, если можно так выразиться, на невольное благоговение и почтение: Пиквик в кругу мужей, которые добровольно согласились делить с ним опасности его путешествий и коим предназначено разделить славу его открытий. По правую от него руку сидит мистер Трейси Тапмен, слишком впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью и опытностью зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой слабости – в любви. Время и аппетит увеличили объем этой некогда романтической фигуры; размеры черного шелкового жилета становились более и более внушительными; дюйм за дюймом золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-помалу переползал через край белоснежного галстука, но душа Тапмена не ведала перемены: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидит поэтический Снодграсс, а рядом с ним – спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придает своей персоной невиданный блеск новой зеленой охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светло-серым панталонам в обтяжку.

Торжественная речь мистера Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты, вошла в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других прославленных корпораций; а так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

«Мистер Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграсса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуревают его друга Уинкля. Он (мистер Пиквик) не может отрицать, что незащищен перед человеческими страстями, человеческими чувствами (одобрение), быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: «Нет!»); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь тщеславия – жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот огонь угасал. Похвала людей для него – угроза поджога, любовь к человечеству – страхование от огня. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость – он открыто признает это, и пусть этим воспользуются его враги, – он испытал некую гордость, даруя миру свою Теорию Колюшки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: «Стяжала!» Шумное одобрение.) Да, он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала славу; но если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в сей знаменательный момент своей жизни. (Рукоплескания.) Он – человек незна-

чительный. («Нет! Нет!») Все же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почетное, хотя и сопряженное с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень спокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть джентльмены бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Повсюду пассажирские кареты опрокидываются, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут. (Рукоплескания, голос: «Нет!») Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнесший так громко «нет», выступит и попробует это отрицать. (Возгласы одобрения.) Кто произнес «нет»? (Овации.) Какой-нибудь тщеславный и оскорбленный в своем самолюбии человек... чтобы не сказать – галантерейщик (овации), завидующий тем похвалам, каких удостоились – пусть незаслуженно – его (мистера Пиквика) ученые исследования, и уязвленный порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

Мистер Блоттон (из Олдгейта) говорит к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? («К порядку!», «Председатель!», «Да!», «Нет!», «Продолжайте!», «Довольно!», «Довольно!»)

Мистер Пиквик не дает смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.)

Мистер Блоттон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентльмен – хвастун! (Полное смятение, громкие крики: «Председатель!», «К порядку!»)

Мистер Снодграсс говорит к порядку заседания. Он обращается к председателю. («Слушайте!») Он хочет знать, неужели не положат конец недостойной распре между членами клуба? («Правильно!»)

Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмет назад свое выражение.

Мистер Блоттон заверяет, что, при всем уважении к председателю, не возьмет своего выражения назад.

Председатель считает своим непреложным долгом спросить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

Мистер Блоттон, не колеблясь, отвечает отрицательно – он употребил выражение в пиквикистском смысле. («Правильно! Правильно!») Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвастуном исключительно с пиквикистской точки зрения. («Правильно! Правильно!»)

Мистер Пиквик считает себя вполне удовлетворенным этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его собственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплескания.)»

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они завершились столь удовлетворительно и вразумительно.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

Глава II

Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими из них последствиями

Солнце – этот исполнительный слуга – едва только взошло и озарило утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года, когда мистер Сэмюел Пиквик наподобие дру-гого солнца воспрянул ото сна, открыл окно в комнате и воззрелся на мир, распростертый внизу. Госуэлл-стрит лежала у ног его, Госуэлл-стрит протянулась направо, теряясь вдали, Госуэлл-стрит простиралась налево, и противоположная сторона Госуэлл-стрит была перед ним.

«Таковы, – размышлял мистер Пиквик, – и узкие горизонты мыслителей, которые доволь-ствуются изучением того, что находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой там истине. Могу ли я удовольствоваться вечным созерцанием Госу-элл-стрит и не приложить усилий к тому, чтобы проникнуть в неведомые для меня области, которые ее со всех сторон окружают?» И мистер Пиквик, развив эту прекрасную мысль, начал втискивать самого себя в платье и свои вещи в чемодан. Великие люди редко обращают боль-шое внимание на свой туалет. С бритьем, одеванием и кофе покончено было быстро; не про-шло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руке, с подозрительной трубой в кармане пальто и записной книжкой в жилетном кармане, готовый принять на свои страницы любое открытие, достойное внимания, – прибыл на стоянку карет Сент-Мартинс-Ле-Гранд.

– Кеб! – окликнул мистер Пиквик.

– Пожалуйте, сэр! – заорал странный образчик человеческой породы, облаченный в хол-щовую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то коллекции дикуинок. Это был уотермен⁵.

– Пожалуйте, сэр! Эй, чья там очередь?

«Очередной» кеб был извлечен из трактира, где он курил свою очередную трубку, и мистер Пиквик со своим чемоданом ввалился в экипаж.

– «Золотой крест», – приказал мистер Пиквик.

– Дел-то всего на один боб⁶, Томми, – хмуро сообщил кебмен своему другу уотермену, когда кеб тронулся.

– Сколько лет лошадке, приятель? – полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос при-готовленным для расплаты шиллингом.

– Сорок два, – ответил возница, искоса поглядывая на него.

– Что? – вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кебмен повторил. Мистер Пиквик испытующе воззрелся на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

– А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? – спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

– Две-три недели, – был ответ.

– Недели?! – удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

– Она стоит в Пентонвиле, – заметил равнодушно возница, – но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

⁵ Уотермен – специальный слуга на стоянке пассажирских и почтовых карет; на его обязанности – поить лошадей («уотер» – вода) и следить за очередностью посадки пассажиров; наименование пришлось сохранить, ибо у нас в прошлом на почтовых станциях не было слуг с таким кругом обязанностей.

⁶ Боб – шиллинг на лондонском диалекте.

– Очень слаба! – повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

– Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи, да когда вожжи туго натянуты, она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Мистер Пиквик занес каждое слово этого рассказа в свою записную книжку, имея в виду сделать сообщение в клубе об исключительном примере выносливости лошади в очень тяжелых жизненных условиях.

Едва успел он сделать запись, как они подъехали к «Золотому кресту».

Возница соскочил, и мистер Пиквик вышел из кеба. Мистер Тапмен, мистер Снодграсс и мистер Уинкль, нетерпеливо ожидавшие прибытия своего славного вождя, подошли его приветствовать.

– Получите, – протянул мистер Пиквик шиллинг вознице.

Каково же было удивление ученого мужа, когда этот загадочный субъект швырнул монету на мостовую и в образных выражениях высказал пожелание доставить себе удовольствие – рассчитаться с ним (мистером Пиквиком).

– Вы с ума сошли, – сказал мистер Снодграсс.

– Или пьяны, – сказал мистер Уинкль.

– Вернее, и то и другое, – сказал мистер Тапмен.

– А ну выходи! – сказал кебмен и, как машина, завертел перед собой кулаками. – Выходи... все четверо на одного.

– Ну и потеха! За дело, Сэм! – поощрительно закричали несколько извозчиков и, бурно веселясь, обступили компанию.

– Что за шум, Сэм? – любопытствовал джентльмен в черных коленкорových нарукавниках.

– Шум! – повторил кебмен. – А зачем понадобился ему мой номер?

– Да ваш номер мне совсем не нужен! – отозвался удивленный мистер Пиквик.

– А зачем вы его занесли? – не отставал кебмен.

– Я никуда его не заносил! – возмутился мистер Пиквик.

– Подумайте только, – апеллировал возница к толпе, – в твой кеб залезает шпион и заносит не только твой номер, но и все, что ты говоришь, в придачу. (Мистера Пиквика осенило: записная книжка.)

– Да ну! – воскликнул какой-то другой кебмен.

– Верно говорю! – подтвердил первый. – А потом распалил меня так, что я в драку полез, а он и призвал трех свидетелей, чтобы меня поддеть. Полгода просижу, а проучу его! Выходи!

И кебмен швырнул шляпу оземь, обнаруживая полное пренебрежение к личной собственности, сбил с мистера Пиквика очки и, продолжая атаку, нанес первый удар в нос мистеру Пиквику, второй – в грудь мистеру Пиквику, третий – в глаз мистеру Снодграссу, четвертый, разнообразия ради, в жилет мистеру Тапмену, затем прыгнул сперва на мостовую, потом назад, на тротуар, и в заключение вышиб весь временный запас воздуха из груди мистера Уинкля – все это в течение нескольких секунд.

– Где полисмен?! – закричал мистер Снодграсс.

– Под насос их! – посоветовал торговец горячими пирожками.

– Вы поплатитесь за это, – задыхался мистер Пиквик.

– Шпионы! – орала толпа.

– А ну выходи! – кричал кебмен, не переставая вертеть перед собой кулаками.

До этого момента толпа оставалась пассивным зрителем, но когда пронеслось, что пиквикисты – шпионы, в толпе начали с заметным оживлением обсуждать вопрос, не осуществить ли им в самом деле предложение разгоряченного пирожника, и трудно сказать, на каком наси-

лии над личностью решили бы остановиться, если бы скандал не был прерван неожиданным вмешательством нового лица.

– Что за потеха? – спросил довольно высокий худощавый молодой человек в зеленом фраке, вынырнувший внезапно из каретного двора гостиницы.

– Шпионы! – снова заревела толпа.

– Мы не шпионы! – завопил мистер Пиквик таким голосом, что человек беспристрастный не мог бы усомниться в его искренности.

– Так, значит, не шпионы? Нет? – обратился молодой человек к мистеру Пиквику, уверенным движением локтей раздвигая физиономии собравшихся, чтобы проложить себе дорогу сквозь толпу.

Ученый муж торопливо изъяснил истинное положение вещей.

– Идемте! – проговорил зеленый фрак, силою увлекая за собой мистера Пиквика и не переставая болтать. – Номер девятьсот двадцать четвертый, возьмите деньги, убирайтесь – почтенный джентльмен – хорошо его знаю – без глупостей – сюда, сэр, а где ваши друзья? сплошное недоразумение – не придавайте значения – с каждым может случиться – в самых благопристойных семействах – не падайте духом – не повезло – засадить его – заткнуть ему глотку – узнает, чем пахнет, – ну и каналы!

И продолжая нанизывать подобного рода бессвязные фразы, извергаемые с чрезвычайной стремительностью, незнакомец прошел в зал для пассажиров, куда непосредственно за ним последовал мистер Пиквик со своими учениками.

– Лакей! – заорал незнакомец, неистово потрясая колокольчиком. – Стаканы – грог горячий, крепкий, сладкий, на всех – глаз подбит, сэр? – лакей! – сырой говядины джентльмену на глаз – сырая говядина – лучшее средство от синяков, сэр, – холодный фонарный столб – очень хорошо – но фонарный столб неудобно – чертовски глупо стоять полчаса на улице, приложив глаз к фонарному столбу, – ха-ха! – не так ли? – отлично!

И незнакомец, не переводя дыхания, одним глотком опорожнил полпинты грога и бросился в кресло с такой непринужденностью, как будто ничего необычайного не произошло.

Пока трое его спутников осыпали изъявлениями благодарности своего нового знакомого, у мистера Пиквика было достаточно времени рассмотреть его внешность и костюм.

Он был среднего роста, но благодаря худобе и длинным ногам казался значительно выше. В эпоху «ласточкиных хвостов» его зеленый фрак был щегольским одеянием, но, по-видимому, и в те времена облакал джентльмена куда более низкорослого, ибо сейчас грязные и выцветшие рукава едва доходили незнакомцу до запястья. Фрак был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, грозя неминуемо лопнуть на спине; шею незнакомца прикрывал старомодный галстук, на воротничок рубашки не было и намека. Его короткие черные панталоны со штрипками были усеяны теми лоснящимися пятнами, которые свидетельствовали о продолжительной службе, и были туго натянуты на залатанные и перелатанные башмаки, дабы скрыть грязные белые чулки, которые тем не менее оставались на виду. Из-под его измятой шляпы с обеих сторон выбивались прядями длинные черные волосы, а между обшлагами фрака и перчатками виднелись голые руки. Худое лицо его казалось изможденным, но от всей его фигуры веяло полнейшей самоуверенностью и неописуемым нахальством.

Таков был субъект, на которого мистер Пиквик взирал сквозь очки (к счастью, он их нашел); и когда друзья мистера Пиквика исчерпали запас признательности, мистер Пиквик в самых изысканных выражениях поблагодарил его за только что оказанную помощь.

– Пустяки! – сразу прервал его незнакомец. – Не о чем говорить – ни слова больше – молодчина этот кебмен – здорово работал пятерней – но будь я вашим приятелем в зеленой куртке – черт возьми – свернул бы ему шею – ей-богу – в одно мгновение – да и пирожнику вдобавок – зря не хвалюсь.

Этот набор слов прерван был появлением рочестерского кучера, объявившего, что Комодор⁷ сейчас отойдет.

– Комодор? – воскликнул незнакомец, вскакивая с места. – Моя карета – место заказано – наружное – можете заплатить за грог – нужно менять пять фунтов – серебро фальшивое – брамеджемские пуговицы⁸ – не таковский – не пройдет.

И он лукаво покачал головой.

Случилось так, что мистер Пиквик и его спутники решили сделать в Рочестере первую остановку; сообщив новоявленному знакомому, что они едут в тот же город, они заняли наружные задние места, чтобы сидеть всем вместе.

– Наверху вместе с вами, – проговорил незнакомец, подсаживая мистера Пиквика на крышу со стремительностью, которая грозила нанести весьма существенный ущерб степенности этого джентльмена.

– Багаж, сэр? – спросил кучер.

– Чей? Мой? Со мною вот пакет в оберточной бумаге, и только – остальной багаж идет водой – ящики заколоченные – величиной с дом – тяжелые, чертовски тяжелые! – отвечал незнакомец, стараясь засунуть в карман пакет в оберточной бумаге, внушавший подозрение, что содержимым его были рубашка и носовой платок.

– Головы, головы! Берегите головы! – кричал болтливый незнакомец, когда они проезжали под низкой аркой, которая в те дни служила въездом в каретный двор гостиницы. – Ужасное место – страшная опасность – недавно – пятеро детей – мать – женщина высокая, ест сандвич – об арке забыла – кррак – дети оглядываются – мать без головы – в руке сандвич! – нечем есть – глава семьи обезглавлена – ужасно, ужасно! Рассматриваете Уайтхолл, сэр? Прекрасное место – маленькое окно – там тоже кое-кому голову сняли – а, сэр? – он тоже зазевался – а, сэр? а?

– Я размышлял, – сказал мистер Пиквик, – о странной превратности человеческой судьбы.

– О! Понимаю! Сегодняходишь во дворец через дверь, завтра вылетаешь в окно. Сэр – философ?

– Наблюдатель человеческой природы, сэр, – ответил мистер Пиквик.

– Ну? Я – тоже. Как и большинство людей, у которых мало дела и еще меньше дохода. Сэр – поэт?

– У моего друга мистера Снодграсса большая склонность к поэзии, – ответил мистер Пиквик.

– Как и у меня, – сказал незнакомец. – Эпическая поэма – десять тысяч строк – июльская революция – сочинил на месте происшествия – Марс днем, Аполлон ночью – грохот орудий, бряцание лиры...

– Вы были свидетелем этого замечательного события, сэр? – спросил мистер Снодграсс.

– Свидетелем? Еще бы⁹ – заряжаю мушкет – заряжаюсь идеей – бросился в винный погребок – записал – назад – бац! бац! – новая идея – снова в погребок – перо и чернила – снова назад – режь, руби – славное время, сэр.

Он неожиданно повернулся к мистеру Уинклю:

– Спортсмен, сэр?

– Немного, сэр, – ответил этот джентльмен.

– Прекрасное занятие, сэр, превосходное занятие собаки, сэр?

⁷ *Комодор* – звание в английском военном флоте, среднее между капитаном 1-го ранга и контр-адмиралом. В эпоху Диккенса пассажирские кареты, в отличие от почтовых, часто носили это название.

⁸ *Брамеджемские пуговицы* – фальшивые серебряные монеты.

⁹ Замечательный пример пророческой силы, отличавшей воображение мистера Джингля. Этот диалог происходил в 1827 году, а революция – в 1830 году. – *Примеч. авт.*

– Сейчас нет.

– Что вы! Займитесь собаками – прекрасные животные – умные твари – был у меня пес – пойнтер – удивительное чутье – однажды вышли на охоту – огороженное место – свистнул – собака ни с места – снова свистнул – Понто! – ни с места: как вкопанная – зову – Понто! Понто! – не двигается – собака приросла к месту – устала на забор – взглянул и я – вижу объявление: «Сторожу приказано убивать собак, проникших за эту ограду», – не пошла – изумительный пес, редкий был пес – весьма!

– Факт исключительный! – заметил мистер Пиквик. – Позвольте записать.

– Пожалуйста, сэр, сколько угодно. Сотни рассказов об этой собачке. – Хорошенькая девочка, сэр? (Сие относилось к мистеру Трейси Тапмену, расточавшему отнюдь не пиквикские взгляды юной леди, стоявшей у дороги.)

– Очень! – согласился мистер Тапмен.

– Ну, англичанки не так хороши, как испанки, – прелестные создания – волосы – черные как смоль – глаза черные – стройные фигуры – чудные создания – красавицы!

– Вы были в Испании, сэр? – спросил мистер Тапмен.

– Жил там целую вечность.

– Много одержали побед, сэр? – допытывался мистер Тапмен.

– Побед? Тысячи! – Дон Болеро Фицгиг – гранд – единственная дочь – донна Христина – прелестное создание – любила меня до безумия – ревнивый отец – великодушная дочь – красивый англичанин – донна Христина в отчаянии – синильная кислота – у меня в чемодане желудочный зонд – сделали промывание – старик Болеро Фицгиг в восторге – соглашается на наш союз – руки соединены и море слез – и романтическая история – весьма!

– Эта леди теперь в Англии, сэр? – любопытствовал мистер Тапмен, на которого описание ее прелестей произвело сильнейшее впечатление.

– Умерла, сэр, умерла, – сказал незнакомец, прикладывая к глазу остаток древнего батистового платочка, – не могла оправиться после промывания – слабый организм – пала жертвой.

– А отец? – задал вопрос поэтический мистер Снодграсс.

– Угрызения совести и отчаяние – внезапное исчезновение – город только об этом и говорит – ищут повсюду – безуспешно – вдруг перестал бить фонтан на главной площади – недели идут – засорился – рабочие начинают чистить – вода выкачана – нашли тестя – застрял головой вперед в трубе – полная исповедь в правом сапоге – вытащили, и фонтан забил по-прежнему.

– Вы позвольте мне записать эту романтическую историю, сэр? – спросил потрясенный мистер Снодграсс.

– Сколько угодно, сэр, сколько угодно, еще пятьдесят таких, если они вам по вкусу, – необыкновенная у меня жизнь – любопытная биография – ничего исключительного, но все же необычно.

В таком духе – а в виде вводных предложений пропуская по стаканчику эля, когда меняли лошадей, – разглагольствовал незнакомец, пока они не достигли Рочестерского моста, и за это время записные книжки мистера Пиквика и мистера Снодграсса вместили немало его приключений.

– Величественные развалины! – воскликнул мистер Огастес Снодграсс с отличавшим его поэтическим пылом, когда перед ними открылся вид красивого старого замка.

– Какая находка для любителя древности! – вырвалось из уст мистера Пиквика, когда он приставил к глазу подзорную трубу.

– Прекрасное место, – сказал незнакомец, – славная руина – хмурые стены – шаткие своды – темные закоулки – лестницы вот-вот рухнут – древний собор – затхлый запах – древние ступени стерты ногами пилигримов – маленькие саксонские двери – исповедадьни, словно будки театральных кассиров – чудной народ эти монахи – папы и лорды – казначеи и всякого

рода старцы с толстыми, красными физиономиями и сломанными носами – колеты буйволо- вой кожи – кремневые ружья – саркофаг – прекрасное место – древние легенды – старинные истории – чудесно!

И незнакомец продолжал монолог, пока они не подъехали к гостинице «Бык» на Хай- стрит, куда подкатила карета.

– Вы остановитесь здесь, сэр? – спросил мистер Уинкль.

– Здесь? – Нет – вам советую – хорошее заведение – прекрасные постели – рядом гости- ница Райта, дорого – очень дорого – только посмотришь на слугу, приписывается полкроны к счету – обедаете у друзей, насчитывают еще больше, чем если б вы обедали в гостинице, – странные типы – весьма!

Мистер Уинкль прошептал несколько слов мистеру Пиквику; шепот перешел от мистера Пиквика к мистеру Снодграссу, от мистера Снодграсса к мистеру Тапмену, и они обменялись знаками согласия. Мистер Пиквик обратился к незнакомцу:

– Сегодня утром, сэр, вы оказали нам важную услугу. Разрешите хоть как-нибудь вас отблагодарить. Мы просим оказать нам честь отобедать с нами.

– С большим удовольствием – не смею распоряжаться, но жареная курица с грибами – превосходная вещь! В котором часу?

– Позвольте, – вытаскивая часы, ответил мистер Пиквик. – Сейчас около трех. Назначим на пять?

– Очень удобно, – сказал незнакомец, – ровно в пять – а пока всего хорошего.

И приподняв на несколько дюймов помятую шляпу и небрежно надев ее набекрень, незнакомец, с торчащим из кармана пакетом в оберточной бумаге, быстро прошел по двору и свернул на Хай-стрит.

– Очевидно, он изъездил много стран и пристально наблюдал людей и события, – заметил мистер Пиквик.

– Мне бы хотелось взглянуть на его поэму, – сказал мистер Снодграсс.

– А мне бы очень хотелось видеть эту собаку, – молвил мистер Уинкль.

Мистер Тапмен не сказал ничего. Но думал он о донне Христине, о зонде для промыва- ния желудка и о фонтане. Слезы навернулись у него на глаза.

Заняв отдельную гостиную, осмотрев спальни, заказав обед, они все вместе отправились обозревать город и ближайшие окрестности.

Внимательно читая заметки мистера Пиквика о четырех городах – Страуде, Рочестере, Четеми и Бромтоне, – мы не нашли, чтобы его впечатления существенно отличались от впе- чатлений других путешественников, побывавших в тех же городах. Мы слегка сокращаем его описание.

«Главное, что водится в этих городах, – пишет мистер Пиквик, – это, по-видимому, сол- даты, матросы, евреи, мел, кровати, офицеры и портовые чиновники. На более людных улицах выставлены на продажу: разная рухлядь, леденцы, яблоки, камбала и устрицы. Улицы имеют оживленный вид, чему главным образом способствует веселый нрав военных. Для ума, вдох- новленного любовью к человечеству, является истинным наслаждением созерцать этих храб- рцов, бродящих по улицам и пошатывающихся от избытка жизненных сил и горячительных напитков, особенно если мы вспомним, что следовать за ними и обмениваться с ними шут- ками доставляет дешевое и невинное развлечение подрастающего поколения. Ничто (добав- ляет мистер Пиквик) не может нарушить их добродушия. За день до моего приезда один из них был оскорблен самым грубым образом в трактире. Буфетчица наотрез отказалась отпу- стить ему новую порцию напитков, в ответ на что он (разумеется, шутя) извлек свой штык и ранил ее в плечо. И все же славный малый сам пришел на следующее утро в трактир и выразил готовность не придавать значения этому делу и позабыть то, что произошло.

Потребление табаку в этих городах, – продолжает мистер Пиквик, – должно быть, очень значительно. Улицы пропахли табачным дымом, и этот запах, вероятно, чрезвычайно приятен любителям курения. Поверхностный наблюдатель обратит, пожалуй, внимание на грязь, отличающую эти города; но тот, для кого она свидетельствует об уличном движении и о расцвете торговли, будет вполне удовлетворен».

Ровно в пять часов явился незнакомец, а немного спустя и обед. Со своим пакетом в оберточной бумаге незнакомец расстался, но никаких перемен в его внешности не произошло; и говорлив он был еще больше, если это только возможно.

– А тут что? – спросил он, когда слуга снял крышку с одного из блюд.

– Камбала, сэр.

– А, камбала! – Превосходная рыба – идет из Лондона – владельцы пассажирских карет устраивают политические обеды – доставка камбалы – десятками корзин – ловкие ребята – стаканчик вина, сэр?

– С удовольствием, – согласился мистер Пиквик; и незнакомец выпил сперва за его здоровье, затем за здоровье мистера Снодграсса, затем за здоровье мистера Тапмена, затем за здоровье мистера Уинкля и, наконец, за всех вместе; и все это проделал так же стремительно, как болтал.

– Чертовская сутолока на лестнице, лакей, – сказал он. – Скамейки наверх – плотники вниз – лампы, стаканы, арфы. Что-нибудь готовится?

– Бал, сэр, – ответил слуга.

– Ассамблея, а?

– Нет, сэр, не ассамблея, сэр. Бал с благотворительной целью, сэр.

– Не знаете ли, сэр, много в этом городе хорошеньких женщин? – с великим интересом спросил мистер Тапмен.

– Блистательны! – Превосходны! Кент, сэр! – Кто не знает Кента! – Яблоки, вишни, хмель и женщины. Стаканчик вина, сэр?

– С большим удовольствием, – согласился мистер Тапмен.

Незнакомец налил и выпил.

– Мне бы очень хотелось посетить, – молвил мистер Тапмен, подразумевая бал. – Очень бы хотелось.

– Билеты в буфете, полгинеи, сэр, – вернул слуга.

Мистер Тапмен снова выразил горячее желание побывать на балу; но, не встретив сочувствия в помутившихся глазах мистера Снодграсса и в отсутствующем взгляде мистера Пиквика, он утешился, отдав должное портвейну и десерту, появившимся на столе.

Слуга удалился, и компания осталась наслаждаться приятным послеобеденным препровождением времени.

– Прошу прощения, сэр, – начал незнакомец, – бутылка оплачена – пустите – по кругу – по солнцу – пить до дна.

И он осушил стакан, который наполнил минуты две назад, и налил другой с видом человека, весьма к этому привычного.

Вино было выпито, потребовали еще. Гость говорил, пиквикисты слушали. С каждой секундой мистер Тапмен все пламенней мечтал о бале. Выражение всепоглощающей доброты разливалось на лице мистера Пиквика; а мистер Уинкль и мистер Снодграсс заснули крепким сном.

– А наверху уже началось, – сказал незнакомец. – Слушайте – настраивают скрипки – арфу – поехали!

Звуки, доносившиеся сверху, возвестили о начале первой кадрили.

– Как бы мне хотелось пойти! – снова молвил мистер Тапмен.

– И я не прочь, – сказал незнакомец, – проклятый багаж – везут на баркасах – не в чем идти – досадно! – досадно!

Одним из основных начал пиквикистской теории была доброжелательность, и этому благородному принципу мистер Трейси Тапмен следовал с большим рвением, чем кто бы то ни было. В протоколах клуба почти в невероятном количестве упоминаются случаи, когда этот превосходный джентльмен направлял объекты благотворительности к другим членам клуба за поношенным платьем или за денежным пособием.

– Я бы с удовольствием одолжил вам для этого дела свой костюм, – начал мистер Трейси Тапмен, – но вы худощавы, тогда как я...

– Толстоват – как Бахус в зрелом возрасте – снял листья, слез с бочки и облачился в сукно, а? – Ха-ха! Не валяно, а напялено? Переправьте бутылку.

Задел ли мистера Тапмена повелительный тон, каким было выражено требование переправить вино, с которым незнакомец тут же покончил, или он весьма справедливо почувствовал себя шокированным тем, что влиятельного члена Пиквикского клуба нагло сравнили с Бахусом, слезшим с бочки, – этот вопрос достаточно не выяснен. Он передал бутылку, кашлянул дважды и несколько секунд пристально смотрел на незнакомца; но так как этот субъект оставался вполне спокойным и совершенно безмятежным под его испытующим взглядом, он постепенно смягчился и снова вернулся к теме о бале.

– Я хотел сказать, сэр, – начал он, – если мой костюм вам широк, то костюм моего друга мистера Уинкля, пожалуй, будет впору.

Незнакомец взглядом снял мерку с мистера Уинкля и, просияв, удовлетворенно бросил:

– В самую пору!

Мистер Тапмен огляделся вокруг. Вино, возымевшее снотворное действие на мистера Снодграсса и мистера Уинкля, отуманило мозг мистера Пиквика. Сей джентльмен постепенно проходил все те стадии, какие предшествуют летаргии, вызванной обедом. Он прошел все этапы, спускаясь с высот бурной веселости в глубины отчаяния, а из глубин отчаяния снова возносясь на вершины веселья. Подобно уличному газовому фонарю, когда ветер задувает в трубку, он на момент вспыхнул неестественно ярким светом, затем потускнел так, что едва можно было его различить, после короткого перерыва снова разгорелся, опять замигал и замерцал и, наконец, угас окончательно. Голова его поникла на грудь; и только непрерывный храп да наступающие время от времени короткие вдохи, напоминавшие припадки удушья, оставались единственными доступными слуху указаниями на присутствие великого мужа.

Желание попасть на бал и оценить красоту кентских леди томило мистера Тапмена. Желание захватить с собой нового знакомого было не менее сильно. Города и его обитателей он не знал, а новый приятель настолько был в курсе дела, что казалось, жил в этих краях с самого детства. Мистер Уинкль спал, а мистер Тапмен был достаточно опытен в таких делах и знал, что в момент пробуждения тот – согласно природе вещей – способен только на одно – рухнуть в постель. Он пребывал в нерешительности.

– Налейте себе и передайте бутылку, – напомнил неугомонный гость.

Мистер Тапмен совершил то, что от него требовалось, и добавочный стимул последнего стакана подсказал ему решение.

– К Уинклю можно попасть через мою спальню, – сказал он, – если я его сейчас разбужу, все равно он не поймет, что мне от него нужно; но я знаю, что у него в саквояже есть фракная пара, и если вы ее наденете на бал, а затем, когда мы вернемся, снимете, я уложу ее в саквояж, вовсе не беспокоя его по этому поводу.

– Превосходно, – одобрил гость, – великолепный план – глупейшее положение – четырнадцать костюмов в багаже, а приходится надевать чужой – замечательная идея – весьма!

– Нужно купить билеты, – решил мистер Тапмен.

– Не стоит дробить гинею – бросим жребий, кому платить за обоих – я называю; вы пускайте – раз – женщина, женщина, очаровательная женщина! – И соверен упал кверху драконом (из любезности наименованным женщиной).

Мистер Тапмен позвонил, купил билеты и приказал подать свечи. Через четверть часа новый знакомец был полностью облачен во фракную пару мистера Натэниела Уинкля.

– Это новый фрак, – объяснил мистер Тапмен, пока гость с большим удовлетворением разглядывал себя в стенное зеркало. – Первый фрак со значком нашего клуба! – И он обратил внимание приятеля на большой позолоченный значок, в центре которого красовался бюст мистера Пиквика, а по сторонам его инициалы П. К.

– П. К.? – спросил тот. – Странное украшение – портрет этого старикана и П. К.? Что это значит – П. К.? Прескверный костюм, а?

Мистер Тапмен с важностью и не без раздражения раскрыл таинственные инициалы.

– Талия коротковата? – сказал новый знакомец, вертясь перед зеркалом, чтобы разглядеть пуговицы на талии, которые пришлось чуть не на середину спины. – Как у почтальона – смешные у них кафтаны – одного размера – без примерки – таинственное предопределение – малорослым достаются длинные кафтаны – высоким короткие.

Болтая без умолку, новый приятель мистера Тапмена оправил свой фрак, вернее фрак мистера Уинкля, и в сопровождении мистера Тапмена поднялся по лестнице, ведущей в зал.

– Ваши фамилии, сэр? – спросил лакей у двери.

Только что мистер Тапмен собрался сообщить свое имя, как вмешался его товарищ.

– Никаких имен! – И затем зашептал мистеру Тапмену: – Не надо имен – не известны – славные имена, но широкой публике не известны – для маленькой вечеринки превосходные имена, но на балу не произведут впечатления – инкогнито, вот что надо! – Джентльмены из Лондона – знатные путешественники – вот!

Дверь распахнулась, и мистер Трейси Тапмен с незнакомцем вошли в зал. Это была длинная комната со скамьями, обтянутыми малиновой материей, и со стеклянными люстрами, в которых торчали восковые свечи. Музыканты были тщательно спрятаны на закрытой эстраде, и несколько пар отплясывало по всем правилам кадрили. В соседней комнате расставлено было два ломберных стола, за которыми сражались в вист четыре пожилые леди и соответствующее число толстых джентльменов.

Кадриль кончилась, танцующие стали прогуливаться по залу, и мистер Тапмен с приятелем поместились в углу, чтобы обозреть собравшихся.

– Очаровательные женщины! – заметил мистер Тапмен.

– Погодите минутку, – сказал незнакомец. – Сейчас здесь забавные типы, – которые познатней, еще не пришли, – странное местечко – портовые чиновники, которые повыше рангом, знать не хотят портовых чиновников рангом пониже – чиновники рангом пониже знать не хотят мелких помещиков – мелкие помещики знать не хотят купцов – начальник порта знать не хочет никого.

– Кто этот мальчишка с красными глазками, блондин, в маскарадном костюме? – спросил мистер Тапмен.

– Тсс! – Красные глазки – маскарадный костюм – мальчишка – чепуха – прапорщик Девяносто седьмого полка – почтенный Уилмот Снайпс – благородная фамилия – Снайпс – весьма!

– Сэр Томас Клаббер, леди Клаббер и мисс Клаббер! – громовым голосом провозгласил лакей.

По залу прошел шепот, когда показались высокий джентльмен в синем фраке с блестящими пуговицами, объемистая леди в синем шелковом платье и две молодые леди, столь же объемистые, в модных платьях того же цвета.

– Правительственный комиссар – начальник порта – важная особа – весьма важная особа, – зашептал новый знакомый в ухо мистеру Тапмену, пока благотворительный комитет провожал сэра Томаса Клаббера с семейством в почетный угол зала.

Почтенный Уилмот Снайпс и другие избранные джентльмены бросились приветствовать двух мисс Клаббер, а сэр Томас Клаббер стоял прямой, как палка, и величественно взирал поверх своего черного галстука на собравшееся общество.

– Мистер Смити и миссис Смити с дочерьми, – доложил лакей.

– Кто такой мистер Смити? – прошептал мистер Тапмен.

– Служит в порту, – ответил новый знакомец.

Мистер Смити почтительно поклонился сэру Томасу Клабберу, а сэр Томас Клаббер с подчеркнутой снисходительностью ответил на поклон. Леди Клаббер бросила через лорнет высокомерный взгляд на миссис Смити с семейством, а миссис Смити в свою очередь пронзила миссис Как-ее-бишь, чей муж вовсе не служил в порту.

– Полковник Балдер, миссис Балдер и мисс Балдер! – так возвестили о вновь прибывших.

– Начальник гарнизона, – шепнул приятель мистера Тапмена в ответ на вопрошающий взгляд последнего.

Две мисс Клаббер радостно встретили мисс Балдер; с чрезвычайной горячностью приветствовали друг друга полковница Балдер и леди Клаббер; полковник Балдер и сэр Томас Клаббер позаимствовались друг у друга понюшкой табаку и при этом очень походили на двух Александров Селькирков – «повелителей всего, что объемлет глаз».

Пока городская знать – Балдеры, Клабберы, Снайпсы – блюла свое достоинство в почетном конце зала, другие классы общества подражали ее примеру в других частях зала. Менее аристократические офицеры 97-го полка уделяли свое внимание менее важным семьям портовых чиновников. Жены законовевов и жена винного торговца возглавляли общество рангом пониже (супруга пивовара бывала у Балдеров); а миссис Томлинсон, содержательница почтовой конторы, казалось, с общего согласия предводительствовала купечеством.

Одним из самых популярных членов своего кружка был маленький толстый джентльмен с бахромой торчащих черных волос, окаймлявших большую плешь, – доктор Слеммер, военный врач 97-го полка. Доктор угощался табачком из всех табакерок, со всеми болтал, хохотал, танцевал, шутил, играл в вист – всюду поспевал. Ко всем своим многообразным занятиям маленький доктор присовокуплял еще одно, более важное: он, не щадя сил, оказывал самое неослабное внимание маленькой пожилой вдове, чье роскошное платье и обилие украшений обещали лакомое добавление к скромному докторскому жалованью.

Именно на доктора и на вдову устремлены были взгляды мистера Тапмена и его приятеля, когда последний прервал молчание.

– Денег тьма – старуха – надутый доктор – прекрасная идея – чертовски весело, – срывались с его уст маловразумительные словосочетания.

Мистер Тапмен испытующе посмотрел на него.

– Пойду танцевать со вдовой, – заявил тот.

– Кто она? – спросил мистер Тапмен.

– Понятия не имею – вижу первый раз в жизни – оттеснить доктора – попробуем.

И незнакомец пересек комнату и, облокотившись о каминную доску, устремил на толстую физиономию старой леди взор, полный почтительного и меланхолического восхищения.

Мистер Тапмен взирал безгласно и удивленно. Его приятель быстро преуспевал; маленький доктор танцевал с какой-то другой леди; вдова уронила веер, приятель поднял его и вручил ей – улыбка – поклон – реверанс – несколько слов. Затем он смело подошел к распорядителю и вернулся вместе с ним к вдове; краткая пантомима представления; новый знакомец мистера Тапмена занял место в кадрили рядом с миссис Баджер.

Сколь ни велико было удивление мистера Тапмена перед этой стремительностью действий, изумление доктора было неизмеримо больше. Незнакомец был молод, вдова польщена. Она перестала замечать ухаживания доктора, а негодование последнего не производило на его невозмутимого соперника ни малейшего впечатления. Доктор Слеммер остолбенел. Он, доктор Слеммер 97-го полка, вытеснен мгновенно, и кем? – субъектом, которого никто раньше не видел и которого никто здесь не знал. Доктор Слеммер – доктор Слеммер 97-го полка – отвергнут! Неслыханно! Быть не может! Но – увы! – это так. Что это? Представляет своего приятеля? Глазам не верится!

Он посмотрел снова и с горечью убедился, что зрение его не обманывает: миссис Баджер танцевала с мистером Трейси Тапменом – ошибиться было невозможно; вдова с необычайной живостью носилась по залу, а мистер Трейси Тапмен приплясывал около нее. Лицо его выражало необычайную торжественность. Он танцевал так (как танцуют многие), словно кадрили – не веселая забава, а жестокое испытание для наших чувств, требующее непреклонной выдержки.

Терпеливо и молча доктор выносил и это, и все, что последовало: угощение нигесом¹⁰, заботу о стаканах, добывание печенья и кокетничанье; но через несколько секунд после того, как незнакомец исчез, чтобы проводить миссис Баджер до кареты, доктор молниеносно вылетел из комнаты, и долго сдерживаемое негодование изошло потом, проступившим сквозь каждую пору его физиономии.

Незнакомец вернулся, мистер Тапмен был с ним. Незнакомец что-то ему шептал и смеялся. Маленький доктор жаждал его крови. Он ликует! Он одержал победу!

– Сэр, – произнес он грозно, протягивая свою визитную карточку и отступая в угол вестибюля, – меня зовут Слеммер, доктор Слеммер, сэр, Девяносто седьмого полка, Четемские казармы... Моя карточка, сэр... – Он хотел еще что-то прибавить, но задохнулся от бешенства.

– Слеммер? – холодно переспросил незнакомец. – Очень рад – вы внимательны – но я не болен, Слеммер – когда заболею – позову вас.

– Вы... вы проходимец, сэр! – задыхался взбешенный доктор. – Трус! Лгун! Э... э... потрудитесь дать мне свою карточку, сэр!

– А, понимаю, – бормотал незнакомец, – здесь слишком крепкий нигес – щедрый хозяин – весьма неблагоразумно – весьма – лимонад лучше – в комнатах жарко – пожилые джентльмены – утром будет голова трещать – прискорбно – прискорбно...

И он слегка попятился.

– Вы остановились в этой гостинице, сэр, – бесновался маленький доктор, – сейчас вы пьяны, сэр, утром вы обо мне услышите. Я разыщу вас, сэр! Разыщу, где бы вы ни были!

– Скорей всего, где меня не будет, – невозмутимо ответил незнакомец.

Доктор Слеммер бросил на него кровожадный взгляд и, негодуя, напялил на себя с размаху шляпу. Мистер Тапмен с приятелем поднялись в спальню мистера Тапмена, дабы вернуть одеяние ничего не подозревавшему мистеру Уинклю.

Этот джентльмен спал непробудным сном, и костюм скоро был водворен на место. Незнакомец пребывал в крайне веселом расположении духа, а мистеру Трейси Тапмену, возбужденному вином, нигесом, огнями и лицезрением леди, все происшедшее казалось изысканной шуткой; после попыток отыскать в своем ночном колпаке отверстие, предназначенное для головы, мистер Трейси Тапмен, надевая ночной колпак, опрокинул подсвечник и, совершив ряд сложных эволюций, добрался до постели и моментально погрузился в сон.

Едва только пробило на следующее утро семь часов, как всеобъемлющий дух мистера Пиквика был выведен из бессознательного состояния, в которое погрузил его ночной сон, громким стуком в дверь.

¹⁰ *Hugess* – напиток, названный так по имени составителя его: портвейн с сахаром и лимоном.

– Кто там? – приподнимаясь на постели, спросил мистер Пиквик.

– Коридорный, сэр.

– Что нужно?

– Сэр, не можете ли вы сказать, кто из ваших знакомых джентльменов носит светло-синий фрак с золоченым значком и с буквами П. К. на нем?

«Должно быть, он взял почистить платье и позабыл, чье оно», – подумал мистер Пиквик и ответил:

– Мистер Уинкль, третья комната направо.

– Благодарю вас, сэр, – ответил коридорный, удаляясь.

– В чем дело? – закричал мистер Тапмен, когда громкий стук в дверь пробудил его от глубокого сна.

– Мне нужен мистер Уинкль! – слышался голос коридорного.

– Уинкль! Уинкль! – крикнул мистер Тапмен мистеру Уинклю, который спал в соседней комнате.

– Что? – отозвался слабый голос с постели.

– Вас кто-то спрашивает... там у двери... – С трудом выдавив из себя эти слова, мистер Тапмен повернулся на другой бок и снова заснул.

– Спрашивает? – повторил мистер Уинкль, спрыгивая с постели и натягивая на себя необходимые принадлежности туалета. – Спрашивает? Кто бы это мог спрашивать меня так далеко от Лондона?

– Джентльмен ждет в столовой, – сказал коридорный, когда мистер Уинкль открыл дверь. – Джентльмен говорит, что ему обязательно нужно вас видеть и задержит он вас недолго.

– Странно, – пробормотал мистер Уинкль. – Я сейчас приду.

Он поспешно надел халат, закутался в плед и спустился по лестнице. Старуха и двое служителей занимались уборкой в столовой, у окна стоял офицер в мундире. Он повернулся при входе мистера Уинкля и чопорно поклонился. Приказав слугам выйти и плотно прикрыв за ними дверь, он сказал:

– Мистер Уинкль, если не ошибаюсь?

– Да, меня зовут Уинкль, сэр.

– Надеюсь, вас не удивит, сэр, если я скажу, что пришел к вам по поручению моего друга, доктора Слеммера Девяносто седьмого полка.

– Доктора Слеммера? – переспросил мистер Уинкль.

– Доктора Слеммера. Он поручил мне довести до вашего сведения его мнение, что вы вели себя вчера вечером не по-джентльменски и (добавил он) что ни один джентльмен не может позволить себе такого поведения по отношению к другому джентльмену.

Удивление мистера Уинкля было столь непритворным и очевидным, что не ускользнуло от внимания друга доктора Слеммера; поэтому он продолжал:

– Мой друг, доктор Слеммер, просил меня прибавить, что, по его убеждению, вчера вечером вы были в состоянии опьянения и, может быть, не отдаете себе отчета в степени оскорбления, вами нанесенного. Он поручил мне также заявить, что в случае ссылки на это обстоятельство как на оправдание вашего поведения он согласен принять ваше письменное извинение, которое я вам продиктую.

– Письменное извинение? – повторил мистер Уинкль в крайнем возбуждении.

– Разумеется, последствия отказа вам ясны, – холодно добавил посетитель.

– Вы уверены, что это поручение относится именно ко мне? – спросил мистер Уинкль, чей рассудок пребывал в результате этого необычайного объяснения в самом безнадежном смятении.

– Я сам не присутствовал при этом, – ответил посетитель, – но так как вы наотрез отказались вручить свою визитную карточку доктору Слеммеру, этот джентльмен просил меня уста-

новить личность владельца не совсем обычного фрака – светло-синего с позолоченным значком, на котором изображен бюст и литеры П. К.

Мистер Уинкль, услышав столь детальное описание своего фрака, вздрогнул от изумления. Друг доктора Слеммера продолжал:

– Из расспросов в гостинице я узнал, что владелец этого фрака прибыл вчера днем вместе с тремя другими джентльменами. Я тотчас же послал слугу к джентльмену, который, по видимому, возглавляет компанию, а он указал на вас.

Если бы башня Рочестерского замка вдруг снялась с места и остановилась против окна, у которого стоял мистер Уинкль, его удивление было бы ничтожно по сравнению с тем глубоким изумлением, какое он испытывал, слушая приведенные выше слова. Вдруг ему пришло на ум, что фрак украден.

– Будьте добры, подождите одну секунду, – проговорил он.

– Пожалуйста, – ответил непрощенный посетитель.

Мистер Уинкль мигом взлетел по лестнице и дрожащими руками открыл саквояж. Фрак покоился на своем месте, но после тщательного осмотра оказалось, что кто-то несомненно надевал его прошлой ночью.

– Так и есть! – пролепетал мистер Уинкль, роняя фрак. – Я выпил после обеда слишком много вина, и мне смутно помнится, я выходил на улицу и курил сигару. Факт налицо – я был очень пьян; вероятно, я переоделся... куда-нибудь вышел... и кого-то оскорбил... Да, конечно, так оно и есть, и ужасные последствия – этот посетитель.

Вслед за сим мистер Уинкль направился в столовую с мрачной и страшной решимостью принять вызов воинственного доктора Слеммера и приготовился к наихудшему.

К этому решению мистера Уинкля вынуждали различные соображения, главным из коих была его репутация в клубе. Всегда он считался высшим авторитетом по всем вопросам спорта и физической тренировки, преследующей цели наступательные, оборонительные и просто безобидные; и если он уклонится от этого первого испытания – на глазах вождя, – авторитет его будет потерян навсегда. Кроме того, он не раз слышал от лиц, в эти дела посвященных, что благодаря уговору секундантов пистолеты редко заряжались пулями; и, наконец, он решил, что, если он обратится к мистеру Снодграссу с просьбой быть секундантом и в пламенных выражениях нарисует ему опасность положения, этот джентльмен, по всей вероятности, сообщит обо всем мистеру Пиквику, который тотчас же поставит в известность местные власти и спасет своего ученика от смерти или увечья.

С этими мыслями он вернулся в столовую и заявил о своем намерении принять вызов доктора.

– Угодно вам назвать одного из ваших друзей, с которым я мог бы условиться о времени и месте встречи? – спросил офицер.

– Это совершенно излишне, – возразил мистер Уинкль, – назначьте время и место, и я явлюсь туда в сопровождении своего друга.

– Скажем... сегодня вечером, на закате? – предложил офицер небрежным тоном.

– Очень хорошо, – ответил мистер Уинкль, думая про себя, что это очень плохо.

– Вы знаете форт Питта?

– Да, видел вчера.

– Потрудитесь тогда выйти в поле, которое тянется вдоль рва, и свернуть по тропинке влево, пока не дойдете до угла форта, затем идите прямо, пока не увидите меня. Я провожу вас в уединенное место, где мы завершим все дело, не боясь никакой помехи.

«Не боясь помехи!» – пронеслось в голове мистера Уинкля.

– Кажется, все, – сказал офицер.

– Думаю, что так, – согласился мистер Уинкль.

– Честь имею кланяться.

– Честь имею кланяться.

И офицер, весело насвистывая, вышел.

Завтрак прошел не слишком оживленно. Мистер Тапмен после непривычной для него беспутной ночи был не в состоянии подняться с постели; мистер Снодграсс, казалось, пребывал в поэтическом унынии, и даже мистер Пиквик проявил необычную любовь к молчанию и содовой воде. Мистер Уинкль с нетерпением ждал удобного случая. Долго ждать не пришлось. Мистер Снодграсс предложил осмотреть замок, и так как, кроме мистера Уинкля, никто не изъявил желания, то они и отправились вдвоем.

– Снодграсс, – проговорил мистер Уинкль, когда они оставили за собой людную улицу, – милый Снодграсс, можете ли вы хранить тайну?

Говоря это, он крепко надеялся, что тот не может.

– Могу! – был ответ. – Я могу дать клятву...

– Нет, нет! – воскликнул Уинкль, пришедший в ужас при мысли, что его друг поклянется не выдавать его. – Не клянитесь, в этом нет необходимости.

Мистер Снодграсс опустил руку, в поэтическом порыве воздетую было к облакам, которые он хотел призвать в свидетели, и приготовился внимательно слушать.

– Дорогой друг, мне нужна ваша помощь в деле чести, – вымолвил мистер Уинкль.

– Рассчитывайте на меня!

И мистер Снодграсс стиснул руку друга.

– С доктором – с доктором Слеммером Девяносто седьмого полка, – продолжал мистер Уинкль, стараясь изо всех сил говорить торжественно, – дуэль с офицером, у которого секундант тоже офицер... Сегодня на закате, в пустынном месте, за фортом Питта.

– Я к вашим услугам, – был ответ мистера Снодграсса.

Он был удивлен, но нисколько не огорчен. Поразительно, какое хладнокровие проявляют в таких случаях все, кроме дуэлянтов! Об этом мистер Уинкль позабыл. О чувствах приятеля он судил по своим.

– Последствия могут быть ужасны, – сказал мистер Уинкль.

– Надеюсь, что нет, – отозвался мистер Снодграсс.

– Доктор, по-видимому, хороший стрелок.

– Да, эти военные хорошо стреляют, – спокойно согласился мистер Снодграсс. – Но ведь и вы тоже, не так ли?

Мистер Уинкль ответил утвердительно. Установив, что мистер Снодграсс не слишком встревожен, он изменил тактику.

– Снодграсс, – продолжал он, и голос его задрожал, – если я паду мертвым, вы найдете в пакете, который я вам вручу, письмо к моему... моему отцу.

И этот путь не годился. Мистер Снодграсс был тронут, но взял на себя доставку письма с такой готовностью, словно был двухпенсовым письмоносец¹¹.

– Если я паду мертвым, – продолжал мистер Уинкль, – или если доктор падет мертвым, вы, мой друг, окажетесь соучастником в этом деле. Могу ли я обрекать своего друга на ссылку... быть может, на вечную ссылку!

Мистер Снодграсс колебался только один момент, но героизм его выдержал испытание.

– Во имя дружбы я готов подвергнуть себя любым опасностям! – воскликнул он восторженно.

О, как мистер Уинкль мысленно проклинал его дружескую преданность, пока они молча шагали рядом, погружившись каждый в свои размышления! Время шло, и мистер Уинкль начал приходить в отчаяние.

¹¹ *Двухпенсовый письмоносец* – почтальон, разносивший в лондонском Сити городские письма, доставка которых во времена Диккенса оплачивалась двумя пенсами.

– Снодграсс! – сказал он, вдруг остановившись. – Не вздумайте обмануть меня... Не сообщайте об этом властям... Не помышляйте обращаться к констеблям, чтобы они арестовали меня или доктора Слеммера Девяносто седьмого полка, квартирующего в настоящее время в Четемских казармах, и тем самым помешали дуэли. Заклинаю вас, не делайте этого!

Мистер Снодграсс с жаром схватил руку друга и с энтузиазмом воскликнул:

– Ни за что на свете!

Дрожь прошла по телу мистера Уинкля, когда он проникся убеждением, что у него нет надежды вызвать какие-либо опасения у своего друга и что он обречен стать живой мишенью.

После того как мистеру Снодграссу были объяснены все формальности и ящик с дуэльными пистолетами был взят напрокат у рочестерского оружейника совокупно с достаточным запасом пороха, пуль и пистонов, оба друга вернулись в гостиницу – мистер Уинкль, дабы поразмыслить о предстоящем поединке, а мистер Снодграсс – привести в порядок смертоносное оружие, чтобы можно было им воспользоваться.

Был унылый и душный вечер, когда они снова вышли из дому для свершения трудного дела. Не желая обращать на себя внимание прохожих, мистер Уинкль задрапировался в широкий плащ, а мистер Снодграсс под своим плащом скрыл орудия смертоубийства.

– Все захватили с собой? – взволнованно спросил мистер Уинкль.

– Все, – ответил мистер Снодграсс. – Боевых запасов вполне достаточно, на случай если первые выстрелы будут безрезультатны. В ящике четверть фунта пороха, а в кармане у меня две газеты для пыжей.

Такие дружеские заботы могли вызвать только признательность. Надо думать, что благодарность мистера Уинкля действительно была слишком глубока, чтобы найти себе подходящее выражение, ибо он ни слова не проронил и продолжал идти... не слишком спеша.

– Мы пришли как раз вовремя, – заметил мистер Снодграсс, когда они перелезли через забор первого поля, – солнце на закате.

Мистер Уинкль взглянул на опускавшийся солнечный диск и горестно подумал о том, что, быть может, и сам он скоро «закатится».

– А вот и офицер! – воскликнул он через несколько минут.

– Где? – спросил мистер Снодграсс.

– Вот... джентльмен в синем плаще.

Мистер Снодграсс посмотрел туда, куда указывал перстом его друг, и увидел фигуру в плаще. Офицер дал понять жестом, что их увидел. Друзья следовали по его стопам в нескольких шагах от него.

Вечер с каждой минутой становился более унылым, ветер печально свистел в пустынном поле, словно где-то далеко великан свистом звал собаку. Мрачная картина удручающе действовала на мистера Уинкля. Когда они шли мимо рва, он вздрогнул – ров казался огромной могилой.

Внезапно офицер свернул с тропинки, перелез через частокол, пробрался сквозь живую изгородь и очутился в пустынном поле. Там ждали два джентльмена: один – маленький, толстый, с черными волосами, другой – представительный мужчина в сюртуке, обшитом тесьмой, хладнокровно восседавший на складном стуле.

– Наш противник и врач, – предположил мистер Снодграсс. – Глотните бренди.

Мистер Уинкль жадно схватил протянутую плетеную фляжку и проглотил изрядную порцию укрепляющего напитка.

– Мой друг, сэр, мистер Снодграсс, – представил приятеля мистер Уинкль, когда офицер подошел к ним.

Друг доктора Слеммера отвесил поклон и вытащил ящик, весьма похожий на тот, который нес с собой мистер Снодграсс.

– Полагаю, что нам говорить не о чем, сэр, – холодно заметил он, открывая ящик, – предложение извиниться было вами решительно отклонено.

– Не о чем, сэр, – отвечал мистер Снодграсс, которому становилось как-то не по себе.

– Приступим! – сказал офицер.

– Конечно, – согласился мистер Снодграсс.

Отмерив дистанцию, с приготовлениями покончили.

– Эти пистолеты лучше ваших, – сказал секундант противника, протягивая принесенное оружие. – Вы видели, как я их заряжал. Не возражаете?

– Что вы! – воскликнул мистер Снодграсс.

Это предложение вывело его из немаловажного затруднения, ибо сведения мистера Снодграсса о том, как заряжают пистолеты, были довольно туманны и неопределенны.

– Ну, теперь мы можем их расставить по местам, – продолжал офицер равнодушным тоном, словно дуэлянты были шахматными фигурами, а секунданты – игроками.

– Конечно, конечно! – подхватил мистер Снодграсс. Он согласился бы на любое предложение, ибо ничего не смыслил в подобного рода делах.

Офицер направился к доктору Слеммеру, а мистер Снодграсс подошел к мистеру Уинклю.

– Все готово! – сказал он, протягивая мистеру Уинклю пистолет. – Дайте ваш плащ.

– Мой пакет у вас, дорогой друг? – прошептал бедный Уинкль.

– Да, все в порядке. Будьте хладнокровны и цельте ему в плечо.

Мистеру Уинклю показалось, что этот совет ничем не отличается от тех, которые неизменно дают уличные зрители малышу, ввязавшемуся в драку: «Смелей, поколоти его!» – совет превосходный, если только знаешь, как им воспользоваться. Молча мистер Уинкль снял свой плащ – этот плащ всегда приходилось долго расстегивать – и взял пистолет. Секунданты отступили в сторону, то же самое сделал джентльмен, сидевший на складном стуле, и противники начали приближаться друг к другу.

Мистер Уинкль всегда отличался крайним человеколюбием. И можно предположить, что, достигнув роковой черты, он закрыл глаза именно потому, что не хотел сознательно искалечить существо, себе подобное; то обстоятельство, что глаза его были закрыты, помешало ему заметить очень странное и непонятное поведение доктора Слеммера. Сей джентльмен выступил вперед, вытаращил глаза, отступил назад, протер глаза, снова вытаращил их и, наконец, крикнул:

– Стойте, стойте!

– Что это значит? – спросил доктор Слеммер, когда его приятель и мистер Снодграсс подбежали к нему. – Это не тот.

– Не тот? – сказал секундант доктора Слеммера.

– Не тот? – сказал мистер Снодграсс.

– Не тот? – сказал джентльмен со складным стулом под мышкой.

– Конечно, не тот, – ответил маленький доктор. – Это не то лицо, которое оскорбило меня вчера вечером.

– Странная вещь! – воскликнул офицер.

– Очень! – подтвердил джентльмен со стулом. – Вопрос только в том, не должны ли мы формально считать этого джентльмена, раз он начал поединок, тем самым субъектом, который оскорбил вчера вечером нашего друга, доктора Слеммера, независимо от того, действительно ли он является этим субъектом или нет.

Высказав такую мысль с видом весьма загадочным и мудрым, джентльмен со стулом запустил в нос большую понюшку и окинул присутствующих глубокомысленным взглядом человека, авторитетного в подобных делах.

Мистер Уинкль сразу открыл глаза, а также наострил уши, лишь только услышал, что противник призывает к прекращению враждебных действий; уловив из последующих слов противника, что, несомненно, произошла ошибка, он моментально сообразил, сколь выгодно для его репутации скрыть истинные причины, побудившие его выйти на дуэль. Поэтому он храбро выступил вперед и заявил:

– Я – не то лицо, которое вы имеете в виду. Я это знаю.

– В таком случае это оскорбление для доктора Слеммера, – решил джентльмен со стулом, – достаточное основание немедленно продолжать дуэль.

– Успокойтесь, Пейн, – перебил секундант доктора. – Отчего же, сэр, вы не сказали мне об этом сегодня утром?

– Ну конечно... конечно! – с негодованием подхватил джентльмен со стулом.

– Прошу вас, Пейн, успокойтесь, – снова вмешался секундант. – Итак, сэр, могу я повторить свой вопрос?

– Потому, сэр, – ответил мистер Уинкль, успевший обдумать ответ, – потому, сэр, что вы мне сказали, будто тот невоспитанный и пьяный субъект был одет во фрак, который я не только имею честь носить, но и сам изобрел, предложив его для членов Пиквикского клуба в Лондоне. Я считаю своим долгом защищать честь мундира – вот почему я без всяких объяснений принял вызов.

– Уважаемый сэр, – сказал маленький доктор, подходя и протягивая руку, – я высоко ценю вашу храбрость. И позвольте мне сказать, сэр, что я восхищен вашим поведением и крайне сожалею, что напрасно потревожил вас, пригласив сюда.

– О, не стоит говорить об этом, сэр! – воскликнул мистер Уинкль.

– Я польщен знакомством с вами, сэр, – продолжал маленький доктор.

– Мне доставляет величайшее наслаждение познакомиться с вами, сэр, – отвечал мистер Уинкль.

Тут доктор и мистер Уинкль пожали друг другу руку, затем мистер Уинкль пожал руку лейтенанту Теплону (секунданту доктора), затем мистер Уинкль пожал руку джентльмену со стулом, и, наконец, мистер Уинкль пожал руку мистеру Снодграссу. Сей последний джентльмен был восхищен геройским поведением своего доблестного друга.

– Теперь, мне кажется, мы можем разойтись, – сказал лейтенант Теплтон.

– Разумеется, – согласился доктор.

– Если мистер Уинкль, – вставил джентльмен со стулом, – не считает себя оскорбленным вызовом; в противном случае, я думаю, он имеет право на удовлетворение.

Мистер Уинкль самоотверженно заявил, что считает себя полностью удовлетворенным.

– А может быть, секундант мистера Уинкля почитает себя обиженным моими замечаниями, сделанными в начале нашей встречи, – в таком случае я буду счастлив дать ему немедленно удовлетворение, – заключил джентльмен со стулом.

Мистер Снодграсс поспешил признать, что крайне обязан джентльмену за столь любезное предложение, которое должен, однако, отклонить, ибо совершенно удовлетворен всем происшедшим. Секунданты заперли свои ящики, и вся компания, покидая место поединка, была более оживлена, чем в момент прибытия сюда.

– Вы предполагаете долго прожить здесь? – спросил доктор Слеммер мистера Уинкля, когда они дружески двинулись вместе в путь.

– Думаю, уедем послезавтра, – последовал ответ.

– Вы и ваш друг доставили бы мне большое удовольствие, если бы посетили меня, и мы провели бы приятный вечерок после этой досадной ошибки. Сегодня вечером вы свободны? – спросил маленький доктор.

– У нас здесь есть друзья, – ответил мистер Уинкль, – и мне бы не хотелось расставаться с ними на вечер. Может быть, вы со своим другом присоединитесь к нам в «Быке»?

– Охотно! – согласился тот. – Не будет ли слишком поздно, если часов в десять мы зайдем на полчаса?

– Что вы! Конечно, нет! Я буду счастлив познакомить вас с моими друзьями, мистером Пиквиком и мистером Тапменом.

– Вы меня крайне обяжете, – сказал доктор, нимало не подозревая, кто такой мистер Тапмен.

– Значит, вы придете? – спросил мистер Снодграсс.

– Непременно!

Тем временем они вышли на большую дорогу, обменялись сердечными приветствиями, и компания разделилась. Доктор Слеммер с друзьями направился к казармам, а мистер Уинкль, в сопровождении своего друга, мистера Снодграсса, возвратился в гостиницу.

Глава III

Новое знакомство. Рассказ странствующего актера. Досадная помеха и неприятная встреча

У мистера Пиквика возникли некоторые опасения, вызванные необычным отсутствием двух его друзей, чье таинственное поведение в течение целого утра отнюдь не давало повода к уменьшению его тревоги. С тем большей радостью встал он, чтобы поздороваться с ними, когда они вошли, и с тем большим интересом осведомился, что могло их задержать. В ответ на его вопросы мистер Снодграсс собрался дать исторический обзор событий, только что изложенных, как вдруг запнулся, заметив, что здесь присутствуют не только мистер Тапмен и вчерашний их товарищ по пассажирской карете, но еще какой-то незнакомец, не менее странного вида. Это был изможденный человек с желтоватым лицом и глубоко запавшими глазами, которые казались еще более странными, чем создала их природа, благодаря прямым черным волосам, ниспадавшим ему на лицо. Глаза у него отличались почти неестественным блеском и пронзительной остротой, скулы торчали, а челюсти выдавались так, что наблюдатель мог бы предположить, будто каким-то сокращением мускулов он вдруг втянул щеки, если бы полуоткрытый рот и неподвижная физиономия не свидетельствовали о том, что такова была обычная его внешность. Шею он обмотал зеленым шарфом, длинные концы которого спускались ему на грудь и виднелись сквозь обтрепанные петли старого жилета. Верхней одеждой служил ему длинный черный сюртук, под которым были широкие темные панталоны и высокие сапоги, быстро приближавшиеся к стадии полного разрушения.

На этом странном субъекте остановился взгляд мистера Уинкля, и на него указал рукой мистер Пиквик, проговорив:

– Друг нашего друга. Сегодня утром мы узнали, что наш друг связан со здешним театром, хотя и не имеет желания доводить это до всеобщего сведения, а этот джентльмен является представителем той же профессии. Когда вы вошли, он как раз собирался развлечь нас связанным с нею небольшим рассказом.

– Масса рассказов, – сказал вчерашний незнакомец в зеленом фраке, приближаясь к мистеру Уинклю и говоря тихо и конфиденциально. – Чудак – выполняет тяжелую работу – не актер – странный человек – всякие бедствия – «мрачный Джимми» – мы так его называем.

Мистер Уинкль и мистер Снодграсс вежливо приветствовали джентльмена, носившего изысканное прозвище «мрачный Джимми», и по примеру остальной компании заказали грог и уселись за стол.

– А теперь, сэр, – сказал мистер Пиквик, – не угодно ли вам будет приступить к обещанному повествованию?

Мрачный субъект вынул из кармана грязную, свернутую в трубку рукопись и, обращаясь к мистеру Снодграссу, который только что извлек свою записную книжку, произнес глухим голосом, вполне соответствовавшим его внешности:

– Вы – поэт?

– Я... я... до некоторой степени, – ответил мистер Снодграсс, слегка смущенный неожиданным вопросом.

– А! Для жизни поэзия – то же, что музыка и свет для сцены; у одной отнимите мишурные ее украшения, у другой ее иллюзии, и останется ли хоть что-нибудь ценное в жизни и на сцене, ради чего стоило бы жить и волноваться?

– Совершенно верно, сэр! – отозвался мистер Снодграсс.

– Находиться перед рампой, – продолжал мрачный субъект, – то же, что присутствовать на приеме при дворе и восхищаться шелковыми платьями пестрой толпы; находиться за рам-

пой – значит превратиться в тех, кто создает это великолепие, – заброшенных и никому не ведомых, – тех, кому предоставляется право по произволу судьбы утонуть или выплыть, умереть с голоду или жить.

– Верно! – произнес мистер Снодграсс, ибо ввалившиеся глаза мрачного субъекта устремлены были на него и он почитал нужным что-нибудь сказать.

– Начинайте, Джимми, – сказал испанский путешественник, – как черноокая Сьюзен – весь в Даунсе – нечего каркать – выскажитесь – смотрите веселей.

– Не приготовите ли вы себе еще стакан, сэр, прежде чем начать? – предложил мистер Пиквик.

Мрачный субъект последовал совету и, смешав в стакане бренди с водою, выпил не спеша половину, развернул рукопись и начал излагать, то читая, то рассказывая, нижеследующее происшествие, сообщение о котором мы находим в протоколах клуба под названием «Рассказ странствующего актера».

Рассказ странствующего актера

– Нет ничего чудесного в том, что я собираюсь рассказать, – начал мрачный субъект, – нет в этом и ничего из ряда вон выходящего. Нужда и болезнь – явления столь заурядные на многих этапах жизни, что заслуживают не больше внимания, чем принято уделять самым обыкновенным изменениям в человеческой природе. Эти заметки я набросал потому, что объектом их является человек, которого я хорошо знал в течение многих лет. Я следил, как он постепенно опускаясь, пока, наконец, не впал в крайнюю нищету, из которой уже не выкарабкался.

Человек, о котором я говорю, был маленький пантомимный актер и горький пьяница, как многие представители этой профессии. В лучшие дни, когда беспутная жизнь еще не лишила его сил и болезнь не изнурила, получал он хорошее жалованье и, будь он осторожен и разумен, пожалуй, продолжал бы его получать в течение еще нескольких лет – немногих, ибо люди эти или рано умирают, или, чрезмерно расходуя энергию, теряют преждевременно физические силы, от которых всецело зависит их существование. Однако порочная его склонность приобрела такую власть над ним, что оказалось невозможным давать ему те роли, в которых он действительно был полезен театру. Трактир имел для него притягательную силу, и с нею он не мог бороться. Запущенная болезнь и безысходная бедность должны были выпасть ему на долю неизбежно, как сама смерть, если бы он продолжал идти упорно этим путем; он и в самом деле упорствовал, и о последствиях можно догадаться. Он не мог получить ангажемент и нуждался в куске хлеба.

Каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с театральной жизнью, знает, какая орава обрванных бедняков толчется за кулисами любого большого театра, – это не актеры, получившие ангажемент, – это кордебалет, статисты, акробаты – словом, те, которых принимают для выступления в пантомимах или в пасхальном спектакле, а затем увольняют, пока снова не понадобятся их услуги для какой-нибудь постановки, требующей много участников. Такую же жизнь вынужден был вести этот человек; подвизаясь каждый вечер в каком-нибудь маленьком театре, он зарабатывал несколько шиллингов в неделю и имел возможность удовлетворять старую склонность. Но и этот источник вскоре для него иссяк. Безалаберность его была слишком велика, он лишился даже такого ничтожного заработка, дошел до того, что ему буквально грозила голодная смерть, и лишь изредка выпрашивал какую-нибудь мелочь взаймы у старых товарищей или добивался выступления в уличных театриках; и когда случалось ему что-нибудь заработать, деньги он тратил по-старому.

Больше года никто не знал, как ухитряется он сводить концы с концами. Приблизительно в это время я был приглашен для нескольких выступлений в одном из театров на Суррейской стороне Темзы, и здесь я увидел этого человека, которого потерял было из виду, так как я

разъезжал по провинции, а он прозябал где-то в закоулках Лондона. Я уже оделся, чтобы идти домой, и шел по сцене, направляясь к выходу, когда он хлопнул меня по плечу. Никогда не забуду того отталкивающего зрелища, какое представилось моим глазам, когда я оглянулся. Он был одет для выступления в пантомиме в нелепейший костюм клоуна. Призрачные фигуры в «Пляске смерти», чудовищные образы, запечатленные на холсте искуснейшим художником, не были столь жуткими. Раздувшееся его тело и сухопарые ноги – уродство их увеличивалось во сто крат от фантастического костюма, – мутные глаза, резко выделявшиеся на фоне белил, которые густым слоем покрывали его лицо, трясущаяся голова в причудливом уборе и длинные костлявые руки, натертые мелом, – все это придавало ему отвратительный и неестественный вид, о котором никакое описание не даст полного представления и который я и по сей день вспоминаю с содроганием. Голос его звучал глухо и дрожал, когда он отвел меня в сторону и отрывисто сообщил длинный перечень болезней и лишений, закончив, по обыкновению, настойчивой просьбой ссудить ничтожную сумму. Я сунул ему в руку несколько шиллингов и, уходя, слышал взрыв смеха, которым встречен был первый его трюк на сцене.

Спустя несколько дней какой-то мальчик вручил мне грязный обрывок бумаги, где было нацарапано несколько слов карандашом; меня уведомили, что человек этот опасно заболел и просит, чтобы я зашел к нему на квартиру на такой-то улице, – не припомню сейчас ее названия, – находящейся неподалеку от театра. Я обещал исполнить просьбу, как только освобожусь, и, когда опустил занавес, отправился в свое печальное путешествие.

Было поздно, так как я играл в последней пьесе; а по случаю бенефиса представление тянулось дольше чем обычно. Была темная холодная ночь с пронизывающим, сырым ветром, под напором которого дождь тяжело стучал в окна и стены домов. В узких и безлюдных улицах стояли лужи, а так как от резкого ветра потухло большинство немногочисленных фонарей, то прогулка эта была не только неприятной, но и весьма рискованной. Однако мне посчастливилось не сбиться с дороги и без особых затруднений отыскать дом, который был указан в записке, – угольный сарай, над которым был надстроен один этаж, где в задней комнате лежал тот, кого я разыскивал.

На лестнице меня встретила жалкая женщина, жена этого человека, и, сообщив, что он только что впал в забытие, ввела меня тихонько в комнату и поставила для меня стул у кровати. Больной лежал, повернувшись лицом к стене, и, так как на мой приход он не обращал ни малейшего внимания, у меня было время осмотреть место, куда я попал.

Он лежал на старой откидной кровати. У изголовья висела рваная клетчатая занавеска, служившая защитой от ветра, который проникал в эту убогую комнату сквозь многочисленные щели в двери, и занавеска все время развевалась. На заржавленной, поломанной решетке камина тлели угли; перед ним был выдвинут старый, покрытый пятнами треугольный стол, на котором стояли склянки с микстурой, треснутый стакан, какие-то мелкие домашние вещи. На полу, на импровизированной постели, спал ребенок, а возле него на стуле сидела женщина. На полке были расставлены тарелки и чашки с блюдами; под нею висели балетные туфли и пара рапир. Больше ничего не было в комнате, кроме каких-то лохмотьев и узлов, валявшихся по углам.

Я успел рассмотреть все эти мелкие детали и заметить тяжелое дыхание и лихорадочную дрожь больного, прежде чем он обратил внимание на мое присутствие. В беспокойных попытках улечься поудобнее он свесил руку с кровати, и она коснулась моей руки. Он вздрогнул и тревожно заглянул мне в лицо.

– Джон, это мистер Хатли, – сказала его жена. – Мистер Хатли, за которым ты посылал сегодня, помнишь?

– А... – протянул больной, проводя рукою по лбу. – Хатли... Хатли... Дайте вспомнить. – В течение нескольких секунд он, казалось, старался собраться с мыслями, потом крепко схва-

тил меня за руку и произнес: – Не бросайте меня, старина, не бросайте. Она меня убьет, я знаю, что убьет.

– Давно он в таком состоянии? – спросил я у его плачущей жены.

– Со вчерашнего вечера, – ответила она. – Джон, Джон, неужели ты меня не узнаешь?

– Не подпускайте ее ко мне! – содрогнувшись, сказал больной, когда она наклонилась к нему. – Уведите ее, я не могу ее видеть. – В смертельном испуге он не спускал с нее дикого взора, потом стал шептать мне на ухо: – Я колотил ее, Джем... вчера ее побил, да и раньше бил не раз. Я морил голодом и ее и мальчика, а теперь, когда я слаб и беспомощен, она меня убьет за это, Джем... знаю, что убьет. Вы бы убедились в этом, если бы видели, как она плакала. Не подпускайте ее ко мне!

Он разжал руку и в изнеможении откинулся на подушку.

Я слишком хорошо понимал, что это значит. Если бы хоть на секунду возникли у меня какие-нибудь сомнения, один взгляд, брошенный на бледную и изможденную женщину, объяснил бы мне истинное положение вещей.

– Отойдите лучше, – сказал я этой несчастной. – Ему вы помочь не можете. Пожалуй, он успокоится, если не будет вас видеть.

Она отошла. Через несколько секунд он открыл глаза и тревожно осмотрелся по сторонам.

– Она ушла? – взволнованно осведомился он.

– Да, да, – ответил я. – Она вас не обидит.

– А я вам говорю, Джем, что она обижает меня, – тихо молвил он. – Глаза у нее такие, что меня охватывает смертельный страх, я чуть с ума не схожу. Всю прошлую ночь ее большие, широко раскрытые глаза и бледное лицо преследовали меня, я отворачивался, они были передо мною, и каждый раз, когда я просыпался, она сидела у кровати и смотрела на меня. – Он притянул меня к себе и прошептал глухо и тревожно: – Джем, должно быть, это злой дух... дьявол. Тише! Я это знаю. Будь она женщиной, она бы давным-давно умерла. Ни одна женщина не вынесла бы того, что вынесла она.

С болью в сердце подумал я о том, как жесток и черств был этот человек в течение многих лет, если могла им овладеть такая мысль. Мне нечего было ему ответить, да и кто мог бы принести надежду или утешение жалкому существу, находившемуся передо мной?

Я просидел у него больше двух часов, а он все время метался, тихонько вскрикивая от боли или волнения, тревожно размахивая руками и ворочаясь с боку на бок. Наконец он погрузился в то полубессознательное состояние, когда память в смятении переходит от картины к картине и с места на место, ускользая от контроля разума, но не освободившись от неопи-суемого ощущения испытываемых страданий. Убедившись в этом на основании бессвязного бреда и зная, что в ближайшее время лихорадка вряд ли усилится, я расстался с ним, обещав несчастной его жене вернуться завтра к вечеру и в случае необходимости провести всю ночь с больным.

Я сдержал слово. За последние сутки произошла потрясающая перемена. Глаза, хотя и глубоко запавшие, с тяжелыми веками, сверкали, и жутко было видеть этот блеск. Губы запеклись и потрескались; от жара высохла и стала шершавой кожа, и дикий, нечеловеческий страх отражался на его лице, еще резче подчеркивая гибельное действие недуга. Жар был у него очень сильный.

Я занял то же место, что и накануне, и просидел несколько часов, прислушиваясь к звукам, которые могли потрясти сердце самого бесчувственного человека, – к ужасному бреду умирающего. Я слышал мнение врача и понимал, что надежды нет никакой: я сидел у смертного одра. Я видел, как в мучительном жару извивалось это исхудавшее тело, которое несколько часов назад корчилось на потеху буйной галерки, я слышал пронзительный смех клоуна, переходивший в тихий шепот умирающего.

Тяжело и трогательно следить за тем, как память обращается к повседневным занятиям и обязанностям здорового человека, когда перед вами лежит его слабое и беспомощное тело; но если характер этих занятий резко противоречит всему, что мы связываем с представлением о могиле или с возвышенными идеями о смерти, впечатление создается бесконечно более сильное. Театр и трактир – вот о чем бредил несчастный. Чудилось ему – был вечер, он должен играть в вечернем спектакле, поздно, он торопится выйти из дому. Зачем его удерживают, не дают уйти?.. Он лишится заработка... Ему нужно идти. Нет! Его не пускают. Он закрыл лицо горячими руками и тихо сетовал на собственную свою слабость и жестокость преследователей. Короткая пауза, и он выкрикнул какие-то вирши – последние, им заученные. Он приподнялся на кровати, вытянул тощие ноги, вертелся, принимая нелепые позы; он играл роль – он был на сцене. Минутное молчание – и он тихо затянул припев разухабистой песни. Наконец-то добрался он до старого пристанища: как жарко в зале! Он был болен, очень болен, ну а сейчас он здоров и счастлив. Наполните ему стакан. Кто выбил у него стакан из рук? Опять тот же, кто и раньше его преследовал. Он упал на подушку и громко застонал. Краткий период забыв-
 тья, а затем начались его скитания по нескончаемому лабиринту низких сводчатых комнат – таких низких, что иногда приходилось пробираться на четвереньках; было душно и темно, и куда бы он ни сворачивал – всюду натыкался на препятствия. Вот какие-то насекомые, мерзкие извивающиеся твари, таращат на него глаза и кишат в воздухе, жутко поблескивая в глубоком мраке. Стены и потолок словно движутся – так много на них пресмыкающихся... склеп раздвигается до необъятных размеров... мелькают страшные тени, а среди них люди, которых он когда-то знал, но лица их отвратительно искажены усмешками и гримасами; они прижигают его раскаленным железом, стягивают его голову веревками, пока не хлынула кровь; он отчаянно боролся за жизнь.

После одного из таких пароксизмов, когда я с великим трудом удерживал его в постели, он погрузился, по-видимому, в дремоту. Устав от бессонницы и напряжения, я на несколько минут закрыл глаза, как вдруг почувствовал, что кто-то вцепился мне в плечо. Я мгновенно проснулся. Он приподнялся, стараясь сесть в постели, – лицо его страшно изменилось, но сознание вернулось к нему, так как он, очевидно, узнал меня. Ребенок, которого давно уже разбудил его бред, вскочил с постели и, закричав от испуга, бросился к отцу, мать поспешила схватить его на руки, чтобы отец в припадке безумия не ушиб его, но в ужасе от происшедшей с больным перемены остановилась, остолебенев, у кровати. Он судорожно сжал мне плечо и, ударяя себя другою рукою в грудь, сделал отчаянную попытку заговорить. Попытка не удалась; он простер к ним руки и снова попробовал заговорить. Из горла вырвались хрипы... глаза расширились... короткий, приглушенный стон... и он упал навзничь – мертвый!

С величайшим удовольствием сообщили бы мы мнение мистера Пиквика о вышеизложенной истории. Мы нимало не сомневаемся в том, что нам представилась бы возможность познакомиться с ним наших читателей, если бы не одно злополучное обстоятельство.

Мистер Пиквик поставил на стол стакан, который он к концу повествования держал в руке, и только что собрался заговорить – ссылаясь на записную книжку мистера Снодграсса, мы смеем утверждать, что он уже рот открыл, – как вдруг в комнату вошел лакей и доложил:

– Какие-то джентльмены, сэр.

Можно думать, что мистер Пиквик в тот момент, когда его прервали, готовился высказать замечания, которые если и не зажгли бы Темзы, то, во всяком случае, озарили бы мир, ибо он сурово воззрился на физиономию лакея, а затем окинул взглядом всю компанию, словно требовал сведений о вновь прибывших.

– О! – воскликнул мистер Уинкль вставая. – Это мои приятели. Просите их! Очень симпатичные люди, – добавил мистер Уинкль, когда лакей удалился. – Офицеры Девяносто седь-

мого полка, сегодня утром я с ними познакомился при довольно странных обстоятельствах. Вам они очень понравятся.

Мистер Пиквик немедленно обрел утраченное спокойствие.

Лакей вернулся и ввел в комнату трех джентльменов.

– Лейтенант Теплтон, – сказал мистер Уинкль. – Лейтенант Теплтон – мистер Пиквик; доктор Пейн – мистер Пиквик; мистер Снодграсс – с ним вы уже знакомы; мой друг мистер Тапмен – доктор Пейн; доктор Слеммер – мистер Пиквик; мистер Тапмен – доктор Сле...

Тут мистер Уинкль запнулся, ибо на физиономиях как мистера Тапмена, так и доктора отразилось сильное волнение.

– *Этого* джентльмена я уже встречал, – с ударением сказал доктор.

– Вот как! – воскликнул Уинкль.

– И... и этого человека тоже, если не ошибаюсь, – добавил доктор, устремив испытующий взгляд на незнакомца в зеленом фраке. – Вчера вечером я сделал этому субъекту одно весьма настоятельное предложение, которое он счел уместным отклонить.

С этими словами доктор грозно посмотрел на незнакомца и шепнул что-то своему другу, лейтенанту Теплтону.

– Не может быть! – воскликнул этот джентльмен, когда замер шепот.

– Я утверждаю! – возразил доктор Слеммер.

– Вы обязаны рассчитаться с ним сейчас же! – внушительно пробормотал владелец складного стула.

– Не волнуйтесь, Пейн, – вмешался лейтенант. – Разрешите вас спросить, сэр, – обратился он к мистеру Пиквику, который был весьма озадачен этой неучливой интермедией, – разрешите вас спросить, принадлежит ли этот человек к вашей компании?

– Нет, сэр, – ответил мистер Пиквик. – Он – наш гость.

– Если не ошибаюсь, он состоит членом вашего клуба? – осведомился лейтенант.

– никоим образом, – сказал мистер Пиквик.

– И он не носит значка вашего клуба? – продолжал лейтенант.

– Нет! – отвечал изумленный мистер Пиквик.

Лейтенант Теплтон круто повернулся к своему другу доктору Слеммеру, слегка пожав плечами, словно не совсем доверял его памяти. У маленького доктора вид был гневный, но озадаченный, а мистер Пейн злобно взирал на лучезарную физиономию ничего не подозревавшего мистера Пиквика.

– Сэр! – сказал доктор, внезапно обратившись к мистеру Тапмену, таким тоном, что этот джентльмен вздрогнул, как будто ему в икру коварно воткнули булавку. – Вчера вечером вы были здесь на балу?

Мистер Тапмен слабо прошептал «да», не спуская в то же время глаз с мистера Пиквика.

– Этот человек вас сопровождал? – продолжал доктор, указывая на незнакомца, оставшегося невозмутимым.

Мистер Тапмен подтвердил этот факт.

– Итак, сэр, – сказал доктор незнакомцу, – я вас спрашиваю еще раз, в присутствии этих джентльменов, угодно ли вам вручить мне вашу визитную карточку и дать мне возможность обращаться с вами как с джентльменом, или вы вынудите меня расправиться с вами самолично и незамедлительно?

– Позвольте, сэр! – сказал мистер Пиквик. – Не получив некоторых объяснений, я не могу допустить дальнейшего развития этой истории. Тапмен, расскажите в чем дело.

После такого торжественного призыва к нему лично мистер Тапмен вкратце изложил суть дела; слегка коснулся вопроса о позаимствованном фраке; распространился на тему о том, что все произошло «после обеда»; в заключение добавил несколько покаянных слов и предоставил незнакомцу оправдываться по мере собственных сил и умения.

Тот, казалось, готов был приступить к делу, как вдруг лейтенант Теплтон, посматривавший на него с большим любопытством, спросил, не скрывая презрения:

– Не видал ли я вас в театре, сэр?

– Несомненно, – ответил незнакомец, нимало не смутясь.

– Это странствующий актер! – презрительно сказал лейтенант, обращаясь к доктору Слеммеру. – Он играет в пьесе, которая идет завтра вечером в Рочестерском театре для офицеров Пятьдесят второго полка. Вы не можете требовать от него удовлетворения, Слеммер... это невозможно!

– Никак! – с достоинством заметил Пейн.

– Сожалею, что поставил вас в такое неприятное положение, – обратился лейтенант Теплтон к мистеру Пиквику. – Разрешите вам сказать, что во избежание повторения подобных сцен следует быть более осмотрительным в выборе друзей. Прощайте, сэр! – И лейтенант быстро вышел из комнаты.

– А мне разрешите сказать, сэр, – произнес вспыхивый доктор Пейн, – что, будь я Теплтоном или будь я Слеммером, я дернул бы за нос вас, сэр, и всех ваших друзей. Да, сэр, всех. Меня зовут Пейн, сэр, доктор Пейн Сорок третьего полка. Прощайте, сэр.

Закончив свою речь и произнеся последние два слова на высокой ноте, он величественно прошествовал вслед за своим другом; за ним по пятам шел доктор Слеммер, который не сказал ничего и удовольствовался лишь тем, что испепелил компанию одним взглядом.

В продолжение вышеизложенных вызывающих речей крайнее недоумение и ярость распирали благородную грудь мистера Пиквика, грозя разорвать его жилет. Он стоял окаменевший и смотрел в пространство. Стук захлопнувшейся двери заставил его опомниться. Ярость была написана на его лице, и глаза пылали, когда он ринулся вперед. Уже рука его коснулась дверной ручки; еще секунда – и она впилась бы в горло доктора Пейна 43-го полка, если бы мистер Снодграсс не ухватил своего высокочтимого наставника за фалды фрака и не оттащил от двери.

– Держите его! – кричал мистер Снодграсс. – Уинкль, Тапмен! Он не смеет из-за этого подвергать опасности свою драгоценную жизнь.

– Пустите меня! – сказал мистер Пиквик.

– Держите его крепко! – кричал мистер Снодграсс; и соединенными усилиями всей компании мистер Пиквик был водружен в кресло.

– Оставьте его в покое, – сказал незнакомец в зеленом фраке, – Грогу – забавный старый джентльмен – какой вздор – проглотите-ка этого – ах! – отличное лекарство.

Проверив предварительно доброкачественность смеси, приготовленной мрачным субъектом, незнакомец поднес стакан к губам мистера Пиквика, и остаток содержимого быстро исчез.

Наступила короткая пауза; грог сделал свое дело; добродушная физиономия мистера Пиквика быстро обрела свойственное ей выражение.

– Они недостойны вашего внимания, – сказал мрачный гость.

– Вы правы, сэр, – ответил мистер Пиквик. – Я стыжусь, что так погорячился. Придвигайтесь к столу, сэр.

Мрачный субъект с готовностью повиновался; круг снова сомкнулся за столом, и гармония восстановилась. Какая-то затаенная досада, пожалуй, нашла себе пристанище в груди мистера Уинкля, вызванная, быть может, временным захватом его фрака, хотя вряд ли разумно будет предположить, что такое пустячное обстоятельство могло возбудить хотя бы и мимолетное раздражение в груди пиквикиста. Во всех же остальных отношениях благодушие было вновь обретено полностью, и вечер закончился так же весело, как начался.

Глава IV

Полевые маневры и бивуак; еще новые друзья и приглашение поехать за город

Многие писатели проявляют не только неразумное, но и поистине постыдное нежелание отдавать должное тем источникам, из которых они черпают ценный материал. Нам такое нежелание чуждо. Мы лишь стремимся честно исполнить ответственную обязанность, вытекающую из наших издательских функций; и сколь бы при других обстоятельствах честолюбие ни побуждало нас притязать на авторство по отношению к этим приключениям, уважение к истине воспрещает нам претендовать на что-либо большее, чем заботливое приведение их в порядок и беспристрастное изложение. Пиквикские документы являются нашим Нью-Риверским водоемом, а нас можно было бы сравнить с Нью-Риверской компанией. Трудом других создан для нас огромный резервуар существеннейших фактов. Мы же только подаем их и пускаем чистой и легкой струей при помощи этих выпусков – на благо людей, жаждущих пиквикской мудрости.

Действуя в таком духе и твердо опираясь на принятое нами решение воздать должное тем источникам, к коим мы обращались, заявляем открыто, что записной книжке мистера Снодграсса обязаны мы фактами, занесенными в эту и последующую главы, – фактами, к изложению которых, очистив ныне свою совесть, мы приступаем без дальнейших комментариев.

На следующее утро жители Рочестера и примыкающих к нему городов рано поднялись с постели в состоянии крайнего волнения и возбуждения. На линии укреплений должен был состояться большой военный смотр. Орлиное око командующего войсками будет наблюдать маневры полудюжины полков; были возведены временные фортификации, будет осаждена и взята крепость и взорвана мина.

Мистер Пиквик был восторженным поклонником армии, о чем, быть может, догадались наши читатели, основываясь на тех кратких выдержках, какие даны нами из его описания Четема. Ничто не могло привести его в такое восхищение, ничто не могло так гармонировать с чувствами каждого из его спутников, как предстоящее зрелище. Вот почему они вскоре тронулись в путь и направились к месту действия, куда уже со всех сторон стекались толпы народа.

Вид плаца свидетельствовал о том, что предстоящая церемония будет весьма величественной и торжественной. Были расставлены часовые, охранявшие плацдарм, и слуги на батареях, охранявшие места для леди, и бегали по всем направлениям с книгами в кожаных переплетах под мышкой, и полковник Балдер в полной парадной форме верхом галопировал с места на место, и осаживал свою лошадь, врезавшись в толпу, и заставлял ее гарцевать и прыгать, и кричал весьма грозно, и довел себя до того, что сильно охрип и сильно покраснел без всякой видимой причины или повода. Офицеры бегали взад и вперед, сначала переговаривались с полковником Балдером, затем отдавали распоряжения сержантам и, наконец, исчезли; и даже солдаты выглядывали из-за своих лакированных кожаных воротников с видом загадочно-торжественным, который явно указывал на исключительный характер события.

Мистер Пиквик со своими тремя спутниками поместился в первом ряду толпы и терпеливо ждал начала церемонии. Толпа росла с каждой секундой; и в течение следующих двух часов внимание их было поглощено теми усилиями, какие приходилось им делать, чтобы удерживать завоеванную позицию. Иногда толпа вдруг напирала сзади, и тогда мистера Пиквика выбрасывало на несколько ярдов вперед с быстротой и эластичностью, отнюдь не соответствовавшими его степенной важности; иногда раздавался приказ «податься назад», и приклад ружья либо опускался на большой палец на ноге мистера Пиквика, напоминая об отданном

распоряжении, либо упирался ему в грудь, обеспечивая этим немедленное выполнение приказа. Какие-то веселые джентльмены слева, напирая гуртом и придавив мистера Снодграсса, претерпевавшего нечеловеческие муки, желали узнать, «куда он прет», а когда мистер Уинкль выразил крайнее свое негодование при виде этого ничем не вызванного натиска, кто-то из стоявших сзади нахлобучил ему шляпу на глаза и спросил, не сообразовал ли он спрятать голову в карман. Все эти остроумные шуточки, а также непонятное отсутствие мистера Тапмена (который внезапно исчез и обретался неведомо где) создали для пиквикистов ситуацию, в целом скорее незавидную, чем приятную или желательную.

Наконец, по толпе пробежал тот многоголосый гул, который обычно возвещает наступление ожидаемого события. Все взоры обратились к форту – к воротам для вылазки. Несколько секунд напряженного ожидания – и в воздухе весело затрепетали знамена, ярко засверкало оружие на солнце: колонна за колонной вышли на равнину. Войска остановились и выстроились; команда пробежала по шеренге, звякнули ружья, и войска взяли на караул; командующий в сопровождении полковника Балдера и свиты офицеров легким галопом поскакал к форту. Заиграли все военные оркестры; лошади встали на дыбы, галопом поскакали назад и, размахивая хвостами, понеслись по всем направлениям; собаки лаяли, толпа вопила, солдаты взяли ружья к ноге, и на всем пространстве, какое мог охватить глаз, ничего не видно было, кроме красных мундиров и белых штанов, застывших в неподвижности.

Мистер Пиквик, путаясь в ногах лошадей и чудесным образом выбираясь из-под них, был столь этим поглощен, что не располагал досугом созерцать разыгрывающуюся сцену, пока она не достигла стадии, только что нами описанной. Когда, наконец, он получил возможность утвердиться на ногах, радость его и восторг были беспредельны.

– Может ли быть что-нибудь восхитительнее? – спросил он мистера Уинкля.

– Нет, не может, – ответил этот джентльмен, только что освободившийся от низкорослого субъекта, который уже с четверть часа стоял у него на ногах.

– Это поистине благородное и ослепительное зрелище, – сказал мистер Снодграсс, в чьей груди быстро разгоралась искра поэзии. – Доблестные защитники страны выстроились в боевом порядке перед мирными ее гражданами; их лица выражают не воинственную жестокость, но цивилизованную кротость, в их глазах вспыхивает не злобный огонь грабежа и мести, но мягкий свет гуманности и разума!

Мистер Пиквик вполне оценил дух этой похвальной речи, но не мог до конца с нею согласиться, ибо мягкий свет разума горел слабо в глазах воинов, так как после команды «смирно!» зритель видел только несколько тысяч пар глаз, уставившихся прямо перед собой и лишенных какого бы то ни было выражения.

– Теперь мы занимаем превосходную позицию, – сказал мистер Пиквик, осматриваясь по сторонам.

Толпа вокруг них постепенно рассеялась, и поблизости не было почти никого.

– Превосходную! – подтвердили и мистер Снодграсс, и мистер Уинкль.

– Что они сейчас делают? – осведомился Пиквик, поправляя очки.

– Я... я склонен думать, – сказал мистер Уинкль, меняясь в лице, – я склонен думать, что они собираются стрелять.

– Вздор! – поспешно проговорил мистер Пиквик.

– Я... я, право же, думаю, что они хотят стрелять, – настаивал мистер Снодграсс, слегка встревоженный.

– Не может быть, – возразил мистер Пиквик.

Едва произнес он эти слова, как все шесть полков прицелились из ружей, словно у всех была одна общая мишень – и этой мишенью были пиквикисты, – и раздался залп, самый устрашающий и оглушительный, какой когда-либо потрясал землю до самого ее центра или пожилого джентльмена до глубины его существа.

При таких затруднительных обстоятельствах мистер Пиквик – под градом холостых залпов и под угрозой атаки войск, которые начали строиться с противоположной стороны, – проявил полное хладнокровие и самообладание, каковые являются неотъемлемыми принадлежностями великого духа. Он схватил под руку мистера Уинкля и, поместившись между этим джентльменом и мистером Снодграссом, настойчиво умолял их вспомнить о том, что стрельба не грозит им непосредственной опасностью, если исключить возможность оглохнуть от шума.

– А... а что, если кто-нибудь из солдат по ошибке зарядил ружье пулей? – возразил мистер Уинкль, бледнея при мысли о такой возможности, им же самим измышленной. – Я только что слышал – что-то просвистело в воздухе, и очень громко: под самым моим ухом.

– Не броситься ли нам ничком на землю? – предложил мистер Снодграсс.

– Нет, нет... все уже кончено, – сказал мистер Пиквик.

Быть может, губы его дрожали и щеки побледнели, но ни одно слово, свидетельствующее об испуге или волнении, не сорвалось с уст этого великого человека.

Мистер Пиквик был прав: стрельба прекратилась. Но едва он успел поздравить себя с тем, что догадка его правильна, как вся линия пришла в движение: хрипло пронеслась команда, и, раньше чем кто-нибудь из пиквикистов угадал смысл этого нового маневра, все шесть полков с примкнутыми штыками перешли в наступление, стремительно бросившись к тому самому месту, где расположился мистер Пиквик со своими друзьями.

Человек смертен, и есть предел, за который не может простираться человеческая храбрость. Мистер Пиквик глянул сквозь очки на приближающуюся лавину, а затем решительно повернулся к ней спиной, – не скажем – побежал: во-первых, это выражение пошло; во-вторых, фигура мистера Пиквика была отнюдь не приспособлена к такому виду отступления. Он пустился рысцой, развив такую скорость, на какую только способны были его ноги, – такую скорость, что затруднительность своего положения мог оценить в полной мере, когда было уже слишком поздно.

Неприятельские войска, чье появление смутило мистера Пиквика несколько секунд назад, выстроились, чтобы отразить инсценированную атаку войск, осаждающих крепость; и в результате мистер Пиквик со своими приятелями внезапно очутился между двумя длиннейшими шеренгами, из коих одна быстрым шагом приближалась, а другая в боевом порядке ждала столкновения.

– Эй! – кричали офицеры надвигающейся шеренги.

– Прочь с дороги! – орали офицеры неподвижной шеренги.

– Куда нам идти? – вопили всполошившиеся пиквикисты.

– Эй-эй-эй! – было единственным ответом.

Секунда смятения, тяжелый топот ног, сильное сотрясение, заглушенный смех... С полдюжины полков уже удалились на полтысячи ярдов, а подошвы мистера Пиквика продолжали мелькать в воздухе.

Мистер Снодграсс и мистер Уинкль совершили вынужденные курбеты с замечательным проворством, и первое, что увидел этот последний, сидя на земле и вытирая желтым шелковым носовым платком животворную струю, лившуюся из носа, был его высокочтимый наставник, преследовавший свою собственную шляпу, которая, шаловливо подпрыгивая, уносилась вдаль.

Погоня за собственной шляпой является одним из тех редких испытаний – смешных и печальных одновременно, – которые вызывают мало сочувствия. Значительное хладнокровие и немалая доза благоразумия требуются при поимке шляпы. Не следует спешить – иначе вы перегоните ее; не следует впадать в другую крайность – иначе окончательно ее потеряете. Наилучший способ – бежать полегоньку, не отставая от объекта преследования, быть осмотрительным и осторожным, ждать удобного случая, постепенно обгоняя шляпу, затем быстро нырнуть,

схватить ее за тулью, нахлобучить на голову и все время благодушно улыбаться, как будто вас это забавляет не меньше, чем всех остальных.

Дул приятный ветерок, и шляпа мистера Пиквика весело катилась вдаль. Ветер пыхтел, и мистер Пиквик пыхтел, а шляпа резво катилась и катилась, словно проворный дельфин на волнах прибоя, и она укатилась бы далеко от мистера Пиквика, если бы по воле providения не появилось на ее пути препятствие как раз в тот момент, когда этот джентльмен готов был бросить ее на произвол судьбы.

Мистер Пиквик был в полном изнеможении и хотел уже отказаться от погони, когда порыв ветра отнес шляпу к колесу одного из экипажей, стоявших на том самом месте, к которому он устремлялся. Мистер Пиквик, оценив благоприятный момент, быстро рванулся вперед, завладел своей собственностью, водрузил ее на голову и остановился, чтобы перевести дух. Не прошло и полминуты, как он услышал голос, нетерпеливо окликавший его по имени, и тотчас же узнал голос мистера Тапмена, а подняв голову, увидел зрелище, преисполнившее его удивлением и радостью.

В четырехместной коляске, из которой по случаю тесноты были выпряжены лошади, стоял дородный пожилой джентльмен в синем сюртуке с блестящими пуговицами, в плисовых штанах и в высоких сапогах с отворотами, затем две юные леди в шарфах и перьях, молодой джентльмен, по-видимому, влюбленный в одну из юных леди в шарфах и перьях, леди неопределенного возраста, по всей видимости тетка упомянутых леди, и мистер Тапмен, державшийся столь непринужденно и развязно, словно с первых дней младенчества был членом этой семьи. К задку экипажа была привязана внушительных размеров корзина – одна из тех корзин, которые всегда пробуждают в созерцательном уме мысли о холодной птице, языке и бутылках вина, а на козлах сидел жирный, краснолицый парень, погруженный в дремоту. Каждый мыслящий наблюдатель с первого взгляда мог определить, что его обязанностью является распределение содержимого упомянутой корзины, когда настанет для его потребления подходящий момент.

Мистер Пиквик торопливо окидывал взглядом эти интересные детали, когда его снова окликнул верный ученик.

– Пиквик! Пиквик! – восклицал мистер Тапмен. – Залезайте сюда! Поскорей!

– Пожалуйте, сэр, милости просим, – произнес дородный джентльмен. – Джо! Несносный мальчишка... Он опять заснул... Джо, опусти подножку.

Жирный парень не спеша скатился с козел, опустил подножку и держал дверцу экипажа приветливо открытой. В этот момент подошли мистер Снодграсс и мистер Уинкль.

– Всем хватит места, джентльмены, – сказал дородный джентльмен. – Двое в экипаже, один на козлах. Джо, освободи место на козлах для одного из этих джентльменов. Ну, сэр, пожалуйста! – И дородный джентльмен протянул руку и втащил в коляску сперва мистера Пиквика, а затем мистера Снодграсса.

Мистер Уинкль влез на козлы, жирный парень, переваливаясь, вскарабкался на тот же наезд и мгновенно заснул.

– Очень рад вас видеть, джентльмены, – сказал дородный джентльмен. – Я вас очень хорошо знаю, хотя вы меня, быть может, и не помните. Прошлой зимой я провел несколько вечеров у вас в клубе... Встретил здесь сегодня утром моего друга мистера Тапмена и очень ему обрадовался. Как же вы поживаете, сэр? Вид у вас цветущий.

Мистер Пиквик поблагодарил за комплимент и дружески пожал руку дородному джентльмену в сапогах с отворотами.

– Ну, а вы как себя чувствуете, сэр? – продолжал дородный джентльмен, с отеческой заботливостью обращаясь к мистеру Снодграссу. – Прекрасно, да? Ну, вот и отлично, вот и отлично. А вы, сэр? (Обращаясь к мистеру Уинклю.) Очень рад, что вы хорошо себя чувствуете, очень и очень рад. Джентльмены, эти девицы – мои дочери, а это моя сестра, мисс Рей-

чел Уордль. Она – мисс, хотя и не так понимает свою миссию... Что, сэр, как? – И дородный джентльмен игриво толкнул мистера Пиквика локтем в бок и от души расхохотался.

– Ах, братец! – с укоризненной улыбкой воскликнула мисс Уордль.

– Да ведь я правду говорю, – возразил дородный джентльмен, – никто не может это отрицать. Прошу прощения, джентльмены, вот это мой приятель мистер Трандль. Ну-с, а теперь, когда все друг с другом знакомы, я предлагаю располагаться без всяких стеснений, и давайте-ка посмотрим, что там такое происходит. Вот мой совет.

С этими словами дородный джентльмен надел очки, мистер Пиквик взял подзорную трубу, и все находящиеся в экипаже встали и через головы зрителей начали созерцать военные эволюции.

Это были изумительные эволюции: одна шеренга палила над головами другой шеренги, после чего убегала прочь, затем эта другая шеренга палила над головами следующей и в свою очередь убегала; войска построились в каре, а офицеры поместились в центре; потом спустились по лестницам в ров и вылезли из него с помощью тех же лестниц; сбили баррикады из корзин и проявили величайшую доблесть. Инструментами, напоминающими гигантские швабры, забили снаряды в пушки; и столько было приготовлений к пальбе, и так оглушительно прогремел залп, что воздух огласился женскими воплями. Юные мисс Уордль так перепугались, что мистер Трандль буквально вынужден был поддержать одну из них в экипаже, в то время как мистер Снодграсс поддерживал другую, а у сестры мистера Уордля нервическое возбуждение достигло столь ужасных размеров, что мистер Тапмен счел совершенно необходимым обвить рукой ее стан, дабы она не упала. Все были взволнованы, кроме жирного парня; он же спал сладким сном, словно рев пушек с детства заменял ему колыбельную.

– Джо! Джо! – кричал дородный джентльмен, когда крепость была взята, а осаждающие и осажденные усадились обедать. – Несносный мальчишка, он опять заснул! Будьте так добры, ущипните его, сэр... пожалуйста, за ногу, иначе его не разбудишь... очень вам благодарен. Развяжи корзину, Джо!

Жирный парень, которого мистер Уинкль успешно разбудил, ущемив большим и указательным пальцами кусок ляжки, снова скатился с козел и начал развязывать корзину, проявляя больше расторопности, чем можно было ждать от него, судя по его пассивности до сего момента.

– А теперь придется немного потесниться, – сказал дородный джентльмен.

Посыпались шутки по поводу того, что в тесноте у леди изомнутся рукава платьев, посыпались шуточные предложения, вызвавшие яркий румянец на щеках леди, – посадить их к джентльменам на колени, и, наконец, все разместились в коляске. Дородный джентльмен начал передавать в экипаж различные вещи, которые брал из рук жирного парня, поднявшегося для этой цели на задок экипажа.

– Ножи и вилки, Джо!

Ножи и вилки были поданы; леди и джентльмены в коляске и мистер Уинкль на козлах были снабжены этой полезной утварью.

– Тарелки, Джо, тарелки!

Повторилась та же процедура, что и при раздаче ножей и вилок.

– Теперь птицу, Джо. Несносный мальчишка – он опять заснул! Джо! Джо! (Несколько ударов тростью по голове, и жирный парень не без труда очнулся от летаргии.) Живей, подавай закуску!

В этом последнем слове было что-то, заставившее жирного парня встать. Он вскочил; его оловянные глаза, поблескивавшие из-за раздувшихся щек, жадно впились в съестные припасы, когда он стал извлекать их из корзины.

– Ну-ка, пошевеливайся, – сказал мистер Уордль, ибо жирный парень любовно склонился над каплуном и, казалось, не в силах был с ним расстаться.

Парень глубоко вздохнул и, бросив пламенный взгляд на аппетитную птицу, неохотно передал ее своему хозяину.

– Правильно... смотри в оба. Давай язык... паштет из голубей. Осторожнее, не урони телятину и ветчину... Не забудь омары... Вынь салат из салфетки... Давай соус.

Эти распоряжения срывались с уст мистера Уордля, пока он вручал упомянутые блюда, переправляя всем тарелки в руки и на колени.

– Чудесно, не правда ли? – осведомился сей жизнерадостный джентльмен, когда процесс уничтожения пищи начался.

– Чудесно! – подтвердил мистер Уинкль, сидя на козлах и разрезая птицу.

– Стакан вина?

– С величайшим удовольствием.

– Возьмите-ка бутылку к себе на козлы.

– Вы очень любезны.

– Джо!

– Что прикажете, сэр? (На сей раз он не спал, ибо только что ухитрился стянуть пирожок с телятиной.)

– Бутылку вина джентльмену на козлах. Очень рад нашей встрече, сэр.

– Благодарю вас. – Мистер Уинкль осушил стакан и поставил бутылку подле себя на козлы.

– Разрешите, сэр, выпить за ваше здоровье? – обратился мистер Трандль к мистеру Уинклю.

– Очень приятно, – ответил мистер Уинкль, и оба джентльмена выпили.

Затем выпили по стаканчику все, не исключая и леди.

– Как наша милая Эмили кокетничала с чужим джентльменом! – шепнула своему брату, мистеру Уордлю, тетка, старая дева, со всей завистью, на которую способна тетка и старая дева.

– Ну так что же? – отозвался веселый пожилой джентльмен. – Мне кажется, это очень естественно... ничего удивительного. Мистер Пиквик, не угодно ли вина, сэр?

Мистер Пиквик, глубокомысленно исследовавший начинку паштета, с готовностью согласился.

– Эмили, дорогая моя, – покровительственно сказала пребывающая в девичестве тетушка, – не говори так громко, милочка.

– Ах, тетя!

– Тетка и этот старенький джентльмен разрешают себе все, а другим ничего, – шепнула мисс Изабелла Уордль своей сестре Эмили.

Молодые леди весело засмеялись, а старая попыталась скроить любезную мину, но это ей не удалось.

– Молодые девушки так бойки, – сказала мисс Уордль мистеру Тапмену таким соболезнующим тоном, словно оживление являлось контрабандой, а человек, не скрывавший его, совершал великое преступление и грех.

– О да! – отозвался мистер Тапмен, не уяснив себе, какого ответа от него ждут. – Это очаровательно.

– Гм... – недоверчиво протянула мисс Уордль.

– Разрешите? – самым слащавым тоном сказал мистер Тапмен, прикасаясь одной рукой к пальцам очаровательной Рейчел, а другой приподнимая бутылку. – Разрешите?

– О, сэр!

Мистер Тапмен имел весьма внушительный вид, а Рейчел выразила опасение, не возобновится ли пальба, ибо в таком случае ей придется еще раз прибегнуть к его поддержке.

– Как вы думаете, можно ли назвать моих милых племянниц хорошенькими? – шепотом спросила мистера Тапмена любящая тетушка.

– Пожалуй, если бы здесь не было их тетушки, – ответил находчивый пиквикист, сопровождая свои слова страстным взглядом.

– Ах, шалун... но серьезно... Если бы цвет лица у них был чуточку лучше, они могли бы показаться хорошенькими... при вечернем освещении?

– Да, пожалуй, – равнодушным тоном проговорил мистер Тапмен.

– Ах, какой вы насмешник... Я прекрасно знаю, что вы хотели сказать.

– Что? – осведомился мистер Тапмен, который ровно ничего не хотел сказать.

– Вы подумали о том, что Изабелла горбится... да, да, подумали! Вы, мужчины, так наблюдательны! Да, она горбится, этого нельзя отрицать, и, уж конечно, ничто так не уродует молодых девушек, как эта привычка горбиться. Я ей часто говорю, что пройдет несколько лет – и на нее страшно будет смотреть. Ну, и насмешник же вы!

Мистер Тапмен ничего не имел против такой репутации, приобретенной по столь дешевой цене, он приосанился и загадочно улыбнулся.

– Какая саркастическая улыбка! – с восхищением воскликнула Рейчел. – Право же, я вас боюсь.

– Боитесь меня?

– О, вы от меня ничего не скроете, я прекрасно знаю, что значит эта улыбка.

– Что? – спросил мистер Тапмен, который и сам этого не знал.

– Вы хотите сказать, – понизив голос, продолжала симпатичная тетка, – вы хотели сказать, что сутулость Изабеллы не такое уж большое несчастье по сравнению с развязностью Эмили. А Эмили очень развязна! Вы не можете себе представить, до чего это меня иногда огорчает! Я часами плачу, а мой брат так добр, так доверчив, он ничего не замечает, я совершенно уверена, что это разбило бы ему сердце. Быть может, всему виной только манера держать себя – хотелось бы мне так думать... Я утешаю себя этой надеждой... (Тут любящая тетушка испустила глубокий вздох и уныло покачала головой.)

– Ручаюсь, что тетка говорит о нас, – шепнула мисс Эмили Уордль своей сестре, – я в этом уверена, у нее такая злющая физиономия.

– Ты думаешь? – отозвалась Изабелла. – Гм... Дорогая тетя!

– Что, милочка?

– Тетя, я так боюсь, что вы простудитесь... пожалуйста, наденьте платок, закутайте вашу милую старую голову... право же, нужно беречь себя в ваши годы!

Хотя расплата была произведена той же монетой и по заслугам, но вряд ли можно было придумать месть более жестокую. Неизвестно, в какой форме излила бы тетка свое негодование, не вмешайся мистер Уордль, который, ничего не подозревая, переменял тему разговора, энергически окликнув Джо.

– Несносный мальчишка, – сказал пожилой джентльмен, – он опять заснул!

– Удивительный мальчик! – произнес мистер Пиквик. – Неужели он всегда так спит?

– Спит! – подтвердил старый джентльмен. – Он всегда спит. Во сне исполняет приказания и храпит, прислуживая за столом.

– В высшей степени странно! – заметил мистер Пиквик.

– Да, очень странно, – согласился старый джентльмен. – Я горжусь этим парнем... ни за что на свете я бы с ним не расстался. Это чудо природы! Эй, Джо, Джо, убери посуду и откупоришь еще одну бутылку, слышишь?

Жирный парень привстал, открыл глаза, проглотил огромный кусок пирога, который жевал в тот момент, когда заснул, и не спеша исполнил приказание своего хозяина: собрал тарелки и уложил их в корзинку, пожирая глазами остатки пиршества. Была подана и распита еще одна бутылка; опять привязали корзину, жирный парень занял свое место на козлах, очки и подозрительная труба снова были извлечены. Тем временем маневры возобновились. Свист,

стрельба, испуг леди, а затем, ко всеобщему удовольствию, была взорвана и мина. Когда дым от взрыва рассеялся, войска и зрители последовали этому примеру и тоже рассеялись.

– Не забудьте, – сказал пожилой джентльмен, пожимая руку мистеру Пиквику и заканчивая разговор, начатый во время заключительной стадии маневров, – завтра вы у нас в гостях.

– Непременно, – ответил мистер Пиквик.

– Адрес у вас есть?

– Мэнор-Фарм, Дингли-Делл, – отозвался мистер Пиквик, заглянув в записную книжку.

– Правильно, – подтвердил старый джентльмен. – И помните, я вас отпущу не раньше чем через неделю и позабочусь о том, чтобы вы увидели все достойное внимания. Если вас интересует деревенская жизнь, пожалуйста ко мне, и я дам вам ее в изобилии. Джо! – Несносный мальчишка: он опять заснул! – Джо, помоги Тому заложить лошадей!

Лошадей впрягли, кучер влез на козлы, жирный парень поместился рядом с ним, распрощались, и экипаж отъехал. Когда пиквикисты в последний раз оглянулись, заходящее солнце бросало яркий отблеск на лица сидевших в экипаже и освещало фигуру жирного парня. Голова его поникла на грудь, он спал сладким сном.

Глава V, *краткая, повествующая, между прочим, о том, как мистер Пиквик вызвался править, а мистер Уинкль – ехать верхом, и что из этого получилось*

Ясным и чистым было небо, благоуханным – воздух, и все вокруг являлось во всей своей красе, когда мистер Пиквик облокотился о перила Рочестерского моста, созерцая природу и дожидаясь завтрака. Пейзаж в самом деле мог очаровать и менее созерцательную душу, чем та, перед которой он расстился.

Слева от наблюдателя находилась полуразрушенная стена, во многих местах пробитая и кое-где грузно нависавшая над узким берегом. Водоросли длинной бахромой повисли на зазубренных и острых камнях, трепеща при малейшем дуновении ветра, и зеленый плющ горестно обвился вокруг темных и разрушенных бойниц. За стеной вставал древний замок – башни его были без кровли, а массивные стены грозили рухнуть, но он горделиво возвещал нам о былой силе и мощи, когда лет семьсот назад он оглашался бряцанием оружия и шумом празднеств и оргий. По обеим сторонам тянулись, уходя вдаль, берега Медуэя, покрытые нивами и пастбищами, виднелись ветряные мельницы, церкви, и эта красочная панорама казалась еще прекраснее от изменчивых теней, которые быстро пробегали по ней, когда легкие и расплывчатые облачка таяли в лучах утреннего солнца. Река, отражая чистую синеву неба, сверкала и искрилась, бесшумно струясь, и с ясным прозрачным журчанием погружались в воду весла рыбаков, когда тяжелые, но живописные лодки медленно скользили вниз по течению.

От приятных грез, навеянных раскинувшимся перед ним пейзажем, мистера Пиквика пробудил глубокий вздох и прикосновение к плечу. Он оглянулся: возле него стоял мрачный субъект.

– Созерцаете картину природы? – осведомился мрачный субъект.

– Да, – сказал мистер Пиквик.

– И поздравляете себя с тем, что так рано встали?

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия.

– Ах, следовало бы вставать пораньше, чтобы видеть солнце во всем его великолепии, ибо редко сияет оно так ослепительно в течение целого дня. Утро дня и утро жизни слишком сходны.

– Вы правы, сэр, – согласился мистер Пиквик.

– Говорят: «Утро слишком прекрасно, чтобы длиться», – продолжал мрачный субъект. – То же самое можно сказать и о повседневном нашем существовании. Боже! Чего бы я не сделал, чтобы вернуть дни детства или забыть о них навеки!

– Вы пережили много горя, сэр, – сочувственно заметил мистер Пиквик.

– Да, – поспешно подтвердил мрачный субъект. – Да, я пережил больше, чем могут себе представить те, кто видит меня теперь.

На секунду он умолк, потом отрывисто спросил:

– Не мелькала ли у вас мысль в такое утро, как сегодня, что было бы блаженством и счастьем броситься в воду и утонуть?..

– Помилуй бог, нет! – ответил мистер Пиквик, отступая от перил, ибо у него возникло опасение, как бы мрачный субъект, эксперимента ради, не толкнул его вниз.

– А я часто об этом думал, – продолжал мрачный субъект, не заметив его движения. – Тихая прохладная вода как будто сулит мне отдых и покой. Прыжок, плеск, недолгая борьба,

взбаламученные волны постепенно уступают место легкой ряби, вы погребены в водяной могиле, и вместе с вами погребены ваши горести и несчастья.

Ввалившиеся глаза мрачного субъекта ярко вспыхнули, но минутное возбуждение быстро угасло, он спокойно отвернулся и сказал:

– Довольно об этом. Мне бы хотелось обсудить с вами другой предмет. В тот вечер вы мне предложили прочесть рукопись и внимательно слушали чтение.

– Совершенно верно, – подтвердил мистер Пиквик, – и я, несомненно, полагал...

– Мнения меня не интересуют, – перебил мрачный субъект, – и я в них не нуждаюсь. Вы путешествуете для собственного удовольствия и обогащения знаниями. Что вы скажете, если я вам пришлю занятную рукопись – заметьте, занятой я ее называю не потому, что она ужасна или невероятна, нет, она занята как романтическая страница подлинной жизни. Не огласите ли вы ее в клубе, о котором столь часто говорите?

– Конечно, если вы желаете, – ответил мистер Пиквик, – и она будет занесена в протоколы.

– Вы ее получите, – заявил мрачный субъект. – Ваш адрес? – И узнав от мистера Пиквика предполагаемый маршрут, он старательно занес его в свою засаленную записную книжку, затем, отклонив настойчивое приглашение мистера Пиквика позавтракать вместе, расстался с ним у двери гостиницы и медленно побрел прочь.

Спутники мистера Пиквика поджидали его к завтраку, который был уже готов, и все блюда заманчиво расставлены. Уселись за стол, а засим поджаренная ветчина, яйца, чай, кофе и всякая всячина начали исчезать с быстротой, свидетельствовавшей как о превосходном качестве продуктов, так и о прекрасном аппетите всей компании.

– Ну-с, поговорим о Мэнор-Фарм, – сказал мистер Пиквик. – Как мы туда поедem?

– Не посоветоваться ли нам со слугою? – предложил мистер Тапмен, после чего слуга был призван.

– Дингли-Делл, джентльмены?... Пятнадцать миль, джентльмены... по проселочной дороге... Дорожную коляску, сэр?

– В дорожной коляске могут поместиться только двое, – возразил мистер Пиквик.

– Совершенно верно, сэр, прошу прощенья, сэр. Прекрасный четырехколесный экипаж, сэр, сиденье сзади для двух, одно место впереди для джентльмена, который правит. Ах, прошу прощенья, сэр, – экипаж трехместный.

– Что же нам делать? – спросил мистер Снодграсс.

– Может быть, один из джентльменов пожелает ехать верхом, сэр? – предложил слуга, поглядывая на мистера Уинкля. – Очень хороши верховые лошади, сэр, любой из слуг мистера Уордья может отвести лошадь назад, когда отправится в Рочестер.

– Отлично, – сказал мистер Пиквик. – Уинкль, хотите прокатиться верхом?

В тайниках души мистера Уинкля возникли серьезные опасения, касающиеся его умения ездить верхом, но ему во что бы то ни стало хотелось их скрыть, а посему он и ответил тотчас же и очень решительно:

– Конечно. Я буду в восторге.

Мистер Уинкль бросил вызов судьбе. Иного выхода у него не было.

– Велите подать лошадей к одиннадцати часам, – распорядился мистер Пиквик.

– Слушаю, сэр, – ответил слуга.

Слуга удалился, завтрак был окончен, и путешественники поднялись каждый в свою комнату, чтобы уложить костюмы, которые хотели взять с собой.

Мистер Пиквик покончил со всеми приготовлениями и из-за оконных занавесок столовой взирал на прохожих, когда вошел слуга и доложил, что лошади поданы. Сообщение это было подтверждено самим экипажем, который не замедлил появиться перед окнами вышеупомянутой столовой.

Это был диковинный зеленый ящик на четырех колесах, с низким двухместным сиденьем, напоминающим плетенку для винных бутылок, с высоким насестом впереди для одного человека, влекомый гигантской бурой лошадью, которая обнаруживала великолепный по своей симметрии костяк. Тут же стоял конюх, держа за повод оседланную для мистера Уинкля другую рослую лошадь – по-видимому, близкую родственницу животного, впряженного в экипаж.

– Господи помилуй! – воскликнул мистер Пиквик, когда они стояли на тротуаре и ждали, пока уложены будут в экипаж их вещи. – Господи помилуй, а кто ж будет править? Об этом я и не подумал.

– Вы, конечно, – сказал мистер Тапмен.

– Разумеется, – сказал мистер Снодграсс.

– Я! – воскликнул мистер Пиквик.

– Не извольте беспокоиться, сэр, – вмешался конюх. – Доверьтесь ей, сэр, спокойно: грудной младенец – и тот с ней справится.

– А она не пуглива? – осведомился мистер Пиквик.

– Пуглива, сэр? Покажите ей воз обезьян с обожженными хвостами – она и то не испугается.

Такой отзыв рассеивал все сомнения. Мистер Тапмен и мистер Снодграсс влезли в ящик, мистер Пиквик взобрался на насест и поставил ноги на обитую клеенкой подножку, приспособленную специально для этой цели.

– Ну, Блестящий Уильям, – сказал конюх своему подручному, – подай джентльмену вожжи.

Блестящий Уильям (должно быть, этим прозвищем он был обязан своим прилизанным волосам и лоснящейся физиономии) вложил вожжи в левую руку мистера Пиквика, а старший конюх сунул ему хлыст в правую руку.

– Тпру! – закричал мистер Пиквик, когда рослое животное попятилось, не скрывая своего намерения ввалиться через окно в столовую.

– Тпру! – отозвались из ящика мистер Тапмен и мистер Снодграсс.

– Ничего! Это ей порезвиться вздумалось, джентльмены, – ободряюще заметил старший конюх. – Придержи-ка ее, Уильям.

Подручный укротил буйный нрав животного, а конюх поспешил на помощь к мистеру Уинклю.

– С этой стороны пожалуйста, сэр.

– Провалиться мне на этом месте, если джентльмен не собирался влезть не с той стороны, – ухмыляясь, шепнул форейтор на ухо официанту, веселившемуся от всей души.

Мистер Уинкль, следуя инструкции, уселся в седло, но с таким трудом, словно ему пришлось карабкаться на борт первогоклассного военного судна.

– Все в порядке? – осведомился мистер Пиквик, предчувствуя в глубине души, что о порядке и речи быть не может.

– Все в порядке, – слабым голосом ответил мистер Уинкль.

– Пошел! – крикнул конюх. – Держите вожжи, сэр.

И вот на потеху всего двора повозка и верховой конь помчались: одна – с мистером Пиквиком на козлах, другой – с мистером Уинклем на спине.

– Отчего это она идет как-то боком? – обратился мистер Снодграсс из ящика к мистеру Уинклю в седле.

– Понятия не имею, – ответил мистер Уинкль.

Его лошадь несло по улице самым загадочным образом: боком вперед, головой к одной стороне улицы и хвостом – к другой.

Мистер Пиквик этого не видел и не имел времени заметить что бы то ни было, так как все его внимание было сосредоточено на лошади, впряженной в повозку и проявлявшей свое-

образные наклонности, весьма интересные для постороннего наблюдателя, но отнюдь не столь занимательные для лиц, сидевших в экипаже. Не говоря уже о весьма неприятной и раздражающей привычке задира́ть голову и натягивать вожжи так, что мистеру Пиквику великого труда стоило удерживать их в руке, лошадь проявляла странную склонность внезапно бросаться в сторону, останавливаться, а затем в течение нескольких минут мчаться вперед с быстротой, исключавшей всякую возможность управлять экипажем.

– Что она хочет показать этим? – спросил мистер Снодграсс, когда лошадь в двадцатый раз проделала этот маневр.

– Не знаю, – отозвался мистер Тапмен. – Я бы сказал, что она пуглива, а как по-вашему?

Мистер Снодграсс хотел что-то ответить, когда его прервал возглас мистера Пиквика.

– Тпру! – воскликнул сей джентльмен. – Я уронил хлыст.

– Уинкль! – сказал мистер Снодграсс, когда всадник на рослой лошади подъехал к ним рысцой, в шляпе, надвинутой на самые уши, и сотрясаясь всем телом от резких движений, словно вот-вот рассыплется на кусочки. – Уинкль, будьте добры, поднимите хлыст.

Мистер Уинкль натягивал поводья огромной лошади, пока лицо у него не почернело; ухитрившись, наконец, остановить лошадь, он слез, подал мистеру Пиквику хлыст и, схватив поводья, приготовился снова вскочить в седло.

Захотелось ли рослой лошади, отличавшейся природной игривостью, невинно пошалить с мистером Уинклем, или она сообразила, что не менее приятную прогулку может совершить и без всадника, – эти вопросы мы, конечно, не в силах разрешить окончательно и определенно. Какими бы мотивами ни руководствовалось животное, несомненным остается один факт: едва схватил мистер Уинкль поводья, как лошадь перебросила их через голову и на всю их длину отскочила назад.

– Милая скотинка, – вкрадчиво сказал мистер Уинкль, – милая скотинка, добрая старая лошадка!

Но «милая скотинка» презирала лесть: чем упорнее старался мистер Уинкль к ней подойти, тем настойчивее она отступала, и несмотря на уговоры и улещиванье, мистер Уинкль и лошадь кружились на одном месте в течение десяти минут, а по прошествии этого времени расстояние между ними отнюдь не уменьшилось – положение неприятное при любых обстоятельствах, а тем более на безлюдной дороге, где никто не придет на помощь.

– Что мне делать? – крикнул мистер Уинкль после длительного кружения на одном месте. – Что мне делать? Я не могу к ней подойти.

– Ведите ее на поводу, пока мы не доберемся до заставы, – ответил мистер Пиквик.

– Да она не хочет идти! – завопил мистер Уинкль. – Вылезайте и подержите ее.

Мистер Пиквик – сама доброта и человеколюбие – бросил вожжи на спину своей лошади и, спустившись с козел, заботливо повернул повозку к придорожным кустам на тот случай, если кто проедет по дороге, после чего поспешил на помощь к своему злополучному спутнику, оставив мистера Тапмена и мистера Снодграсса в экипаже.

Едва завидев мистера Пиквика, приближавшегося с хлыстом в руке, лошадь перестала упорно кружиться на одном месте и начала отступать столь решительно, что потащила за собой мистера Уинкля, не выпуская поводьев, и заставила его бежать в ту сторону, откуда они только что приехали. Мистер Пиквик бросился на помощь, но чем быстрее устремлялся он вперед, тем быстрее бежала от него лошадь. Послышался топот копыт, за клубилась пыль, и мистер Уинкль, едва не вывихнувший руки, благоразумно бросил повод. Лошадь остановилась, посмотрела, тряхнула головой, повернулась и спокойно побежала рысью домой в Роchester, предоставив мистеру Уинклю и мистеру Пиквику с немим отчаянием взирать друг на друга. Какой-то дребезжащий звук привлек их внимание. Они встрепенулись.

– Господи помилуй! – воскликнул несчастный мистер Пиквик. – И другая лошадь убегает!

Это была истинная правда. Шум испугал лошадь, а вожжи лежали у нее на спине. Результаты угадать нетрудно. Она сорвалась с места, увлекая за собой четырехколесный экипаж с мистером Тапменом и мистером Снодграссом. Скачка продолжалась недолго. Мистер Тапмен прыгнул в кусты, мистер Снодграсс последовал его примеру; лошадь разбила четырехколесную повозку о деревянный мост – кузов отделился от колес, ящик сорвался, и лошадь остановилась как вкопанная, созерцая произведенное ею разрушение.

Первой заботой двух уцелевших друзей было извлечь своих злополучных спутников из кустов, где они застряли, – процесс, который доставил им несказанное удовольствие, когда они убедились, что никто не получил никаких повреждений, если не считать нескольких дыр на платье и легких царапин, нанесенных колючками. Следующей их заботой было выпрячь лошадь. По окончании этой сложной операции компания медленно побрела вперед, ведя за собой лошадь, а повозку бросив на произвол судьбы.

Через час ходьбы путешественники увидели маленький придорожный трактир – перед домом два вяза, водопойная колода для лошадей и столб с вывеской, позади несколько бесформенных стогов сена, сбоку огород, а вокруг разбросанные в странном беспорядке ветхие сараи и надворные строения. На огороде работал рыжеволосый человек. Мистер Пиквик громко окликнул его:

– Эй! Послушайте!

Рыжеволосый выпрямился, заслонил глаза рукой и посмотрел пристально и холодно на мистера Пиквика и его спутников.

– Эй! Послушайте! – повторил мистер Пиквик.

– В чем дело? – отозвался рыжеволосый.

– Далеко отсюда до Дингли-Делла?

– Добрых семь миль.

– Дорога хорошая?

– Плохая.

Дав сей краткий ответ и удовлетворив, по-видимому, свое любопытство еще одним пристальным взглядом, рыжеволосый снова принялся за работу.

– Мы бы хотели на время оставить здесь эту лошадь, – сказал мистер Пиквик. – Можно?

– Лошадь хотите здесь оставить? – повторил рыжеволосый, опираясь на лопату.

– Ну да, – ответил мистер Пиквик, который уже успел подойти вместе с лошадью к изгороди.

– Хозяйка! – заорал человек с рыжими волосами, выйдя из огорода и в упор глядя на лошадь. – Хозяйка!

На зов явилась высокая костлявая женщина, прямая как палка, в грубой синей накидке, с талией под мышками.

– Скажите, любезная, можно оставить здесь эту лошадь? – вкрадчиво спросил мистер Тапмен, выступая вперед.

Женщина очень пристально разглядывала всю компанию, а рыжеволосый шепнул ей что-то на ухо.

– Нет, – ответила она, подумав. – Боюсь.

– Бойтесь! – воскликнул мистер Пиквик. – Чего может бояться эта женщина?

– Недавно мы из-за этого попали в беду, – сказала женщина, поворачивая к дому. – Не о чем тут толковать.

– В высшей степени странно! – воскликнул удивленный мистер Пиквик.

– Мне... мне кажется, – шепнул мистер Уинкль окружившим его друзьям, – мне кажется, они подозревают, что эту лошадь мы приобрели какими-то нечестными путями.

– Что?! – в порыве негодования воскликнул мистер Пиквик.

Мистер Уинкль смущенно повторил свою догадку.

– Эй, послушайте! – крикнул рассерженный мистер Пиквик. – Вы что, думаете – мы эту лошадь украли?

– Ясное дело, украли, – ответил рыжеволосый, оскалив зубы так, что рот растянулся от одного слухового органа до другого. С этими словами он вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

– Это похоже на сон! – кипятился мистер Пиквик. – На отвратительный сон. Тащиться целый день с ужасной лошадью, от которой не можешь отделаться!

Пиквикисты мрачно и уныло пошли прочь, а рослое четвероногое, к которому все они чувствовали безграничное отвращение, плелось за ними по пятам.

Уже наступал вечер, когда четверо друзей и их четвероногий спутник свернули на боковую дорогу, ведущую к Мэнор-Фарм; и даже теперь, когда они были так близки к цели, удовольствие, которое могли бы они испытать при иных обстоятельствах, оказалось в значительной мере отравленным размышлениями о том, какой странный у них вид и сколь нелепо их положение. Изорванные костюмы, испарапанные лица, запыленные ботинки, измученный вид и в довершение всего лошадь. О, как проклинал мистер Пиквик эту лошадь! Время от времени он бросал на благородное животное взгляды, горящие ненавистью и жадой мести, не раз принимался высчитывать, каковы будут издержки, если он перережет ей горло, и им овладевало с удесyтеренной силой искушение убить ее или отпустить на все четыре стороны. От этих ужасных мыслей его отвлекли две фигуры, внезапно появившиеся за поворотом дороги. Это был мистер Уордль и верный его паж, жирный парень.

– Где же это вы запропалились? – спросил гостеприимный пожилой джентльмен. – Я вас весь день поджидал. Однако вид у вас потрепанный. Как! Царапины! Ничего серьезного, надеюсь, нет? Ну, я очень рад, очень рад это слышать. Так, значит, вы опрокинулись? Ничего! Обычная история в этих краях. Джо! – Он опять спит! – Джо, возьми у джентльмена лошадь и отведи ее в конюшню.

Жирный парень, тяжело ступая, поплелся за ними вместе с лошаdью, а пожилой джентльмен добродушно выражал сочувствие своим гостям, узнав об их приключениях ровно столько, сколько они сочли нужным сообщить, и повел их прежде всего на кухню.

– Здесь мы вас приведем в порядок, – сказал пожилой джентльмен, – а затем я вас представлю обществу, собравшемуся в гостиной. Эмма, подай черри-бренди, Джейн, иголку с ниткой! Полотенец и воды, Мэри! Ну, девушки, пошевеливайтесь!

Три-четыре проворные девушки бросились отыскивать требуемые вещи, а два большеголовых круглолицых представителя мужского пола покинули свои места у очага (ибо, хотя вечер был майский, их тянуло к огоньку не меньше, чем на святках) и нырнули в какие-то темные углы, откуда быстро извлекли ваксу и с полдюжины щеток.

– Пошевеливайтесь! – повторил пожилой джентльмен, но это приказание оказалось совершенно излишним, так как одна девушка уже наливала черри-бренди, другая принесла полотенца, а один из слуг, ухватив внезапно за ногу мистера Пиквика и подвергая его опасности потерять равновесие, чистил ему башмак, пока мозоли не раскалились докрасна, в то время как другой чистил мистера Уинкля тяжелой платяной щеткой, насвистывая при этом, как имеют обыкновение насвистывать конюхи, отчищая лошадь скребницей.

Покончив с омовениями, мистер Снодграсс, стоя спиной к камину и с истинным наслаждением попивая черри-бренди, осматривал кухню. Он описывает ее как просторное помещение с красным кирпичным полом и вместительным очагом; потолок украшали окорока, свиная грудинка, связка луковиц. Стены были декорированы охотничьими хлыстами, несколькими уздечками, седлом и старым, заржавленным мушкетом, под которым красовалась надпись, возвещавшая, что он «заряжен» – если верить свидетельству того же источника – уже по крайней мере полстолетия. В углу важно тикали старинные часы с недельным заводом, отличавши-

еся нравом степенным и уравновешенным, а на одном из многочисленных крючков, украшавших кухонный шкаф, висели серебряные карманные часы, не менее древние.

– Готовы? – осведомился пожилой джентльмен, когда его гости были вымыты, заштопаны, вычищены и подкреплены бренди.

– Вполне, – ответил мистер Пиквик.

– В таком случае идемте!

И компания, миновав несколько темных коридоров, где к ней присоединился мистер Тапмен, который замешкался, чтобы сорвать поцелуй у Эммы, должным образом вознаградившей его толчками и царапинами, приблизилась к двери гостиной.

– Добро пожаловать, джентльмены! – промолвил гостеприимный хозяин, распахивая дверь и проходя вперед, чтобы представить гостей. – Добро пожаловать в Мэнор-Фарм!

Глава VI

Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ о возвращении каторжника

При входе мистера Пиквика с друзьями гости, собравшиеся в старой гостиной, встали им навстречу; и пока шла церемония представления, сопровождавшаяся всеми обязательными формальностями, у мистера Пиквика было время рассмотреть лица и поразмыслить о характерах и стремлениях людей, его окружавших, – привычка, которой он, наряду со многими великими людьми, предавался с наслаждением.

Очень старая леди в величественном чепце и выцветшем шелковом платье – не кто иная, как мать мистера Уордля, – занимала почетное место в углу, справа от камина; стены были украшены предметами, свидетельствовавшими о том, что в молодости она была воспитана подобающим образом и о своем воспитании не забыла и на старости лет, – тут были весьма древние вышивки, шитые шерстью пейзажи такой же давности и алые шелковые покрывала на чайник более современного происхождения. Тетка, две юные леди и мистер Уордль соперничали друг с другом, ревностно и неустанно оказывая знаки внимания старой леди: одна держала ее слуховой рожок, другая – апельсин, третья – флакон с нюхательной солью, а четвертый усердно поправлял и взбивал подушки, водруженные за ее спиной. Против нее, по другую сторону камина, восседал лысый, старый джентльмен с благожелательным и добродушным выражением лица – священник Дингли-Делла, а рядом с ним – его жена, полная, румяная старая леди, у которой был такой вид, словно она не только постигла искусство и тайну домашнего изготовления ароматных настоек на благо и удовольствие ближним, но и сама при случае весьма не прочь была их отвесть. В одном углу человек, с лицом проницательным и похожим на рипстонский ранет¹², беседовал с толстым старым джентльменом, и еще два-три пожилых джентльмена, и еще две-три пожилые леди неподвижно сидели навтыжку, пристально разглядывая мистера Пиквика и его спутников.

– Мистер Пиквик, маменька! – заорал во весь голос мистер Уордль.

– А! – сказала старая леди, покачивая головой. – Ничего не слышу.

– Мистер Пиквик, бабушка! – дружно прокричали обе юные леди.

– А! – отозвалась старая леди. – Ну, да это не важно, полагаю, что ему никакого дела нет до такой старухи, как я.

– Уверю вас, сударыня, – начал мистер Пиквик, пожимая руку старой леди и говоря так громко, что добродушное лицо его приняло от напряжения карминный оттенок, – уверю вас, сударыня, ничто не доставляет мне такого удовольствия, как знакомство с леди столь почтенного возраста, возглавляющей такую славную семью и имеющей столь моложавый и цветущий вид.

– А... – сказала, помолчав, старая леди, – все это прекрасно, да только я его не слышу.

– Бабушка сейчас немного расстроена, – понизив голос, сообщила мисс Изабелла Уордль, – но потом она еще поговорит с вами.

Мистер Пиквик кивнул в знак готовности подчиниться капризу старческой немощи и вступил в общий разговор с другими членами кружка.

– Очаровательное местоположение! – сказал мистер Пиквик.

– Очаровательное! – откликнулись мистеры Снодграсс, Тапмен и Уинкль.

– Да, бесспорно, – согласился мистер Уордль.

¹² Рипстонский ранет – поздно созревающий сорт яблок.

– Во всем Кенте не найдется лучшего местечка, сэр, – заметил проницательный человек с лицом, похожим на ранет, – да, сэр, не найдется, уверен, что не найдется.

Проницательный человек торжествующе осмотрелся по сторонам, словно кто-то усиленно ему возражал, но он в конце концов одержал над ним верх.

– Лучшего местечка не найдется во всем Кенте, – повторил он, помолчав.

– За исключением Маллинс-Медоус, – глубокомысленно заметил один толстяк.

– Маллинс-Медоус! – с глубоким презрением воскликнул первый.

– Да, Маллинс-Медоус! – повторил толстяк.

– Прекрасный участок, – вмешался другой толстяк.

– Совершенно верно, – подтвердил третий толстяк.

– Это всем известно, – согласился дородный хозяин.

Проницательный человек недоверчиво осмотрелся по сторонам, но, убедившись, что остается в меньшинстве, скроил соблезную физиономию и больше уже не проронил ни слова.

– О чем они говорят? – громко осведомилась старая леди у одной из своих внучек, ибо, как большинство глухих, она, казалось, не допускала возможности, что ее могут услышать.

– О наших местах, бабушка.

– А что с ними такое? Ничего ведь не случилось?

– Нет. Мистер Миллер говорил, что наш участок лучше, чем Маллинс-Медоус.

– А что он в этом понимает? – вознегодовала старая леди. – Миллер – нахал и много о себе думает, можете передать ему мое мнение.

И старая леди, нимало не подозревая, что говорит отнюдь не шепотом, выпрямилась и пригвоздила взглядом проницательного преступника.

– Ну-ну, – засуетился хозяин, естественно желая переменить тему разговора. – А что, если бы нам сыграть роббер, мистер Пиквик?

– Я был бы очень рад, – ответил сей джентльмен, – но прошу вас, не затевайте для меня одного.

– Уверю вас, маменька с удовольствием разыграет роббер, – возразил мистер Уордль. – Не так ли, маменька?

Старая леди, которая при обсуждении этой темы оказалась менее глухой, чем в других случаях, ответила утвердительно.

– Джо, Джо! – крикнул старый джентльмен. – Джо... несносный... Ах, вот он! Разложи ломберные столы.

Летаргический юноша ухитрился без дальнейших понуканий разложить два ломберных стола, один для игры в «Папесса Иоанна», другой для виста. За вист сели мистер Пиквик и старая леди, мистер Миллер и толстый джентльмен; остальные разместились за другим столом.

Роббер разыгрывался со всей серьезностью и степенностью, какие приличествуют занятию, именуемому «вистом», – торжественному обряду, к коему, на наш взгляд, весьма непочтительно и неприлично применять слово «игра». А за другим столом, где шла «салонная» игра, веселились столь бурно, что мешали сосредоточиться мистеру Миллеру, который был поглощен вистом меньше, чем следовало, и ухитрился совершить немало серьезных преступлений и промахов, возбудивших в высокой степени гнев толстого джентльмена и в такой же степени улучшивших расположение духа старой леди.

– Ну вот! – с торжеством провозгласил преступный Миллер, беря леве к концу партии. – Лыщу себя надеждой, что лучше сыграть невозможно, больше нельзя было взять ни одной взятки.

– Миллеру нужно было перекрыть бубны козырем, не правда ли, сэр? – заметила старая леди.

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия.

– В самом деле? – спросил злополучный игрок, нерешительно обращаясь к своему партнеру.

– Несомненно, сэр, – грозно ответил толстый джентльмен.

– Очень сожалею, – сказал удрученный Миллер.

– Велика польза от ваших сожалений! – проворчал толстый джентльмен.

– Два онера, итого восемь у нас, – молвил мистер Пиквик.

Новая сдача.

– Есть у нас роббер? – осведомилась старая леди.

– Есть, – ответил мистер Пиквик. – Двойной, простой и к робберу.

– Ну и везет! – сказал мистер Миллер.

– Ну и карты! – воскликнул толстый джентльмен.

Торжественное молчание: мистер Пиквик весел, старая леди серьезна, толстый джентльмен придиричив, а мистер Миллер запуган.

– Еще раз двойной, – сказала старая леди и с торжеством отметила это обстоятельство, положив под подсвечник шестипенсовик и стертую монету в полпенни.

– Двойной, сэр, – сказал мистер Пиквик.

– Я это вижу, сэр, – резко ответил ему толстый джентльмен.

Следующая игра с такими же результатами сопровождалась тем, что злополучный Миллер не снес требуемой масти, по каковому поводу толстый джентльмен пришел в состояние крайнего возбуждения, длившееся до конца игры, после чего он удалился в угол и в продолжение часа и двадцати семи минут не проронил ни слова; по истечении этого времени он вышел из своего убежища и с видом человека, который готов по-христиански простить все обиды, предложил мистеру Пиквику понюшку табаку. Слух у старой леди значительно улучшился, а злополучный мистер Миллер чувствовал себя выброшенным из родной стихии, как дельфин, посаженный в караульную будку.

А за другим столом весело шла некоммерческая игра; Изабелла Уордль и мистер Трандль объявили себя партнерами, то же сделали Эмили Уордль и мистер Снодграсс, и даже мистер Тапмен и незамужняя тетушка организовали акционерное общество фишек и любезностей. Мистер Уордль был в ударе и так забавно вел игру, а пожилые леди так зорко следили за своими выигрышами, что смех не смолкал за столом. Была тут одна пожилая леди, которой аккуратно каждую игру приходилось платить за полдюжины карт, что неизменно вызывало общий смех; а когда пожилая леди насупилась, раздался хохот, после чего лицо пожилой леди постепенно начало проясняться, и кончилось тем, что она захохотала громче всех. Затем, когда у незамужней тетушки оказался «марьяж» и юные леди снова расхохотались, незамужняя тетушка собиралась надуться, но, почувствовав, что мистер Тапмен пожимает ей руку под столом, тоже просияла и посмотрела столь многозначительно, словно для нее «марьяж» был не так недоступен, как думают некоторые особы. Тут все снова захохотали, и громче всех старый мистер Уордль, который наслаждался шуткой не меньше, чем молодежь.

Если говорить о мистере Снодграссе, то он только и делал, что нашептывал поэтические сентенции на ухо своей партнерше, что настроило одного старого джентльмена на шуточный лад по поводу партнеров за карточным столом и партнеров в жизни и заставило вышеупомянутого старого джентльмена сделать на этот счет несколько замечаний, сопровождаемых подмигиваниями и хихиканьем и развеселивших все общество, а в особенности жену старого джентльмена. Мистер Уинкль выступил с остротами, хорошо известными в городе, но вовсе не известными в деревне, и так как все от души смеялись и высказывали свое одобрение, то мистер Уинкль был весьма польщен и доволен. Добродушный священник взирал благосклонно, ибо при виде счастливых лиц за столом добрый старик тоже чувствовал себя счастливым; и хотя веселились, быть может, слишком бурно, зато от души, а не для виду. А в конце концов только такое веселье имеет цену.

В этих беззаботных развлечениях быстро промелькнул вечер, а когда было покончено с сытным, хотя и простым ужином и маленькое общество расположилось дружеским кружком у камелька, мистер Пиквик отметил, что никогда еще не был он так счастлив и никогда так полно не наслаждался ускользающими мгновениями.

– Да, да, это то, что я люблю, – сказал гостеприимный хозяин, торжественно восседавший рядом со старой леди, держа ее руку в своей. – Счастливейшие минуты моей жизни пролетели у этого старого камина, и я так к нему привязан, что каждый вечер развожу в нем пылающий огонь, пока он не разгорится до невыносимого жара. И моя милая старая маменька, когда была девочкой, не раз сживала вон на той скамеечке перед камином. Верно, маменька?

Непрошенная слеза, которую вызывают воспоминания о былом и о давно ушедшем счастье, скатилась по щеке старой леди, и она с меланхолической улыбкой кивнула.

– Не осудите меня, мистер Пиквик, за болтовню об этом старом камине, – помолчав, продолжал хозяин, – я его горячо люблю и другого не знаю. Старые дома и поля кажутся мне живыми друзьями, так же как и наша маленькая церковь, обвитая плющом, о котором – к слову сказать – наш добрый друг сочинил стихотворение вскоре по приезде в наши края. Мистер Снодграсс, разрешите наполнить ваш стакан?

– Он полон, благодарю вас, – заметил этот джентльмен, чье поэтическое любопытство было весьма возбуждено последним замечанием хозяина. – Простите, вы упомянули стихотворение о плюще?

– Об этом вы должны спросить нашего друга, – многозначительно ответил хозяин, кивнув в сторону священника.

– Мне бы очень хотелось услышать это стихотворение, сэр, – молвил мистер Снодграсс.

– Уверяю вас, это так, пустячок, – ответил священник, – я был молод, когда сочинил его, и в этом единственное мое оправдание. Но если вам угодно, вы его услышите.

Разумеется, в ответ раздался шепот заинтересованных слушателей, и старый джентльмен – с помощью подсказывавшей ему жены – прочел следующие строфы.

– Я их назвал, – сказал он, —

Зеленый плющ

О, причудлив ты, мой зеленый плющ,
Проползая среди руин,
За отборной пищей гонишься ты
В невеселом своем дому.
Камень должен сгнить, обветшать стена,
И тогда ты возлюбишь их,
А тончайшая вековая пыль
Будет лакомством для тебя.
Стелешься там, где жизни нет,
Древний гость, мой зеленый плющ.

Быстро вьешься ты, хотя крыльев нет,
Сердце верное у тебя,
Как ты льнешь к нему, как туго обвил
Друга милого – вечный дуб!
Как влачишься ты по сырой земле
И тихонько шуршишь в листве,
Когда, ласково обнимая, льнешь
К праху тучному у могил!
Стелешься там, где прах и тлен,
Древний гость, мой зеленый плющ.

Пронеслись века, память стерла их,
И народы ушли с земли,
Но не блекнет только зеленый плющ —
Он, как встарь, и сочен и свеж.
Одинокий, отважный древний плющ
Силу черпает в днях былых:
Для того же и возводится дом,
Чтобы плющ питать и растить.
Стелешься, где прошли века,
Древний гость, мой зеленый плющ.

Пока старый джентльмен вторично читал эти строки, чтобы дать мистеру Снодграссу возможность их записать, мистер Пиквик с величайшим интересом изучал черты его лица. Когда старый джентльмен кончил диктовать, а мистер Снодграсс спрятал записную книжку в карман, мистер Пиквик заговорил:

– Простите меня, сэр, если я, будучи столь мало с вами знаком, осмелюсь сделать одно замечание: я думаю, что такой человек, как вы, несомненно, наблюдал за время своего служения церкви много сцен и событий, достойных запоминания.

– Кое-что я, конечно, имел случай наблюдать, – ответил старый джентльмен, – но поскольку сфера моей деятельности весьма ограничена, то события и действующие лица не представляли собой ничего из ряда вон выходящего.

– Однако вы сделали кое-какие записи, касающиеся Джона Эдмондса, не так ли? – осведомился мистер Уордль, которому явно хотелось продемонстрировать своего друга в назидание новым гостям.

Старый джентльмен слегка кивнул в знак согласия и хотел заговорить о другом, но мистер Пиквик сказал:

– Прошу прощения, сэр, разрешите спросить, кто был этот Джон Эдмондс?

– Я хотел задать тот же вопрос, – с жаром вставил мистер Снодграсс.

– Теперь уж вам не отвертеться, – сказал веселый хозяин. – Рано или поздно вы должны будете удовлетворить любопытство этих джентльменов, так воспользуйтесь же удобным случаем и сделайте это сейчас.

Старый джентльмен добродушно улыбнулся и выдвинулся вперед на своем стуле; остальные ближе сдвинули стулья, в особенности мистер Тапмен и незамужняя тетушка, которые, быть может, были туговаты на ухо; старую леди вооружили слуховым рожком, а мистер Миллер (который заснул во время чтения стихов) очнулся от сна, получив предостерегающий шипок под столом от бывшего своего партнера, степенного толстого джентльмена, после чего старый священник без всяких предисловий начал следующий рассказ, который мы берем на себя смелость озаглавить:

Возвращение каторжника

– Когда я ровно двадцать пять лет назад поселился в этой деревне, – заговорил старый джентльмен, – наихудшей репутацией среди моих прихожан пользовался некто Эдмондс, арендовавший неподалеку отсюда маленькую ферму. Он был угрюмым, злым, дурным человеком, жизнь вел праздную и распутную, нрав имел жестокий. За исключением нескольких ленивых и беспечных бродяг, с которыми он проводил время на полях либо пьянствовал в трактире, не было у него ни друзей, ни знакомых; никто не хотел разговаривать с этим человеком, которого боялись многие, а ненавидели все, – и все сторонились Эдмондса.

Когда я только что сюда приехал, у него была жена и единственный сын лет двенадцати. О жестоких страданиях этой женщины, о кротости и терпении, с которыми она их переносила, о трепетной заботливости, с какой воспитывала мальчика, никто и понятия не имеет. Да простит мне небо мою догадку, если она жестока, но в глубине души я твердо верю, что этот человек систематически в течение многих лет старался разбить сердце своей жены. Но она переносила все ради сына и – многим это может показаться странным – ради отца своего ребенка, ибо хоть и был он зверем и обращался с ней жестоко, но когда-то она его любила, и воспоминание о том, кем он для нее был, пробуждало в ее груди чувство снисходительности и покорности перед лицом страдания – чувство, которое непонятно ни одному живому существу, кроме женщины.

Они были очень бедны – да и не могло быть иначе, раз муж вел такой образ жизни; но неустанное и неослабное прилежание жены, работавшей и в ранний и в поздний час, утром, в полдень и ночью, спасало их от крайней нужды. Труды ее вознаграждались плохо. Люди, проходившие мимо ее жилища вечером или в поздний час ночи, рассказывали, что до них доносились стоны и рыдания несчастной женщины и глухие удары, и не раз, уже за полночь, мальчик стучался в дверь соседа, к которому его посылали, чтобы спасти от пьяного, озверевшего отца.

Бедная женщина, которой часто не удавалось скрыть следы побоев, аккуратно посещала нашу маленькую церковь. Каждое воскресенье, утром и после полудня, она занимала вместе со своим мальчиком всегда одну и ту же скамью; и хотя оба были бедно одеты, – значительно хуже, чем большинство их соседей, нуждавшихся еще более, чем они, – одежда их всегда была чистой и опрятной. Все и каждый приветствовали добрым словом «бедную миссис Эдмондс», и бывало, измученное ее лицо освещалось чувством глубокой благодарности, когда по окончании службы она останавливалась в аллее вязов, ведущей к церкви, и перебрасывалась несколь-

кими словами с соседом либо, замешкавшись, смотрела с материнской гордостью и любовью на здорового мальчугана, резвившегося со своими приятелями. В такие минуты она казалась если не беззаботной и счастливой, то по крайней мере спокойной и довольной.

Прошло пять-шесть лет, мальчик стал здоровым, рослым юношей. Годы, укрепившие хрупкое тело ребенка и влившие в него мужественную силу, согнули спину матери и отняли силу у ее ног; рука, которая должна была бы ее поддерживать, уже не сжимала ее руки, лицо, которое должно было радовать ее, уже не было обращено к ее лицу. Она сидела на старой своей скамье, но место подле нее оставалось незанятым. По-прежнему раскрывала она заботливо Библию, отыскивая нужные места и загибая страницы, но не было того, кто бы читал ее вместе с нею, и крупные слезы капали на книгу, и слова расплывались перед ее глазами. Соседи относились к ней так же ласково, как и встарь, но она отворачивалась, избегая их приветствий. Уже не замедляла она шагов в аллее старых вязов – не было у нее бодрой надежды на счастье. Безутешная женщина надвигала чепец на лицо и торопливо удалялась.

Нужно ли говорить вам о том, что юноша, который, оглядываясь на раннее свое детство, запечатленное в памяти, и пронося воспоминания сквозь жизнь, не мог припомнить ничего, что бы не было так или иначе связано с бесконечными добровольными лишениями, перенесенными матерью ради него, с обидами, оскорблениями и побоями, которые только ради него она претерпевала, – нужно ли говорить вам, что он, безрассудно пренебрегая разбитым ее сердцем, угрюмо, злобно забывая все, что она для него сделала и перенесла, связался с отъявленными негодяями и в безумии своем безудержно устремился по тропе, которая должна была привести его к смерти, ее – к позору? Горе человеческой природе! Мы давно уже это предвидели.

Вскоре должна была исполниться мера скорбей и страданий несчастной женщины. В окрестностях были совершены многочисленные преступления; виновных не нашли, и это придало им смелости. Дерзкий грабеж, сопровождавшийся отягчающими вину обстоятельствами, побудил усилить бдительность и энергически приступить к розыскам, на что не рассчитывали преступники. Подозрение пало на молодого Эдмондса и его трех товарищей. Его арестовали, заключили в тюрьму, судили, приговорили к смерти.

По сей день звучит в моих ушах дикий, пронзительный женский вопль, раздавшийся в зале суда, когда был вынесен приговор. Этот вопль поразил ужасом сердце преступника, который оставался равнодушным к суду, к приговору, даже к неминуемой смерти. Губы, упрямо сжатые, задрожали и невольно раскрылись, лицо его стало пепельно-серым, когда из всех пор выступил холодный пот, дрожь пробежала по мускулистому телу преступника, и он, шатаясь, опустился на скамью.

В порыве душевной муки несчастная мать упала к моим ногам и страстно молила Всемогущего, который до сей поры помогал ей переносить все невзгоды, – молила взять ее из мира скорби и печали и пощадить жизнь единственного ее ребенка. За этим последовал взрыв отчаяния и мучительная борьба, какой, надеюсь, никогда я больше не увижу. Я знал, что в этот час разбилось ее сердце, но ни жалобы, ни ропота я от нее не слышал.

Грустно было видеть, как эта женщина изо дня в день приходила на тюремный двор, ревностно стараясь своей любовью и мольбами смягчить жестокое сердце упрямого сына. Все было тщетно. Он оставался угрюмым, непреклонным и равнодушным. Даже неожиданная замена смертной казни четырнадцатью годами ссылки на каторжные работы не сломила его озлобленного упрямства.

Но дух смирения и выносливости, который так долго поддерживал его мать, не мог победить физическую слабость и недуги. Она заболела. Она заставила себя подняться с постели, чтобы еще раз навестить сына, но силы ей изменили, и в изнеможении она упала на землю.

Вот тогда-то подверглись испытанию хваленое хладнокровие и равнодушие юноши; его постигло тяжкое возмездие, и он едва не сошел с ума. День миновал, а мать его не навестила; пролетел второй день, третий, и она не пришла к нему; настал вечер, он не видел ее, а через

двадцать четыре часа его увезут от нее – быть может, навеки. О, с какой силой захлестнули его давно забытые мысли о прошлом, когда он метался по узкому двору, как будто эти метания могли ускорить для него получение сведений о ней, с какою горечью почувствовал он свою беспомощность и одиночество, когда узнал, наконец, правду! Его мать, единственное родное ему существо, лежала больная – быть может, умирающая – на расстоянии мили от него. Будь он свободен, не закован в кандалы, через несколько минут он очутился бы подле нее. Он подбежал к воротам, вцепился руками в железную решетку, в отчаянии сотрясал ее так, что она гудела, потом бросился на толстую стену, будто хотел проложить путь сквозь камни, но прочная стена издевалась над жалкими его усилиями, и, заломив руки, он заплакал, как ребенок.

Я принес в тюрьму материнское прощение и благословение сыну, а ей, лежавшей на одре болезни, сообщил о его раскаянии и передал страстную мольбу о прощении. С жалостью и состраданием я прислушивался к словам раскаявшегося преступника, мечтавшего о том, как он по возвращении своем будет утешать и покоить мать. Я не сомневался, что мать его уйдет из этого мира значительно раньше, чем он доберется до места своего назначения.

Его увезли ночью. Спустя несколько недель душа бедной женщины вознеслась – я твердо верю и надеюсь – в обитель вечного блаженства и покоя. Над ее останками я совершил погребальную службу. Она лежит на нашем маленьком кладбище. На ее могиле нет плиты. Ее горести были известны людям, добродетели – Богу.

Перед отправкой каторжника было условлено, что он напишет матери, как только получит на это разрешение, и письмо адресует на мое имя. Отец решительно отказался увидеться с сыном с момента его ареста, ему было все равно, жив он или умер. Прошло много лет, и я не имел никаких сведений о каторжнике; истекло больше половины назначенного срока, и, не получив ни одного письма, я решил, что он умер, – пожалуй, хотелось мне на это надеяться.

По прибытии в колонию Эдмондс был отправлен далеко в глубь страны, и быть может, этим-то и объясняется тот факт, что ни одно из отправленных им писем до меня не дошло. Там прожил он все четырнадцать лет. По истечении этого срока, оставаясь верным старому своему решению и клятве, данной матери, он вернулся в Англию, преодолев бесчисленные трудности, и пешком отправился в родную деревню.

Был ясный августовский воскресный вечер, когда Джон Эдмондс вошел в деревню, которую семнадцать лет назад покинул со стыдом и позором. Кратчайший путь лежал через кладбище. У него забилося сердце, когда он вступил за ограду. Высокие старые вязы, пропуская сквозь листву яркий луч заходящего солнца, падавший на тенистую дорожку, воскресили воспоминания детства. Он увидел самого себя, цепляющегося за руку матери и мирно идущего в церковь. Вспомнил, как, бывало, заглядывал в ее бледное лицо и как часто у нее на глазах выступали слезы, когда она смотрела на него, – слезы, обжигавшие ему лоб, когда она наклонялась, чтобы поцеловать его, и он тоже начинал плакать, хотя в ту пору и не подозревал о том, какие это были горькие слезы. Он вспомнил, как часто бегал по этой дорожке вместе с веселыми товарищами, то и дело оглядываясь, чтобы увидеть улыбку матери, услышать ее кроткий голос. И тогда словно поднялась завеса над его воспоминаниями и всплыли в памяти ласковые слова, оставшиеся без ответа, забытые предостережения, нарушенные им обещания; мужество покинуло его, страдания его были невыносимы.

Он вошел в церковь. Вечерняя служба кончилась, прихожане разошлись, но церковь еще не была закрыта. Гулко раздавались шаги в невысоком здании, и здесь была такая тишина, что он почти испугался своего одиночества. Он осмотрелся по сторонам. Все было по-прежнему. Церковь показалась ему меньше, чем раньше, но остались те же старые памятники, на которые он столько раз смотрел с детским благоговением, маленькая кафедра с выцветшей подушкой, престол, перед которым он так часто повторял заповеди, почитаемые в детстве и забытые в годы зрелости. Он подошел к старой скамье; она казалась холодной и покинутой. Унесли подушку, исчезла Библия. Быть может, теперь его мать занимала другую скамью, для людей победнее,

или хворала и не могла одна дойти до церкви. Он не смел подумать о том, чего боялся. Холод пробежал у него по спине, он дрожал, направляясь к выходу.

В дверях он встретил старика, входившего в церковь. Эдмондс отшатнулся – он хорошо его знал, много раз видел он, как тот роет могилы на кладбище. Что скажет он вернувшемуся каторжнику?

Старик посмотрел на незнакомое ему лицо, сказал «добрый вечер» и медленно прошел дальше. Он забыл его.

Эдмондс спустился с холма и вошел в деревню. Было тепло, люди сидели у дверей своих домов или гуляли в маленьких садах, наслаждаясь ясным вечером и отдыхом от работы. Многие поглядывали на него, и он много раз боязливо озирался: узнают ли его, сторонятся ли? Чуть не в каждом доме были чужие лица. Некоторых он узнал. Это были его школьные товарищи – в последний раз он их видел мальчишками, – растолстевшие, окруженные ватагой веселых ребят; в слабом и немощном старике, сидевшем в кресле у двери коттеджа, узнал он человека, которого помнил здоровым и сильным работником; но все они его забыли, и он шел, никем не узнанный.

Последние мягкие лучи заходящего солнца упали на землю, бросая яркий отблеск на желтые снопы пшеницы и удлиняя тени фруктовых деревьев, когда он остановился перед старым домом, где прошло его детство, – перед домом, к которому стремился с бесконечной любовью в течение долгих, томительных лет заключения и тоски. Часток был низкий, хотя он прекрасно помнил то время, когда этот же часток казался ему высокой стеной; он заглянул в старый сад. Огородных растений и ярких цветов было в нем больше, чем в прежние времена, но старые деревья уцелели, – вон то самое дерево, под которым он сотни раз лежал, устав от беготни на солнцепеке, и чувствовал, как подкрадывается к нему сладкий безмятежный сон – сон счастливого детства. В доме разговаривали. Он прислушался, но голоса показались ему чужими, он их не узнавал. И звучали они весело; а ведь он прекрасно знал, что в разлуке с ним его бедная старуха мать не может веселиться, и он отошел. Открылась дверь, и шумно, с громкими криками выбежала группа детей, в дверях появился отец с маленьким мальчиком на руках, и дети окружили его, хлопая в ладоши, увлекая за собой, чтобы втянуть в веселую игру. Каторжник подумал о том, сколько раз на этом самом месте ежился он от страха при виде своего отца. Вспомнил, как часто он дрожа закрывался с головой одеялом и слышал грубые слова, удары и вопли матери. Уходя отсюда, он громко разрыдался от душевной боли, но сжал кулаки и в безумной тоске стиснул зубы.

Так вот оно – возвращение, о котором он мечтал на протяжении многих мучительных лет, и ради этого перенес столько страданий! Ни одной приветственной улыбки, ни одного взгляда, несущего прощение, нет дома, где бы нашел он приют, нет руки, которая протянулась бы ему на помощь, – а ведь пришел он в свою родную деревню! По сравнению с этим одиночеством что значило одиночество в диких дремучих лесах, где не встретить человека!

Он понял, что там, в далекой стране изгнания и позора, представлял себе родную деревню такой, какою ее покинул, не думал о том, как изменится она за время его отсутствия. Печальная действительность больно его ударила, и глубокое уныние овладело им. У него не хватило мужества наводить справки или явиться к тому единственному человеку, который, по всей вероятности, встретит его ласково и сочувственно. Медленно побрел он дальше; словно чувствуя себя виноватым, он избегал проезжей дороги, свернул на луг, хорошо ему знакомый, закрыл лицо руками и бросился на траву.

Он не заметил, что возле него на насыпи лежит какой-то человек. Когда тот повернулся, чтобы украдкой взглянуть на пришельца, одежда его зашуршала, и Эдмондс поднял голову.

Человек уселся на земле. Это был сторбленный старик, с морщинистым желтым лицом, обитатель работного дома, если судить по одежде. Он казался очень старым, но дряхлостью своей был, по-видимому, обязан распутной жизни или болезням, а не прожитым годам. Он в

упор смотрел на незнакомца, и через несколько секунд какой-то странный, тревожный огонек загорелся в его тусклых и сонных глазах, и казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Эдмондс приподнялся, встал на колени и пристально стал вглядываться в лицо старика. Они молча смотрели друг на друга.

Старик смертельно побледнел. Задрожав всем телом, он с трудом поднялся. Эдмондс вскочил. Тот отступил на шаг. Эдмондс двинулся к нему.

– Я хочу услышать ваш голос, – хрипло, прерывисто сказал каторжник.

– Не подходи! – крикнул старик и присовокупил страшное проклятие.

Каторжник ближе подошел к нему.

Тот взвизгнул:

– Не подходи! – Обезумев от ужаса, он поднял палку и нанес Эдмондсу тяжелый удар по лицу.

– Отец... дьявол! – сквозь стиснутые зубы пробормотал каторжник. Он рванулся вперед, схватил старика за горло – но это был его отец, и руки его бессильно опустились.

Старик громко завопил. Этот вопль пронесся над пустынными полями, словно завывание злого духа. Лицо его почернело; из носа и изо рта хлынула кровь и окрасила траву в густой темно-красный цвет; он зашатался и упал. У него лопнул кровеносный сосуд, и он был мертв раньше, чем сын попытался его поднять.

– В том уголке кладбища, – помолчав, сказал старый джентльмен, – в том уголке кладбища, о котором я упоминал выше, похоронен человек, служивший у меня в течение трех лет после этих событий и проявивший такое глубокое раскаяние и смирение, какие редко приходится наблюдать. При его жизни никто, кроме меня, не знал, кто он такой и откуда пришел. Это был Джон Эдмондс, вернувшийся каторжник.

Глава VII

о том, как мистер Уинкль, вместо того чтобы метить в голубка и попасть в ворону, метил в ворону и ранил голубка; как клуб крикетистов Дингли-Делла состязался с объединенным Магльтоном и как Дингли-Делл давал обед в честь объединенных магльтонцев, а также о других интересных и поучительных вещах

Утомительный ли день, полный приключений, или снотворное действие, вызванное рассказом священника, повлияли так сильно на мистера Пиквика, но когда его провели в уютную спальню, не прошло и пяти минут, как он погрузился в крепкий сон без сновидений, из которого его вывело только утреннее солнце, укоризненно бросавшее яркие лучи в его комнату. Мистер Пиквик отнюдь не был лежебокой; он вскочил с постели, как выскакивает пылкий воин из своей палатки.

– Приятное, приятное местечко! – прошептал восторженный джентльмен, открывая окно. – Может ли тот, кто однажды почувствовал влияние подобного пейзажа, жить, созерцая изо дня в день кирпичи и черепицы? Можно ли влачить существование там, где петух встречается только в виде флюгера, где о Пане напоминает только панель и где зелень – только в зеленой лавке? Кто может вынести прозябание в таком месте? Кто, спрашиваю я, может это выдержать? – И, руководствуясь весьма похвальными прецедентами, мистер Пиквик долго вопрошал самого себя, после чего высунул голову из окна и огляделся по сторонам.

Густой сладкий запах сена, сложенного в стога, поднимался к окну его комнаты; цветочные клумбы под окном насыщали воздух своими ароматами; ярко-зеленые лужайки были покрыты утренней росой, которая сверкала на каждом листочке, трепетавшем под легким ветерком, а птицы пели так, словно каждая искрящаяся росинка была для них источником вдохновения.

Мистер Пиквик погрузился в упоительные и сладкие мечты. «Эй, послушайте!» – долетел до него чей-то оклик.

Он посмотрел направо, но никого там не увидел; его глаза обратились налево и пронизали далекое пространство; он возвел их к небу, но там в нем не нуждались; наконец, сделал то, с чего начал бы всякий заурядный человек, а именно посмотрел в сад и увидел мистера Уордля.

– Как поживаете? – осведомился добродушный хозяин, дыша полной грудью в предвкушении наслаждений. – Чудесное утро, не правда ли? Рад, что вы так рано встали. Спускайтесь-ка поживее и приходите сюда. Я буду вас ждать.

Мистер Пиквик не заставил повторять приглашение. В десять минут он закончил свой туалет и по истечении этого времени находился уже в обществе пожилого джентльмена.

– Послушайте! – сказал в свою очередь мистер Пиквик, заметив, что его спутник держит ружье, а другое лежит на траве. – Что это вы задумали?

– Мы с вашим другом хотим перед завтраком пострелять грачей, – ответил хозяин. – Он, кажется, прекрасный стрелок.

– Я слыхал от него, что он превосходно стреляет, – отозвался мистер Пиквик, – но никогда еще не видал.

– Что же это он не идет? – заметил хозяин. – Джо, Джо!

Из дома вышел жирный парень, который благодаря бодрящему утреннему воздуху был погружен в дремоту не больше, чем на три четверти с дробью.

– Ступай наверх и скажи джентльмену, что он найдет меня и мистера Пиквика в грачевнике. Проводи джентльмена туда, слышишь?

Парень пошел исполнять приказание, а хозяин, неся оба ружья, словно новый Робинзон Крузо, направился к садовой калитке.

– Вот наше место, – объявил пожилой джентльмен, останавливаясь в аллее после нескольких минут ходьбы. Дальнейшее разъяснение было излишним, ибо неумолчное карканье ничего не подозревавших грачей выдавало их местопребывание.

Пожилой джентльмен положил одно ружье на землю, а другое зарядил.

– Вот они, – сказал мистер Пиквик, когда вдали появились фигуры мистера Тапмена, мистера Снодграсса и мистера Уинкля.

Жирный парень, не совсем уверенный в том, которого джентльмена следует позвать, проявил исключительную сообразительность и, во избежание возможной ошибки, позвал всех троих.

– Пожалуйста! – крикнул пожилой джентльмен, обращаясь к мистеру Уинклю. – Такому страстному охотнику, как вы, полагается давным-давно быть на ногах, даже ради такого пустяка.

Мистер Уинкль ответил принужденной улыбкой и взял второе ружье с таким выражением лица, которое скорее приличествовало бы грачу, терзаемому предчувствием насильственной смерти. Это могла быть и охотничья страсть, но она почему-то разительно смахивала на уныние.

Пожилой джентльмен дал знак, и двое оборванных мальчуганов, которые были препровождены сюда под надзором юного Лемберта¹³, тотчас же полезли на деревья.

– Зачем здесь эти ребята? – отрывисто спросил мистер Пиквик.

Он был встревожен, ибо, наслышавшись о бедственном положении земледельческого населения, предположил, что деревенские ребята вынуждены с риском для жизни искать заработка, служа мишенью неопытным стрелкам.

– Это только для начала игры, – смеясь, ответил мистер Уордль.

– Для чего? – переспросил мистер Пиквик.

– Да, проще говоря, для того, чтобы вспугнуть грачей.

– Ах вот что! И это все?

– Вы удовлетворены?

– Вполне.

– Отлично! Мне начинать?

– Пожалуйста, – ответил мистер Уинкль, радуясь некоторой отсрочке.

– В таком случае отойдите в сторону. За дело!

Мальчишка закричал и начал раскачивать ветку, на которой было гнездо. С полдюжины молодых грачей, неистово крича, вылетели, чтобы разузнать в чем дело. Пожилой джентльмен ответил выстрелом. Одна птица упала, остальные разлетелись.

– Подними ее, Джо, – сказал пожилой джентльмен.

На лице юноши засияла улыбка. В воображении его пронеслось смутное видение паштета из грачей. Унося птицу, он смеялся – это был увесистый грач.

– Ну-с, мистер Уинкль, палите, – сказал хозяин, снова заряжая свое ружье.

Мистер Уинкль выступил вперед и прицелился. Мистер Пиквик и его друзья невольно съезжились, опасаясь, как бы не посыпались на них убитые грачи, ибо никто не сомневался в том, что грачи посыплются градом после смертоносного выстрела мистера Уинкля. Наступило торжественное молчание... громкий крик... хлопанье крыльев... что-то слабо щелкнуло.

¹³ Юный Лемберт – Дэниел Лемберт, феноменальный толстяк, весом около двадцати пудов; он выступал в балаганах в самом начале прошлого века, умер сорока лет, в 1809 году.

– Что случилось? – воскликнул пожилой джентльмен.

– Не стреляет? – осведомился мистер Пиквик.

– Осечка! – объявил мистер Уинкль, который очень побледнел – должно быть, от разочарования.

– Странно, – сказал пожилой джентльмен, беря ружье. – Никогда еще не давало оно осечки. А что же это я не вижу никаких следов пистона?

– Черт возьми! – воскликнул мистер Уинкль. – Я и забыл о пистоне.

Эта маленькая оплошность была исправлена. Мистер Пиквик снова съехался. Мистер Уинкль с видом решительным и непреклонным выступил вперед; мистер Тапмен выглядывал из-за дерева.

Мальчишка закричал; вылетело четыре птицы. Мистер Уинкль выстрелил.

Раздался вопль, скорее человеческий, чем птичий, – вопль, исторгнутый физической болью. Мистер Тапмен спас жизнь многих невинных птиц, приняв часть заряда в левую руку.

Нет слов описать поднявшуюся суматоху. Рассказать, как мистер Пиквик в порыве чувств назвал мистера Уинкля «негодяем», как мистер Тапмен лежал распростертый на земле и как пораженный ужасом мистер Уинкль опустился возле него на колени, как мистер Тапмен в забытьи выкрикивал чье-то женское имя, затем открыл сперва один глаз, потом другой, после чего упал навзничь и закрыл оба глаза, – описать эту сцену со всеми подробностями не легче, чем изобразить, как несчастный постепенно приходил в себя, как перевязали ему руку носовыми платками и как встревоженные друзья медленно повели его, поддерживая под руки.

Они приближались к дому. У калитки сада стояли леди, поджидая их к завтраку. Появилась незамужняя тетушка; она улыбнулась и сделала знак, чтобы они ускорили шаги. Было ясно, что она понятия не имеет о катастрофе. Бедняжка! Бывают моменты, когда неведение воистину блаженно.

Они подошли ближе.

– Что случилось со старичком? – проговорила Изабелла Уордль.

Незамужняя тетушка не обратила внимания на эти слова, она думала, что они относятся к мистеру Пиквику. В ее глазах Трейси Тапмен был юношей; его возраст она рассматривала в уменьшительное стекло.

– Не пугайтесь! – крикнул старый хозяин, не желая тревожить дочерей.

Маленькая группа тесно обступила мистера Тапмена, и леди не могли разглядеть, что именно произошло.

– Не пугайтесь, – повторил хозяин.

– Что случилось? – завизжали леди.

– С мистером Тапменом случилось маленькое несчастье, вот и все.

Незамужняя тетушка испустила пронзительный вопль, разразилась истерическим смехом и упала навзничь в объятия племянниц.

– Облейте ее холодной водой, – сказал старый джентльмен.

– Нет, нет, – пролепетала незамужняя тетушка. – Мне уже лучше. Белла, Эмили, врача! Он ранен?.. Умер? Он... ха-ха-ха!

Тут с незамужней тетушкой начался припадок – номер второй – истерического смеха попеременно с воплями.

– Успокойтесь, – вымолвил мистер Тапмен, чуть не до слез растроганный этим проявлением сочувствия. – Дорогая, дорогая моя леди, успокойтесь.

– Это его голос! – воскликнула незамужняя тетушка, причем обнаружились серьезные симптомы, предвещающие припадок номер третий.

– Умоляю вас, не волнуйтесь, дорогая леди, – успокоительно заговорил мистер Тапмен. – Уверю вас, я ранен очень легко.

– Так вы не умерли! – восклицала истерическая леди. – О, скажите, что вы не умерли!

– Не дури, Рейчел! – вмешался мистер Уордль, проявляя некоторую грубость, не совсем уместную, если принять во внимание поэтичность этой сцены. – Ну на кой черт ему говорить, что он не умер?

– Нет, нет, я не умер! – заявил мистер Тапмен. – Я не нуждаюсь ни в чем, кроме вашей помощи. Разрешите мне опереться на вашу руку. – Шепотом он добавил: – О мисс Рейчел!

Взволнованная дева приблизилась и подала ему руку. Они вошли в гостиную, где был подан завтрак. Мистер Трейси Тапмен нежно прижал ее руку к своим губам и опустился на диван.

– Вам дурно? – встревожилась Рейчел.

– Нет, – ответил мистер Тапмен. – Ничего. Сейчас все пройдет.

Он закрыл глаза.

– Спит! – прошептала незамужняя тетушка. (Органы его зрения были сомкнуты не больше двадцати секунд.) – Милый... милый... мистер Тапмен!

Мистер Тапмен вскочил.

– О, повторите эти слова! – воскликнул он.

Леди вздрогнула.

– Конечно, вы не могли их расслышать! – стыдливо сказала она.

– О, я расслышал! – возразил мистер Тапмен. – Повторите их. Если вы хотите, чтобы я выздоровел, повторите их!

– Тише! – шепнула леди. – Брат!

Мистер Трейси Тапмен принял прежнюю позу. В комнату вошел мистер Уордль в сопровождении хирурга.

Рука была исследована, рана перевязана и признана очень легкой. Успокоив таким образом душевную тревогу, компания принялась успокаивать разыгравшийся аппетит, и физиономии снова прояснились. Один лишь мистер Пиквик был молчалив и сдержан. Сомнение и недоверие отражались на его лице. Его вера в мистера Уинкля была поколеблена – весьма поколеблена – событиями этого утра.

– Вы играете в крикет? – обратился мистер Уордль к меткому стрелку.

При других обстоятельствах мистер Уинкль ответил бы утвердительно. Но, понимая неловкость своего положения, он скромно сказал:

– Нет.

– А вы, сэр? – осведомился мистер Снодграсс.

– Когда-то играл, – ответил хозяин, – а теперь бросил это дело. Я состою членом здешнего клуба, хотя сам не играю.

– Кажется, на сегодня назначен грандиозный матч, – заметил мистер Пиквик.

– Совершенно верно, – подтвердил хозяин. – Конечно, вы бы не прочь были посмотреть?

– Я, сэр, – ответил мистер Пиквик, – с наслаждением созерцаю все виды спорта, если можно им предаваться, ничем не рискуя, и если беспомощные попытки неопытных игроков не угрожают жизни окружающих.

Мистер Пиквик сделал паузу и пристально посмотрел на мистера Уинкля, который затрепетал под испытующим взглядом своего наставника. Спустя несколько минут великий человек отвел глаза и добавил:

– Можем ли мы поручить нашего раненого друга заботам леди?

– В лучших руках вы не могли бы меня оставить, – заметил мистер Тапмен.

– Совершенно верно, – прибавил мистер Снодграсс.

Итак, было решено, что мистер Тапмен останется дома на попечении особ женского пола, а остальные гости, под предводительством мистера Уордля, отправятся туда, где назначено было состязание в ловкости, которое весь Магльтон пробудило от спячки, а Дингли-Делл заразило лихорадочным возбуждением.

Так как пройти нужно было не больше двух миль по тенистым дорогам и лесным тропинкам, а темой для разговора служил восхитительный пейзаж, развертывавшийся по обеим сторонам, то мистер Пиквик, очутившись на главной улице города Магльтона, готов был пожалеть о том, что они так быстро шли.

Все, кто одарен любовью к топографии, прекрасно знают, что Магльтон – корпоративный город с мэром, гражданами, пользующимися избирательным правом, и фрименами¹⁴; и всякий, кто познакомится с обращениями мэра к гражданам, или граждан к мэру, или граждан и мэра к корпорации, или всех их к парламенту, узнает то, что давно следовало бы знать, а именно: Магльтон – древний и верноподданный парламентский город, сочетающий ревностную защиту христианских принципов с благочестивой преданностью торговым правам; в доказательство чего мэр, корпорация и прочие жители представили в разное время не меньше тысячи четырехсот двадцати петиций против торговли неграми за границей и ровно столько же петиций против какого бы то ни было вмешательства в фабричную систему у себя на родине, шестьдесят восемь – за продажу церковных бенефиций и восемьдесят шесть – за запрещение уличной торговли по воскресеньям.

Мистер Пиквик стоял на главной улице этого знаменитого города и с большим интересом и любопытством созерцал развернувшуюся картину. Перед ним правильным четырехугольником расстилалась базарная площадь; в центре ее находилась большая гостиница с вывеской, на которой было изображено существо, весьма обычное в искусстве, но редко встречающееся в природе, а именно – синий лев с тремя поднятыми кривыми лапами, балансировавший на острие среднего когтя четвертой лапы. Тут же поблизости была контора аукционера и страхования от огня, зерновая торговля, бельевой магазин, лавки винокура, шорника, магазины колониальных товаров и обуви – этот последний был приспособлен также для снабжения жителей шляпами мужскими и дамскими, одеждой, зонтиками из бумажной материи и полезными знаниями. Здесь же стоял и красный кирпичный дом с мощным двориком впереди, явно принадлежавший адвокату, и еще один красный кирпичный дом, с жалюзи и большой медной дощечкой на дверях, на которой весьма разборчиво было написано, что этот дом принадлежит лекарю. Несколько молодых людей направлялись к крикетному полю, а два-три лавочника, стоя у дверей своих лавок, имели такой вид, словно им хотелось отправиться туда же, что, впрочем, они могли бы сделать, не рискуя упустить значительное число покупателей.

Мистер Пиквик, приостановившийся, чтобы произвести эти наблюдения и в подходящее время занести их в свою записную книжку, поспешил догнать друзей, которые свернули с главной улицы и уже приближались к полю битвы.

Воротца были расставлены; были также раскинуты две-три палатки, где состязающиеся команды могли отдохнуть и освежиться. Матч еще не начался. Два-три динглиделла и магльтона с величественным видом забавлялись, небрежно перебрасывая мяч; еще несколько джентльменов, одетых так же, как и первые, в соломенные шляпы, фланелевые куртки и белые штаны – костюм, придававший им вид каменотесов-любителей, – расположились вокруг палаток. Гости мистера Уордла, под его предводительством, подошли к одной из них.

Десятками возгласов «Как поживаете?» было встречено появление пожилого джентльмена; соломенные шляпы поднялись и фланелевые куртки склонились, когда он представил своих гостей – джентльменов из Лондона, страстно желающих присутствовать при состязании, которое – в чем он нимало не сомневается – доставит им живейшее удовольствие.

¹⁴ *Фримены* – полноправные граждане, сохранившие в ту эпоху, к которой Диккенс приурочил события «Пиквика» (то есть в 1827 году), всю полноту политических прав с добавлением некоторых фактических привилегий, являвшихся историческим пережитком (например, фактическая монополия выборов в органы городского управления). После избирательной реформы 1832 года и муниципальной реформы 1835 года различие между фрименами и остальными гражданами, имевшими, в пределах новых законов, избирательные права, сгладилось.

– Я бы вам посоветовал, сэр, войти в палатку, – заметил один весьма тучный джентльмен, чье туловище было очень похоже на половину гигантского свертка фланели, покоящегося на двух надутых воздухом наволочках.

– Вам будет гораздо удобнее здесь, сэр, – добавил второй тучный джентльмен, который сильно смахивал на другую половину вышеупомянутого свертка фланели.

– Вы очень любезны, – ответил мистер Пиквик.

– Пожалуйста сюда, – продолжал первый, – здесь подсчитывают очки, это лучшее местечко на всем поле.

И крикетист, пыхтя, повел их в палатку.

– Превосходная игра – славный спорт – полезные упражнения – весьма!

Эти слова поразили слух мистера Пиквика, вошедшего в палатку, и первое, что представилось его взорам, был облаченный в зеленый фрак спутник по рочестерской карете, разглагольствовавший в назидание избранному кружку лучших магльтонцев и к немалому их удовольствию. В его костюме произошли некоторые изменения к лучшему, он надел сапоги, но не узнать его было нельзя.

Незнакомец мгновенно признал своих друзей; рванувшись вперед, он схватил мистера Пиквика за руку и со свойственной ему порывистостью потащил его к стулу, болтая при этом так, словно все приготовления к игре производились под особым его покровительством и руководством.

– Сюда – сюда – превосходная затея – море пива – огромные бочки; горы мяса – целые туши; горчица – возами; чудесный денек – присаживайтесь – будьте как дома – рад вас видеть – весьма!

Мистер Пиквик сел, как было ему предложено, и мистер Уинкль с мистером Снодграссом тоже подчинились настояниям таинственного друга. Мистер Уордль молча смотрел и дивился.

– Мистер Уордль – мой друг, – представил мистер Пиквик.

– Ваш друг! – Дорогой сэр, как поживаете? – Друг моего друга – дайте мне вашу руку, сэр.

И незнакомец с жаром, приличествующим многолетней дружбе, схватил руку мистера Уордля, отступил затем на шаг, как бы желая лучше разглядеть его лицо и фигуру, и снова пожал ему руку едва ли не с большим пылом, чем в первый раз.

– А как вы здесь очутились? – спросил мистер Пиквик с улыбкой, в которой благорасположение боролось с удивлением.

– Как? – отозвался незнакомец. – Остановился в «Короне» – «Корона» в Магльтоне – встретил компанию – фланелевые куртки – белые штаны – сэндвичи с анчоусами – жареные почки с перцем – превосходные ребята – чудесно!

Мистер Пиквик, в достаточной мере изучивший стенографическую систему незнакомца, понял из этих стремительных и бессвязных слов, что тот каким-то образом завязал знакомство с объединенными магльтонцами и сумел превратить его в добрые товарищеские отношения, после чего добиться приглашения было уже легко. Удовлетворив свое любопытство и надев очки, мистер Пиквик приготовился наблюдать игру, которая только что началась.

Игру начинал объединенный Магльтон. Внимание напряглось, когда мистер Дамкинс и мистер Поддер, два прославленнейших члена этого превосходнейшего клуба, прошествовали, с битой в руке, каждый к своим воротцам. Мистер Лаффи – лучшее украшение Дингли-Делла – был избран бросать шар против грозного Дамкинса, а мистеру Страглсу поручили исполнять ту же приятную обязанность по отношению к доселе непобедимому Поддеру. Несколько игроков должны были «караулить» в разных частях поля, и каждый принял соответствующую позу – опершись обеими руками о колени и наклонившись так, словно он подставлял спину неумелому любителю чехарды. Все настоящие игроки в крикет принимают именно такую позу, и весьма распространено мнение, что при всякой другой позе немислимо караулить надлежащим образом.

Судьи поместились за воротцами; счетчики приготовились отмечать перебежки; наступила глубокая тишина. Мистер Лаффи отступил за воротца неподвижного Поддера и несколько секунд держал мяч у правого глаза. Дамкинс уверенно ждал полета мяча, не отрывая глаз от Лаффи.

– Подаю! – внезапно крикнул боулер.

Мяч, вырвавшись из его руки, полетел прямо и быстро к средней спице ворот.

Зоркий Дамкинс был начеку, он припал на конец биты и метнул мяч через головы скаутов, наклонившихся достаточно низко.

– Бегите, бегите... еще раз. Ну же, отбивайте, отбивайте... стойте – еще раз – нет – да – нет – отбивайте его, отбивайте!

Эти возгласы последовали за ударом, в результате которого объединенный Магльтон приобрел два очка. И Поддер не зевал, увенчивая лаврами себя и объединенный Магльтон. Он задерживал сомнительные мячи, пропускал плохие, принимал хорошие и заставлял их летать по всему полю. Скауты изнемогали от жары и усталости; боулеры сменяли друг друга, боулируя до боли в руках; но Дамкинс и Поддер оставались непобедимыми. Если какой-нибудь пожилой джентльмен старался задержать мяч, этот последний проскакивал у него между ногами или проскальзывал сквозь пальцы. Если джентльмен худощавый пытался его поймать, мяч ударял его по носу и, весело отскочив, развивал еще большую скорость, а глаза худощавого джентльмена наполнялись слезами, и он корчился от боли. Когда мяч летел прямо к воротцам, Дамкинс его опережал. Словом, когда Дамкинс был пойман и Поддер был сбит, объединенный Магльтон насчитывал пятьдесят четыре очка, а достижения динглиделлцев были столь же бледны, как и их физиономии. Слишком неравны были шансы, чтобы надеяться на реванш. Тщетно неистовый Лаффи и восторженный Страгс делали все, что подсказывали им опыт и мастерство, чтобы отвоевать для Дингли-Делла пространство, потерянное им в ходе борьбы. Ничто не помогло, и после непродолжительного сопротивления Дингли-Делл сдался и признал превосходство объединенного Магльтона.

Тем временем незнакомец ел, пил и болтал без устали. При каждом хорошем ударе он выражал игроку свое удовольствие и одобрение самым снисходительным и покровительственным тоном, который не мог не польстить заинтересованной стороне; а при каждой неудачной попытке поймать или задержать мяч не скрывал своей досады, бросая по адресу злополучного субъекта такие слова: «Ах, ах! глупо!», «Дырявые руки», «Растяпа», «Хвастун» и другие подобные же восклицания, которые, по-видимому, упрочили за ним в глазах всех присутствующих репутацию превосходнейшего и непогрешимого судьи, посвященного во все тайны великого искусства благородной игры в крикет.

– Чудесная игра прекрасно играли великолепные удары, – говорил незнакомец по окончании игры, когда представители обеих команд ввалились в палатку.

– А вы играли в крикет, сэр? – осведомился мистер Уордль, которого очень забавляла его болтливость.

– Играл? Ну, еще бы – сотни раз – не здесь – в Вест-Индии – увлекательная игра – возбуждающая – весьма!

– Должно быть, жарко играть в таком климате? – заметил мистер Пиквик.

– Жарко? – Как в пекле – накалено – жжет. Участвовал однажды в матче – бессменно у ворот – с другом полковником – сэр Томас Блезе – кто сделает больше перебежек – бросили жребий – мне начинать – семь часов утра – шесть туземцев караульщиками – начал – держусь – жара убийственная – туземцы падают в обморок – пришлось унести – вызвали полдюжины новых – и эти в обмороке – Блезе боулирует – его поддерживают два туземца – не может выбить меня – тоже в обморок – снял полковника – не хотел сдаваться – верный слуга – Квенко Самба – остается последний – солнце припекает – бита в пузырях – мяч почернел – пятьсот семьде-

сят перебежек – начинаю изнемогать – Квенко напрягает последние силы – выбивает меня – принимаю ванну и иду обедать.

– А что случилось с этим... как его? – осведомился мистер Уордль.

– Брезе?

– Нет, с другим джентльменом.

– Квенко Самба?

– Да, сэр.

– Бедняга Квенко – так и не оправился – меня выбил – себя убил – умер, сэр!

Тут незнакомец уткнулся носом в коричневую кружку; хотел ли он скрыть свое волнение или отведать ее содержимое – мы судить не беремся. Знаем только, что он вдруг оторвался от кружки, вздохнул протяжно и глубоко и с тревогой поднял голову, когда два главнейших члена Динглиделлского клуба приблизились к мистеру Пиквику и сказали:

– Сэр, мы собираемся устроить скромный обед в «Синем льве»; надеемся, что вы с вашими друзьями присоединитесь к нам.

– Конечно, – сказал мистер Уордль, – в число наших друзей мы включим и мистера... – И он повернулся к незнакомцу.

– Джингль, – сообщил этот расторопный джентльмен, тотчас же поняв намек. – Джингль – Альфред Джингль, эсквайр, из поместья Голое место.

– Я буду очень рад, – сказал мистер Пиквик.

– Я тоже, – объявил мистер Альфред Джингль, одной рукой беря под руку мистера Пиквика, а другой – мистера Уордля и конфиденциально нашептывая на ухо первому джентльмену: – Чертовски хороший обед – холодный, но превосходный – утром заглянул в зал – птица и паштеты и всякая всячина – чудесные ребята – вдобавок хороший тон – воспитанные – весьма!

Когда все предварительные церемонии были исполнены, компания, разбившись на маленькие группы по два-три человека, отправилась в город, и не прошло и четверти часа, как все уже сидели в большом зале магльтонской гостиницы «Синий лев». Председательствовал мистер Дамкинс, а мистер Лаффи исполнял обязанности его заместителя.

Зал наполнился громким говором и стуком ножей, вилок и тарелок, метались три бестолковых лакея, и быстро исчезали сытные яства; во всем, что так или иначе способствовало суматохе, мистер Джингль принимал участие, с успехом заменяя по крайней мере полдюжины простых смертных. Когда каждый съел столько, сколько мог вместить, скатерть была снята и на столе появились стаканы, бутылки и десерт; лакеи удалились, чтобы «привести все в порядок» – иными словами, воспользоваться в собственных своих интересах остатками яств и напитков, какими им удалось завладеть.

Среди последовавшего засим общего говора и смеха пребывал в полном молчании лишь один маленький человек с одутловатой физиономией, которая явно предупреждала: «Не говорите мне ничего, или я буду вам возражать»; когда разговор стихал, он осматривался по сторонам, словно готовясь произнести нечто весьма значительное, и время от времени покашливал отрывисто и с невыразимым величием. Наконец, улучив момент, когда шум поутих, человек произнес очень громко и торжественно:

– Мистер Лаффи!

Все и каждый погрузились в глубокое молчание, когда названный джентльмен откликнулся:

– Сэр?

– Я хочу обратиться к вам с несколькими словами, сэр, если вы предложите джентльменам наполнить стаканы.

Мистер Джингль покровительственно крикнул: «Слушайте, слушайте», – на что откликнулись все присутствующие, и когда стаканы были наполнены, заместитель председателя провозгласил с видом глубокомысленным:

– Мистер Стэпл.

– Сэр, – сказал, вставая, человек, – с тем, что я имею сказать, я хочу обратиться к вам, а не к нашему достойному председателю, ибо наш достойный председатель является в некоторой мере – я бы мог сказать: в значительной мере – объектом того, что я намерен сказать или – если можно так сказать – что я намерен...

– Изложить, – подсказал мистер Джингль.

– Вот именно, изложить, – продолжал человек. – Очень благодарен моему почтенному другу, если он разрешит мне называть его этим именем (четыре «правильно» и одно «конечно» – из уст мистера Джингля). Сэр, я – деллец, динглиделлец. (Одобрительные возгласы.) Я не могу претендовать на честь почитаться жителем Магльтона, и, признаюсь откровенно, сэр, я не домогаюсь этой чести, и я вам объясню, сэр, почему («слушайте!»): за объединенным Магльтоном я охотно признаю все те почести и отличия, на которые он вправе претендовать, – они слишком многочисленны и слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в перечислении. Но, сэр, не забывая о том, что объединенный Магльтон породил Дамкинса и Поддера, будем помнить всегда, что Дингли-Делл может похвалиться Лаффи и Страглсом. (Овации.) Пусть не подумают, будто я хочу умалить достоинства двух первых джентльменов. Сэр, я завидую чувствам, обуевающим их по случаю сегодняшнего события. (Одобрение.) Вероятно, каждый слушающий меня джентльмен знает, какой ответ дал императору Александру некий оригинал, который, употребляя заурядный образ, ютился в бочке. «Не будь я Диогеном, – сказал он, – я бы хотел быть Александром». И я нахожу, что эти джентльмены могут сказать: «Не будь я Дамкинсом, я бы хотел быть Лаффи, не будь я Поддером, я бы хотел быть Страглсом». (Общий восторг.) Но, джентльмены Магльтона! В одном ли только крикете проявляют свое превосходство ваши сограждане? Разве не приходилось вам слышать о Дамкинсе как об олицетворении твердости характера? Разве вы не привыкли связывать имя Поддера с защитой прав собственности? (Громкие аплодисменты.) Когда вы вели борьбу за свои права, свободу и привилегии, разве не возникали у вас, хотя бы на секунду, опасения и вы не предавались отчаянию? И когда пребывали вы в унынии, разве не имя Дамкинса вновь раздувало в вашей груди пламя, готовое угаснуть, и разве не достаточно было одного слова из уст этого человека, чтобы вновь запылало яркое пламя, словно никогда оно не угасало? (Бурные овации.) Джентльмены, два имени – Дамкинс и Поддер – я предлагаю окружить сияющим ореолом восторженных рукоплесканий!

Тут человек умолк, и все присутствующие начали кричать и стучать по столу, каковому занятию предавались с небольшими перерывами весь остаток вечера. Тосты следовали за тостами. Мистер Лаффи и мистер Страгс, мистер Пиквик и мистер Джингль – все по очереди служили объектами неумеренных похвал, и каждый по установленному порядку отвечал благодарностью за честь, которой удостоился.

Преисполненные энтузиазма к благородному делу, которому мы себя посвятили, мы почувствовали бы невыразимую гордость и уверенность в том, что нами совершено нечто обеспечивающее нам бессмертие, коего в настоящее время мы лишены, имея мы возможность предложить нашим ревностным читателям хотя бы самый поверхностный отчет об этих речах. Мистер Снодграсс сделал, по обыкновению, великое множество записей, которые, несомненно, доставили бы весьма полезные и ценные сведения, но от пламенного ли красноречия или от возбуждающего действия вина рука сего джентльмена была до такой степени нетверда, что почерк его едва можно разобрать, а содержание записей и вовсе невразумительно. Благодаря терпеливому исследованию нам удалось прочесть некоторые слова, имеющие слабое сходство с именами ораторов, и мы можем также различить запись какой-то песни (каковую пел, должно быть, мистер Джингль), где часто и с небольшими интервалами повторяются слова: «чаша», «искрится», «рубин», «веселый» и «вино». Кажется нам, в самом конце заметок мы встречаем какой-то туманный намек на «вареные кости», а затем мелькают слова: «холодный» и

«на дворе»; но поскольку все гипотезы, какие мы могли бы создать, исходя из этих данных, будут неизбежно основаны на догадке, мы не склонны предаваться умозаключениям, поводом к которым могут послужить эти данные.

Вот почему мы возвращаемся к мистеру Тапмену; добавим только, что за несколько минут до полуночи слышно было, как собрание знаменитостей Дингли-Делла и Магльтона распевало с большим чувством и воодушевлением прекрасную и трогательную национальную песню:

Не разойдемся до утра,
Не разойдемся до утра,
Не разойдемся до утра,
Пока не забрезжит свет!

Глава VIII, *ярко иллюстрирующая мысль, что путь истинной любви – не гладкий рельсовый путь*

Мирное уединение Дингли-Делла, присутствие стольких представительниц прекрасного пола, заботы и беспокойство, ими проявляемое, – все это благоприятствовало росту и развитию тех нежных чувств, какие природа заложила в груди мистера Трейси Тапмена и каковым, по-видимому, суждено было ныне сосредоточиться на одном прелестном объекте. Юные леди были миловидны, приветливы, характер их не оставлял желать лучшего, но в этом возрасте они отнюдь не могли претендовать на то достоинство в манере держать себя, на то «не тронь меня» в осанке, на то величие во взоре, которые отличали незамужнюю тетюшку от всех женщин, когда-либо виденных мистером Тапменом. Ясно, что было что-то родственное в их натуре, что-то таинственно созвучное в их сердцах. Ее имя было первым словом, сорвавшимся с уст мистера Тапмена, когда он, раненный, лежал на траве; и ее истерический смех был первым звуком, коснувшимся его ушей, когда его привели домой. Но происходило ли ее волнение из милой и женственной чувствительности, не угасимой ни при каких обстоятельствах, или было оно порождено более пылким и страстным чувством, которое мог пробудить только он, единственный из смертных? Эти сомнения терзали его мозг, когда он лежал, простертый, на диване; эти сомнения он намерен был разрешить немедленно и раз навсегда.

Был вечер. Изабелла и Эмили вышли погулять с мистером Трандлем; старая глухая леди заснула в своем кресле; из отдаленной кухни доносилось тихо и монотонно храпенье жирного парня; шустрые служанки вертелись у кухонной двери, наслаждаясь приятным вечером и радостями флирта, проводимого по всем правилам с какими-то увальнями, состоявшими при ферме; а интересная пара сидела всеми забытая, всех забывшая, мечтая лишь друг о друге; короче говоря, они сидели, напоминая пару сложенных лайковых перчаток, прильнув друг к другу.

– Я позабыла о моих цветах, – сказала тетюшка.

– Полейте их сейчас, – настойчиво посоветовал мистер Тапмен.

– Вы простудитесь, уже вечер, – нежно возразила незамужняя тетюшка.

– О нет! – сказал мистер Тапмен, поднимаясь с места. – Мне это пойдет на пользу. Разрешите вас сопровождать.

Леди поправила повязку, которая поддерживала левую руку юного кавалера, приняла предложенную ей правую руку и повела его в сад.

В дальнем углу сада находилась беседка, заросшая жимолостью, жасмином и вьющимися растениями, – одно из тех приятных убежищ, которые возводятся гуманными людьми для удобства пауков.

Незамужняя тетюшка взяла валявшуюся в углу большую лейку и хотела выйти из беседки. Мистер Тапмен удержал ее и усадил на скамье рядом с собою.

– Мисс Уордль! – сказал он.

Незамужняя тетюшка затрепетала, а камешки, случайно попавшие в большую лейку, затрахтели, как детская погремушка.

– Мисс Уордль, – сказал мистер Тапмен, – вы – ангел!

– Мистер Тапмен! – воскликнула Рейчел и сделалась такой же красной, как лейка.

– Больше чем ангел! – сказал красноречивый пиквикист. – Мне это слишком хорошо известно.

– Говорят, все женщины – ангелы, – игриво прошептала леди.

– Кто же в таком случае вы? И с кем могу я вас сравнить? – возразил мистер Тапмен. – Встречал ли кто-нибудь женщину, похожую на вас? Где еще мог бы я найти столь редкое соединение прекрасных качеств и красоты? Где мог бы я искать... О! – Тут мистер Тапмен умолк и пожал руку, державшую ручку счастливой лейки.

Леди отвернулась.

– Мужчины такие обманщики, – чуть слышно прошептала она.

– Верно! – подхватил мистер Тапмен. – Но не все. На свете есть по крайней мере одно существо, которое никогда не изменится, одно существо, которое радо было бы посвятить всю свою жизнь вашему счастью, которое живет только ради ваших глаз, дышит только ради вашей улыбки, несет тяжкое бремя жизни только ради вас.

– Если бы можно было найти такого человека... – начала леди.

– Но найти его можно, – перебил пылкий мистер Тапмен. – Он уже найден. Мисс Уордль, он здесь.

И не успела незамужняя тетушка угадать его намерение, как мистер Тапмен упал на колени к ее ногам.

– Мистер Тапмен, встаньте! – воскликнула Рейчел.

– Никогда! – последовал доблестный ответ. – О Рейчел! – Он схватил ее податливую руку и прижал к губам; лейка упала на землю. – О Рейчел, скажите, что любите меня!

– Мистер Тапмен, – отвернувшись, прошептала незамужняя тетушка, – я едва могу выговорить эти слова, но... но... я не совсем равнодушна к вам.

Едва услышав это признание, мистер Тапмен приступил к совершению того, на что его толкало восторженное чувство и что, насколько нам известно (ибо мы мало осведомлены в такого рода вещах), всегда делают люди при данных обстоятельствах. Он вскочил и, обвив рукой шею незамужней тетушки, запечатлел на ее устах множество поцелуев, каковые она, после требуемых приличием борьбы и сопротивления, принимала так спокойно, что нельзя предугадать, сколько бы еще мог запечатлеть их мистер Тапмен, если бы леди весьма неприговорно не вздрогнула и не воскликнула испуганным голосом:

– Мистер Тапмен, за нами следят! Нас увидели!

Мистер Тапмен оглянулся. Перед ними, не шевелясь, стоял жирный парень и, выпучив большие круглые глаза, смотрел в беседку, но на его лице не отражалось и тени того, что самый опытный физиономист мог бы назвать изумлением, любопытством или каким-либо другим чувством, волнующим человеческое сердце. Мистер Тапмен смотрел на жирного парня, а жирный парень уставился на него, и чем дольше созерцал мистер Тапмен безучастную физиономию жирного парня, тем тверже убеждался, что тот либо ничего не видел, либо не понял того, что происходило.

Находясь под этим впечатлением, он весьма решительно спросил:

– Что вам понадобилось здесь, сэр?

– Ужин готов, сэр, – немедленно последовал ответ.

– Вы только что явились сюда, сэр? – осведомился мистер Тапмен, пронизывая его взглядом.

– Только что, – ответил жирный парень.

Мистер Тапмен еще раз посмотрел на него очень пристально, но тот и глазом не моргнул, ни один мускул на его лице не дрогнул.

Мистер Тапмен взял под руку незамужнюю тетушку и направился к дому, жирный парень следовал за ними.

– Он ничего не заметил! – шепнул мистер Тапмен.

– Ничего, – отозвалась незамужняя тетушка.

Сзади раздался какой-то звук, напоминающий приглушенное хихиканье. Мистер Тапмен быстро оглянулся. Нет, это не мог быть жирный парень, на его физиономии не было и признака веселья, да и вообще весь его облик ничего, кроме упитанности, не обнаруживал.

– Должно быть, он крепко спал, – прошептал мистер Тапмен.

– Я в этом нимало не сомневаюсь, – ответила незамужняя тетушка.

Оба весело засмеялись.

Мистер Тапмен ошибся. Жирный парень на этот раз не спал. Он бодрствовал, бодрствовал в полной мере и видел все, что происходило.

За ужином никто не пробовал завязать общую беседу. Старая леди ушла спать, Изабелла Уордль всецело посвятила себя мистеру Трандлю, внимание незамужней тетушки было сосредоточено на мистере Тапмене, а мысли Эмили, казалось, заняты были каким-то далеким предметом, – быть может, они не покидали отсутствующего мистера Снодграсса.

Пробило одиннадцать часов, двенадцать, час, а джентльмены не возвращались. На всех лицах отражалась тревога. Что, если их подстерегли и ограбили? Не послать ли людей с фонарями по всем дорогам, какими они могли возвращаться домой? Или, быть может, они... Вот они! Почему они так запоздали? Чужой голос к тому же! Кто это может быть? Все бросились в кухню, куда ввалились гуляки, и подлинное положение дел немедленно выяснилось.

Мистер Пиквик, засунув руки в карманы и сдвинув шляпу на левый глаз, стоял, прислонившись к буфету, покачивал из стороны в сторону головой и непрерывно расточал самые ласковые и благосклонные улыбки без всякой видимой причины или повода; старый мистер Уордль с пылающим лицом пожимал руку незнакомому джентльмену, бормоча заверения в вечной дружбе; мистер Уинкль, прислонившись к футляру часов с недельным заводом, слабым голосом призывал кару на голову любого члена семьи, который намекнет на то, что ему не худо бы лечь спать, а мистер Снодграсс опустил на стул, и каждая черта его выразительного лица выдавала самую глубокую и безнадежную печаль, какую только может вообразить человеческий ум.

– Что случилось? – осведомились три леди.

– Ничего не случилось, – ответил мистер Пиквик. – Мы... мы... в порядке. Слышите, Уордль, мы в порядке, да?

– Ну, еще бы, – отозвался веселый хозяин. – Дорогие мои, вот мой друг мистер Джингль... друг мистера Пиквика, мистер Джингль, случайная встреча... маленький визит.

– Сэр, с мистером Снодграссом что-то случилось? – тревожно осведомилась Эмили.

– Ничего не случилось, сударыня, – ответил незнакомец. – Обед у крикетистов – чудесная компания – превосходные песни – старый портвейн – кларет – хорошо – весьма хорошо – вино, сударыня, – вино.

– Вовсе не вино, – прерывающимся голосом пробормотал мистер Снодграсс, – это семга. (Почему-то в таких случаях вино никогда не бывает виновато.)

– Не лучше ли им лечь в постель, сударыня? – спросила Эмма. – Двое слуг отведут джентльменов наверх.

– Я спать не лягу, – твердо сказал мистер Уинкль.

– Ни один живой человек меня не поведет, – решительно заявил мистер Пиквик все с тою же улыбкой.

– Ура! – слабо выкрикнул мистер Уинкль.

– Ура! – отозвался мистер Пиквик и, сняв шляпу, бросил ее на пол, а затем словно рехнулся и швырнул очки на середину кухни. После такой остроумной выходки он от души расхохотался.

– Разопьем... еще... бутылочку... – провозгласил мистер Уинкль, начав очень громко, а кончив чуть слышно. Голова его свесилась на грудь, и, бормоча свое непреложное решение не ложиться спать, а также кровожадно сожалея о том, что утром не «покончил со старым

Тапменом», он погрузился в сон и в таком состоянии был доставлен в свою комнату двумя молодыми великанами, действовавшими под личным надзором жирного парня, чьим заботам доверил свою особу и мистер Снодграсс.

Мистер Пиквик принял предложенную ему мистером Тапменом руку и мирно удалился, улыбаясь благодущнее, чем когда бы то ни было; мистер Уордль, трогательно распрощавшись со всей семьей, словно ему предстояло немедленно идти на казнь, удостоил мистера Трандля чести проводить его наверх и вышел, тщетно пытаясь сохранить вид внушительный и торжественный.

– Какая неприличная сцена! – промолвила незамужняя тетушка.

– Отвратительная! – воскликнули обе юные леди.

– Ужасно – ужасно! – подхватил с глубокомысленной миной мистер Джингль; своих товарищей он опередил примерно на полторы бутылки. – Тяжелое зрелище – весьма!

– Какой любезный мужчина! – шепнула мистеру Тапмену незамужняя тетушка.

– И недурен собой! – добавила Эмили Уордль.

– О, несомненно! – согласилась незамужняя тетушка.

Мистер Тапмен вспомнил рочестерскую вдову, и его душою овладела тревога. Последовавший затем полчасовой разговор отнюдь не мог успокоить его смятенный дух. Новый гость оказался весьма словоохотливым и рассказал почти столько же анекдотов, сколько отпустил комплиментов. Мистер Тапмен чувствовал: по мере того как растет популярность Джингля, он (Тапмен) все дальше отступает в тень. Смех его звучал принужденно, веселость была притворной; и когда, наконец, пылающая его голова опустилась на подушку, он испытал злорадное наслаждение, подумав о том, как приятно было бы зажать в этот момент голову Джингля между периной и матрацем.

На следующее утро неутомимый незнакомец встал рано, и, в то время как его спутники, обессиленные ночным кутежом, еще покоились в постели, он весьма успешно старался поддерживать за завтраком веселое расположение духа. Его попытка оказалась столь удачной, что даже старая глухая леди потребовала, чтобы две-три лучшие его остроты были ей сообщены в слуховой рожок, и снисходительно поведала незамужней тетушке, что «он (Джингль) – сущий повеса». Это мнение целиком разделяли все присутствовавшие члены ее семьи.

Ясным летним утром старая леди имела обыкновение удаляться в беседку, в которой отличился мистер Тапмен; ее прогулка совершалась следующим образом: прежде всего жирный парень снимал с гвоздя за дверью, ведущей в спальню старой леди, плотный черный атласный чепец, теплый бумажный платок и толстую палку с массивной ручкой; затем старая леди не спеша надевала чепец и платок, опиралась одной рукой на палку, а другой – на плечо жирного парня и медленно шла в беседку, где жирный парень предоставлял ей наслаждаться в уединении свежим воздухом в течение получаса, а по прошествии этого срока возвращался и вел ее домой.

Старая леди была очень аккуратна и очень пунктуальна, и так как эта церемония вот уже три года повторялась каждое лето без малейшего уклонения от установленной формы, то она немало удивилась, заметив в это утро, что жирный парень, вместо того чтобы покинуть беседку, отошел на несколько шагов, внимательно осмотрелся по сторонам и приблизился к ней с величайшими предосторожностями и с видом крайне таинственным.

Старая леди была пуглива – как и большинство старых леди, – и в первую минуту у нее мелькнула мысль, что разбухший парень хочет нанести ей какое-нибудь тяжелое повреждение в надежде завладеть ее наличными деньгами. Она готова была крикнуть, позвать на помощь, но старость и недуги давно уже лишили ее возможности кричать, поэтому за каждым его движением она следила с глубоким ужасом, который отнюдь не уменьшился, когда он подошел к ней вплотную и заорал в ухо взволнованным и, как почудилось ей, угрожающим голосом:

– Хозяйка!

Случилось так, что в этот самый момент мистер Джингль прогуливался по саду неподалеку от беседки. Он услышал возглас: «Хозяйка!» – и остановился, чтобы послушать, что будет дальше. У него было три основания поступить так. Во-первых, он был любопытен, а делать ему было нечего, во-вторых, он не отличался щепетильностью, и, в-третьих (и последних), его заслоняли цветущие кусты. Итак, он стоял и слушал.

– Хозяйка! – орал жирный парень.

– В чем дело, Джо? – дрожа, спросила старая леди. – Право же, Джо, для тебя я была хорошей хозяйкой. Кроме добра, ты ничего от меня не видел. Тебя никогда не заставляли слишком много работать, и всегда ты ел досыта.

Этот последний довод затронул самую чувствительную струну в сердце жирного парня. Казалось, он был растроган и с чувством сказал:

– Да, это я знаю.

– Ну, так что же ты от меня хочешь? – приободрившись, спросила старая леди.

– Я хочу, чтобы у вас мурашки по спине забегали, – ответил жирный парень.

Такая манера проявлять благодарность казалась весьма жестокой, а так как старая леди в точности не знала, каким путем можно добиться подобного результата, то ее опасения вернулись.

– Как вы думаете, что я видел вчера вечером в этой самой беседке? – осведомился парень.

– Господи помилуй! Что же ты видел? – воскликнула старая леди, встревоженная торжественным тоном дородного юноши.

– Чужой джентльмен – тот, у которого рука повреждена, – целовал и обнимал...

– Кого, Джо? Надеюсь, не служанку?

– Хуже! – заорал жирный парень в ухо старой леди.

– Неужели одну из моих внучек?

– Хуже!

– Неужели еще хуже, Джо? – спросила старая леди, считая, что она дошла до крайнего предела злодейства. – Кто же это был, Джо? Я должна знать.

Жирный парень опасливо огляделся по сторонам и, закончив свой обзор, прокричал в ухо старой леди:

– Мисс Рейчел!

– Что?! – взвизгнула старая леди. – Говори громче!

– Мисс Рейчел! – заревел жирный парень.

– Моя дочь?

В подтверждение своих слов парень несколько раз кивнул, и его жирные щеки затрепетали, как бланманже.

– И она это допустила! – воскликнула старая леди.

Жирный парень, ухмыляясь, прокричал:

– Я видел, как она сама его целовала.

Если бы мистер Джингль из своего укромного уголка увидел, с какой физиономией выслушала это сообщение старая леди, весьма возможно, что неудержимый взрыв хохота выдал бы его присутствие в непосредственной близости к беседке. Он внимательно слушал. До него долетели отрывки гневных фраз, вроде: «Без моего разрешения!», «В ее годы!», «Несчастливая я старуха!», «Могла бы подождать моей смерти» – а затем он услышал, как заскрипели по песку башмаки жирного парня, когда тот удалялся, оставив старую леди в одиночестве.

Быть может, такое совпадение покажется поразительным, но факт остается фактом: накануне вечером, через пять минут после прибытия в Мэнор-Фарм, мистер Джингль решил не мешкая повести осаду сердца незамужней тетюшки. У него хватило наблюдательности заметить, что его развязные манеры отнюдь не были неприятны прекрасному объекту задуманной атаки, и он не без основания подозревал, что леди обладает качеством, наиболее желанным, –

располагает маленьким независимым состоянием. Он мгновенно уловил настоятельную необходимость тем или иным способом вытеснить соперника и решил приступить безотлагательно к действиям, направленным на достижение этой цели. Филдинг говорит, что мужчина – огонь, а женщина – пучок пеньки, и князь тьмы их соединяет. Мистер Джингль знал, что для незамужних теток молодые люди то же, что для пороха зажженный газ, и решил, не теряя времени, произвести взрыв.

Обдумывая это важное решение, он выбрался из засады и под прикрытием вышеупомянутых кустов приблизился к дому. Казалось, фортуна намерена была покровительствовать его замыслу. Издали он увидел, что мистер Тапмен вместе с другими джентльменами вышел из сада через боковую калитку, а юные леди, как было ему известно, позавтракав, ушли из дому. Путь был свободен.

Дверь в гостиную была полуоткрыта. Он заглянул туда. Незамужняя тетушка занималась вязаньем. Он кашлянул; она подняла взор и улыбнулась. Нерешительность была несвойственна характеру мистера Альфреда Джингля. Он таинственно приложил палец к губам, вошел и закрыл дверь.

– Мисс Уордль, – с притворной серьезностью начал мистер Джингль, – простите вторжение – краткое знакомство – времени для церемоний – все открыто.

– Сэр! – воскликнула незамужняя тетушка, изумленная этим неожиданным появлением и опасаясь, не сошел ли он с ума.

– Тише, – театральным шепотом произнес мистер Джингль, – здоровенный парень – лицо, как булка, – глаза круглые – каналья!

Тут он выразительно покачал головой, и незамужняя тетушка затрепетала от волнения.

– Вы, кажется, намекаете на Джозефа, сэр? – спросила она, стараясь сохранить невозмутимый вид.

– Да, сударыня, – черт бы побрал этого Джо! – предатель, собака Джо! – рассказал старой леди – старая леди в бешенстве – в диком – в ярости – вне себя – беседа – Тапмен – поцелуй и объятия – и всякое такое – э, сударыня, – э?

– Мистер Джингль, – сказала незамужняя тетушка, – если вы, сэр, явились сюда для того, чтобы меня оскорблять...

– Отнюдь – нимало, – нагло возразил мистер Джингль, – случайно подслушал – пришел предупредить об опасности – предложить услуги – предотвратить скандал. Все равно – считайте оскорблением – ухожу.

И он повернулся, словно собираясь привести угрозу в исполнение.

– Что же мне делать? – заливаясь слезами, воскликнула бедная старая дева. – Брат придет в бешенство.

– Несомненно, – приостановившись, сказал мистер Джингль, – в неистовство...

– О мистер Джингль, что мне сказать? – воскликнула незамужняя тетушка, вторично отдавшись приступу отчаяния.

– Скажите, что это ему приснилось, – спокойно ответил мистер Джингль.

Луч утешения проник в душу незамужней тетушки, когда она услышала этот совет.

Мистер Джингль заметил это и воспользовался благоприятным моментом.

– Вздор! – легче легкого – шалопай мальчишка – очаровательная женщина – толстого мальчишку высекут – вам поверят – конец делу – все уладилось.

Возможность ли избежать последствий неудобного разоблачения восхитила старую деву, или страдания потеряли свою остроту, когда ее называли «очаровательной женщиной», этого мы не знаем. Она слегка покраснела и бросила благодарный взгляд на мистера Джингля.

Этот пронырливый джентльмен глубоко вздохнул, минуты две не спускал глаз с лица старой девы, мелодраматически вздрогнул и вдруг отвел взгляд.

– Вы, кажется, страдаете, мистер Джингль, – жалобным тоном сказала леди. – Позвольте мне, в благодарность за ваше великодушное вмешательство, осведомиться о причине этих страданий и попытаться их облегчить.

– Ха! – воскликнул мистер Джингль, снова вздрогнув. – Облегчить! – Облегчить мои страдания, когда ваша любовь отдана человеку, который не ценит этого блаженства – который даже сейчас строит свои планы... воспользовался чувствами племянницы того создания, которое... но нет – он мой друг – не буду разоблачать его пороки. Мисс Уордль, – прощайте!

Закончив эту речь, самую связную из когда-либо им произнесенных, мистер Джингль приложил к глазам остатки носового платка, о котором мы уже упоминали, и повернулся к двери.

– Останьтесь, мистер Джингль! – энергически потребовала незамужняя тетушка. – Вы намекнули на мистера Тапмена, объяснитесь!

– Никогда! – воскликнул мистер Джингль профессиональным (то есть театральным) тоном. – Никогда!

И как бы в доказательство того, что он не желает подвергаться допросу, мистер Джингль придвинул стул вплотную к стулу незамужней тетушки и уселся.

– Мистер Джингль! – сказала тетушка. – Я вас умоляю, заклинаю, если есть какая-то страшная тайна, имеющая отношение к мистеру Тапмену, откройте ее.

– Могу ли я, – начал мистер Джингль, устремив взгляд на тетушку, – могу ли я видеть – прелестное создание приносится в жертву – чудовищной жадности!

В течение нескольких секунд он, казалось, боролся с противоречивыми чувствами, а затем глухо произнес:

– Тапмен добивается только ваших денег.

– Негодяй! – энергически воскликнула старая дева.

(Сомнения мистера Джингля рассеялись: деньги у нее были.)

– Мало того, – продолжал Джингль, – он любит другую.

– Другую! – возопила старая дева. – Кого?

– Маленького роста – черные глазки – вашу племянницу Эмили.

Наступило молчание.

Если существовала на свете особа, которая могла вызвать у незамужней тетушки чувство ревности смертельной и неискоренимой, то такой особой была эта самая племянница. Румянец залил лицо и шею тетушки, молча и с невыразимым презрением она тряхнула головой. Потом, закусив тонкие губы и задрав нос, сказала:

– Этого быть не может. Не верю.

– Наблюдайте за ними, – предложил Джингль.

– Буду наблюдать, – ответила тетушка.

– Следите за его взглядами.

– Буду следить.

– За его напештыванием.

– Буду.

– За обедом он сядет рядом с ней.

– Пусть.

– Будет говорить ей комплименты.

– Пусть.

– Будет за ней ухаживать.

– Пусть.

– И бросит вас.

– Бросит меня! – взвизгнула незамужняя тетушка. – Он бросит меня! – И она затряслась от злости и разочарования.

- И тогда вы убедитесь? – спросил Джингль.
- Да.
- И будете стойки?
- Да.
- И после этого не примиритесь с ним?
- Никогда.
- Изберете кого-нибудь другого?
- Да.
- Изберете?

Мистер Джингль упал на колени и в этой позе оставался в течение пяти минут; встал он признанным возлюбленным незамужней тетушки – при условии, что вероломство мистера Тапмена будет обнаружено и доказано.

На мистере Альфреде Джингле лежало бремя доказательств, и он собрал улики в тот же день за обедом. Незамужняя тетушка едва могла поверить своим глазам: мистер Трейси Тапмен уселся рядом с Эмили, делал ей глазки, нашептывал и улыбался, соперничая с мистером Снодграссом. Ни словом, ни взглядом, ни кивком не подарил он ту, которая накануне вечером была владычицей его сердца.

«Черт бы побрал этого парня! – думал старый мистер Уордль, который узнал обо всем от матери. – Черт бы побрал этого парня! Ну конечно, он спал. Все это одна фантазия».

«Предатель! – думала незамужняя тетушка. – Милый мистер Джингль меня не обманывал. Ух, как я ненавижу этого злодея!»

Нижеследующий разговор объяснит нашим читателям эту, казалось бы, непостижимую перемену в поведении мистера Трейси Тапмена.

Время – вечер; место действия – сад. По боковой дорожке прогуливались двое: один – невысокий и толстый, другой – рослый и тощий. Это были мистер Тапмен и мистер Джингль. Разговор начал толстый.

– Как я держал себя? – осведомился он.

– Блистательно – замечательно – мне самому лучше не сыграть – завтра вы должны повторить ту же роль – каждый вечер, впредь до нового распоряжения.

– Рейчел все еще на этом настаивает?

– Конечно – ей это неприятно – ничего не поделаешь – нужно рассеять подозрения – боится брата – говорит, другого выхода нет – еще несколько дней – старики успокоятся – подарит вам блаженство.

– Она ничего не просила мне передать?

– Любовь – горячую любовь – нежнейшие приветы – и самую неизменную привязанность. Может быть, я от вас могу что-нибудь передать?

– Дорогой друг, – ответил ничего не ведавший мистер Тапмен, с жаром пожимая руку «другу», – передайте пламенную мою любовь, объясните, как трудно мне притворяться, передайте наилучшие пожелания. Но не забудьте добавить, что я понимаю необходимость последовать совету, который она сегодня утром передала мне через вас. Скажите, что я преклоняюсь перед ее благоразумием и восхищаюсь ее осторожностью.

– Передам. Еще что-нибудь?

– Больше ничего. Добавьте только, что я страстно жду того мгновения, когда назову ее своей и когда исчезнет необходимость притворяться.

– Конечно, конечно. Еще что?

– О друг мой! – воскликнул бедный мистер Тапмен, снова пожимая руку приятелю. – Примите искреннейшую мою благодарность за вашу бескорыстную доброту и простите меня, если я когда-нибудь хотя бы мысленно оскорбил вас подозрением, будто вы можете стать мне поперек дороги. Дорогой мой друг, удастся ли мне когда-нибудь вас отблагодарить?

– Не стоит об этом говорить, – отозвался мистер Джингль. Но вдруг запнулся, словно о чем-то вспомнил, и добавил: – Кстати – не можете ли одолжить мне десять фунтов, а? – исключительный случай, верну через три дня.

– Думаю, что могу, – с готовностью ответил мистер Тапмен. – На три дня, говорите вы?

– Только на три дня – тогда все уладится – никаких затруднений.

Мистер Тапмен отсчитал приятелю деньги, а тот опустил их монета за монетою в карман, после чего оба направились к дому.

– Будьте осторожны, – сказал мистер Джингль. – Ни единого взгляда.

– Ни единого знака, – сказал мистер Тапмен.

– Ни слова.

– Ни звука.

– Все ваше внимание племяннице – с теткой скорее грубоваты – единственный способ обмануть стариков.

– Постараюсь, – вслух сказал мистер Тапмен.

«Я тоже постараюсь», – мысленно сказал мистер Джингль, и оба вошли в дом.

Сцена, разыгранная за обедом, повторилась и вечером, а также в течение следующих трех дней и вечеров. На четвертый день хозяин был в прекрасном расположении духа, ибо убедился в том, что обвинение против мистера Тапмена ни на чем не основано. Доволен был мистер Тапмен, ибо мистер Джингль сообщил ему, что решительный момент приближается. Доволен был мистер Пиквик, ибо он редко бывал чем-нибудь недоволен. Недоволен был мистер Снодграсс, ибо он начал ревновать к мистеру Тапмену. Довольна была старая леди, ибо она выигрывала в вист. Довольны были мистер Джингль и мисс Уордль – в силу оснований, достаточно важных в столь чреватой событиями истории, чтобы о них рассказать в особой главе.

Глава IX

Открытие и погоня

Ужин был подан, стулья придвинуты к столу, бутылки, кувшины и стаканы расставлены на буфете, и все предвещало приближение самого веселого часа в течение всего дня.

– Где же Рейчел? – спросил мистер Уордль.

– И Джингль? – добавил мистер Пиквик.

– Верно! – воскликнул хозяин. – Странно, что я до сих пор не заметил его отсутствия. Право, я вот уже по крайней мере два часа как не слышу его голоса. Эмили, милая, позвони.

На звонок явился жирный парень.

– Где мисс Рейчел?

На это он не мог ответить.

– Ну а где мистер Джингль?

Этого он не знал.

Все с недоумением посмотрели друг на друга. Было поздно – двенадцатый час. Мистер Тапмен посмеивался в рукав. Они где-нибудь задержались, беседуя о нем! Ха! Чудесная выдумка – забавно!

– Не беда, – помолчав, сказал мистер Уордль, – конечно, они сейчас придут. Я никогда и ни для кого не откладываю ужина.

– Прекрасное правило, – заметил мистер Пиквик, – превосходное.

– Пожалуйста, садитесь, – сказал хозяин.

– Благодарю вас, – ответил мистер Пиквик; и они уселись.

На столе красовался гигантский кусок холодного ростбифа, и мистер Пиквик получил солидную порцию. Он поднес вилку к губам и только раскрыл рот, чтобы отправить туда кусок мяса, как из кухни долетел многоголосый гул. Мистер Пиквик замер и положил вилку. Мистер Уордль тоже замер и машинально разжал руку, сжимавшую нож, который так и остался вонзенным в ростбиф. Он посмотрел на мистера Пиквика. Мистер Пиквик посмотрел на него.

В коридоре послышались тяжелые шаги; дверь распахнулась, и в комнату ворвался слуга, который в день прибытия мистера Пиквика чистил ему сапоги, а вслед за ним ввалились жирный парень и остальные слуги.

– Черт побери, что это значит? – воскликнул хозяин.

– Эмма, уж не показался ли огонь в кухонном дымоходе? – осведомилась старая леди.

– Ах, нет, бабушка! – крикнули обе юные леди.

– Что случилось? – заревел хозяин дома.

Слуга перевел дух и робко проговорил:

– Они уехали, хозяин... так-таки и уехали, сэр.

(Было замечено, что в этот момент мистер Тапмен положил нож и вилку и очень побледнел.)

– Кто уехал? – сердито спросил мистер Уордль.

– Мистер Джингль и мисс Рейчел, в дорожной карете из «Синего льва» в Магльтоне. Я был там, но не мог их задержать. Вот я и прибежал рассказать вам.

– Я дал ему денег на дорогу! – закричал мистер Тапмен, вскакивая как сумасшедший. – Он у меня выманил десять фунтов!.. Задержите его!.. Он меня одурачил! Я этого не допущу! Я с ним расплачусь, Пиквик! Я этого не потерплю!

Испуская такого рода бессвязные восклицания, злополучный джентльмен в припадке бешенства кружился по комнате.

– Да сохранит нас Бог! – воскликнул мистер Пиквик, с ужасом и изумлением наблюдая необычайные движения своего друга. – Он помешался! Что нам делать?

– Что делать? – подхватил дородный хозяин, который расслышал только последние слова. – Запрягайте лошадь в двуколку! Я возьму карету в «Синем льве» и помчусь прямо за ними. Где этот злодей Джо? – воскликнул он, когда слуга побежал исполнять приказание.

– Здесь, но я не злодей, – раздался голос.

Это был голос жирного парня.

– Дайте мне расправиться с ним, Пиквик! – закричал мистер Уордль, бросаясь на злополучного юношу. – Его подкупил этот мошенник Джингль, чтобы навести меня на ложный след дурацкими небылицами о моей сестре и вашем друге Тапмене. (Тут мистер Тапмен упал на стул.) Дайте мне расправиться с ним!

– Не пускайте его! – завизжали все женщины, но их возгласы не заглушали всхлипываний жирного парня.

– Не смейте меня удерживать! – кричал старик. – Уберите ваши руки, мистер Уинкль! Мистер Пиквик, пустите меня, сэр!

В этом хаосе и суматохе великолепное зрелище являла философски благодушная физиономия мистера Пиквика, хотя и покрасневшая слегка от напряжения, когда он стоял, крепко обхватив руками обширную талию дородного хозяина, сдерживая таким образом бурное проявление его страстей, в то время как жирного парня, царапая и теребя, выталкивали из комнаты толпившиеся там женщины. Мистер Пиквик не разжимал рук, пока не вошел слуга, доложивший, что двуколка подана.

– Не отпускайте его одного! – завизжали женщины. – Он кого-нибудь убьет!

– Я еду с ним, – заявил мистер Пиквик.

– Вы – славный человек, Пиквик! – воскликнул хозяин, пожимая ему руку. – Эмма, дайте мистеру Пиквику какой-нибудь шарф на шею. Пошевеливайтесь! Позаботьтесь о бабушке, дочки, ей дурно. Ну что, готовы?

Рот и подбородок мистера Пиквика были поспешно обмотаны шарфом, шляпа надета на голову, пальто переброшено через руку, и мистер Пиквик дал утвердительный ответ.

Они вскочили в двуколку.

– Гони вовсю, Том! – крикнул хозяин, и они помчались по узким проселкам, подпрыгивая на выбоинах, задевая за живые изгороди, тянувшиеся с обеих сторон, и рискуя в любой момент разбиться.

– На сколько они нас опередили? – крикнул Уордль, когда они подъехали к воротам «Синего льва», где, несмотря на позднее время, собралась большая толпа.

– Не больше чем на три четверти часа, – отвечали все.

– Карету и четверку! Живо! Двуколку доставите после!

– Ну, ребята! – закричал хозяин гостиницы. – Карету и четверку! Поторапливайтесь! Не зевать!

Конюхи и фореиторы пустились бегом. Мелькали фонари, метались люди; копыта лошадей цокали по плохо вымощенному двору; с грохотом выкатилась карета из сарая; шум, суета.

– Подадут когда-нибудь карету? – кричал Уордль.

– Она уже на дворе, сэр, – ответил конюх.

Карету подали, лошадей впрягли, фореиторы вскочили на них, путники мигом влезли в карету.

– Помните, перегон в семь миль – полчаса! – кричал Уордль.

– В путь!

Фореиторы пустили в ход хлыст и шпоры, лакеи кричали, конюхи подбадривали, и лошади бешено помчались.

«Недурное положение, – подумал мистер Пиквик, улучив минутку для размышлений. – Недурное положение для президента Пиквикского клуба. Сырая карета... бешеные лошади... пятнадцать миль в час... и вдобавок в полночь».

На протяжении первых трех-четырёх миль оба джентльмена не произнесли ни слова, ибо каждый был слишком поглощён своими думами, чтобы обращаться с какими-либо замечаниями к спутнику. Но когда они проехали это расстояние и лошади, разгорячившись, взялись за дело не на шутку, мистер Пиквик, возбуждённый быстрой ездой, не мог более хранить мертвое молчание.

– Мне кажется, мы непременно их настигнем, – сказал он.

– Надеюсь, – ответил его спутник.

– Славная ночь, – продолжал мистер Пиквик, глядя на ярко сиявшую луну.

– Тем хуже, – возразил Уордль, – потому что при лунном свете им легче удрать от нас, а нам луна недолго будет светить. Она закатится через час.

– Пожалуй, не очень-то будет приятно мчаться во весь опор в темноте? – осведомился мистер Пиквик.

– Несомненно, – сухо ответил его друг.

Возбуждение, охватившее мистера Пиквика, начало понемногу спадать, когда он подумал о неудобствах и опасностях экспедиции, в которую столь легкомысленно пустился. Он очнулся от громких криков переднего фореитора.

– Йо-йо-йо-йо-йо! – кричал первый фореитор.

– Йо-йо-йо-йо-йо! – кричал второй.

– Йо-йо-йо-йо-йо! – бодро подхватил сам старик Уордль, высунув из окна кареты голову и часть туловища.

– Йо-йо-йо-йо-йо! – присоединился к хору и мистер Пиквик, хотя понятия не имел, какой в этом смысл. И под эти «йо-йо» всех четверых карета остановилась.

– В чем дело? – осведомился мистер Пиквик.

– Застава, – ответил Уордль. – Мы наведем справки о беглецах.

Минут через пять, потраченных на непрерывный стук и оклики, из сторожки вышел старик в рубаше и штанах и поднял шлагбаум.

– Давно ли проехала здесь дорожная карета? – осведомился мистер Уордль.

– Давно ли?

– Да.

– Вот уж этого я хорошенько не знаю. Не так чтобы очень давно, но нельзя сказать, что недавно, этак, пожалуй, середка на половину.

– Может быть, здесь и вовсе не проезжало никаких карет?

– Да нет, проехала одна.

– А давно, друг мой? – вмешался мистер Пиквик. – Час назад?

– Да пожалуй, что так.

– Или два часа? – спросил фореитор, сидевший на задней лошади.

– А кто его знает, может, и два.

– Вперед, ребята, погоняйте! – крикнул вспыльчивый пожилой джентльмен. – Нечего нам тратить здесь время на этого старого идиота!

– Идиот! – ухмыляясь, воскликнул старик, стоя посреди дороги перед полуопущенным шлагбаумом и провожая взглядом быстро уносившуюся карету. – Э, нет, не такой уж я идиот! Вы тут десять минут потеряли и ничего путного не узнали. Если все сторожа, получив по гинее, постараются ее отработать не хуже, чем я, – не догнать вам, старый пузан, этой кареты до Михайлова дня!

И, еще раз ухмыльнувшись, старик закрыл ворота, вошел в дом и запер за собой дверь на засов.

Тем временем карета, не уменьшая скорости, летела к концу перегона. Луна, как и предсказывал мистер Уордль, скоро зашла, тяжелые, темные гряды облаков, постепенно затягивая небо, слились над головой в сплошную темную массу, и крупные дождевые капли, барабанившие в окна кареты, казалось, возвещали путникам приближение ненастной ночи. Ветер, дувший им прямо в лицо, яростно проносился вдоль узкой дороги и уныло завывал, раскачивая окаймлявшие ее деревья. Мистер Пиквик запахнул пальто, примостился поудобнее в углу кареты и заснул крепким сном, от которого очнулся, когда экипаж остановился, зазвенел колокольчик конюха и раздался громкий крик:

– Лошадей, живо!

Но здесь снова произошла задержка. Форейторы спали таким подозрительно крепким сном, что понадобилось пять минут на каждого, чтобы разбудить их. Конюх затерял ключ от конюшни, а когда его, наконец, нашли, два заспанных помощника перепутали упряжь, и пришлось заново перепрягать лошадей. Будь мистер Пиквик здесь один, эти многочисленные препятствия заставили бы его немедленно прекратить погоню, но не так-то легко было устроить старого Уордля; он с такой энергией взялся за дело, одного угощая толчком, другого – пинком, тут застегивая пряжку, там подтягивая цепь, что карета была готова значительно раньше, чем можно было надеяться при наличии стольких затруднений.

Они продолжали путь, и разумеется, перспективы были отнюдь не утешительны. До станции оставалось пятнадцать миль, ночь была темная, ветер – сильный, и дождь лил потоками. Невозможно было с достаточной быстротой подвигаться вперед, одолевая столько препятствий. Был уже час ночи. Чтобы добраться до станции, понадобилось почти два часа. Но здесь выяснилось одно обстоятельство, которое вновь пробудило надежду и воскресило бодрость.

– Когда приехала эта карета? – закричал старик Уордль, выскакивая из своего экипажа и указывая на облепленную жидкой грязью карету, стоявшую во дворе.

– Четверти часа еще не прошло, сэр, – ответил конюх, которому был задан этот вопрос.

– Леди и джентльмен? – задыхаясь от нетерпения, спросил мистер Уордль.

– Да, сэр.

– Высокий джентльмен во фраке, длинноногий, худой?

– Да, сэр.

– Пожилая леди, худое лицо, костлявая, да?

– Да, сэр.

– Ей-богу, это наша парочка, Пиквик! – воскликнул пожилой джентльмен.

– Они бы раньше здесь были, – сообщил конюх, – да у них постромки порвались.

– Они! – заявил Уордль. – Клянусь Юпитером, они! Живо карету и четверку! Мы их догоним еще до следующей станции. Ребята, каждому по гинее! Живей! Пошевеливайтесь, молодцы!

Выкрикивая такие увещания, пожилой джентльмен метался по двору, суетился и пребывал в таком возбуждении, что оно передалось и мистеру Пиквику; и, заразившись им, сей джентльмен бросился помочь запрягавшим в сложных манипуляциях со сбруей и запутался между лошадьми и колесами экипажа, твердо веря, что этим он может существенно ускорить приготовления к дальнейшему путешествию.

– Влезайте, влезайте! – кричал старик Уордль, забираясь в карету, поднимая подножку и захлопывая за собой дверцу. – Торопитесь! Скорее!

И не успел мистер Пиквик сообразить, в чем дело, как почувствовал, что рывок пожилого джентльмена с одной стороны и толчок конюха – с другой вбросили его в карету с противоположной стороны, и они снова помчались.

– Ну, уж теперь-то мы не стоим на одном месте! – возликовал пожилой джентльмен.

Они и в самом деле не стояли на одном месте, о чем мог засвидетельствовать мистер Пиквик, ежеминутно наталкивавшийся то на твердую стенку кареты, то на своего соседа.

– Держитесь! – посоветовал дородный старик, когда мистер Пиквик, нырнув, уткнулся головой в его широкую грудь.

– Никогда еще не испытывал я такой встряски, – сообщил мистер Пиквик.

– Не беда, – отозвался его спутник, – скоро это кончится. Держитесь крепче.

Мистер Пиквик постарался устроиться поплотнее в своем углу; карета неслась еще быстрее.

Они проехали таким образом около трех миль, как вдруг мистер Уордль, через каждые две-три минуты высывавшийся из окна, повернул к мистеру Пиквику забрызганное грязью лицо и, задышав от волнения, воскликнул:

– Вот они!

Мистер Пиквик высунул голову из своего окна. Да, впереди на небольшом расстоянии от них мчалась галопом четверка лошадей, запряженных в карету!

– Вперед, вперед! – завопил пожилой джентльмен. – Каждому по две гиней, ребята! Не упустить их! Догоняйте, догоняйте!

Лошади первой кареты пустились во весь опор, а лошади мистера Уордля мчались за ними бешеным галопом.

– Я вижу его голову! – рассвирепев, воскликнул старик. – Черт меня возьми, я вижу его голову!

– И я вижу, – подтвердил мистер Пиквик, – это он!

Мистер Пиквик не ошибся. В окне кареты ясно видна была физиономия мистера Джингля, сплошь покрытая летевшей с колес грязью; а рука его, которой он неистово размахивал, обращаясь к форейторм, призывала их напрячь все силы.

Возбуждение дошло до предела. Поля, деревья, изгороди проносились мимо, словно подхваченные вихрем, – с такою быстротой летели лошади. Они почти поравнялись с первой каретой. Даже стук колес не мог заглушить голос Джингля, понукавшего форейторов. Старый мистер Уордль бесился от ярости и нетерпения. Он десятки раз выкрикивал «мошенник» и «негодяй», сжимал кулаки и выразительно грозил ими объекту своего негодования, но мистер Джингль отвечал только презрительной улыбкой, а на угрозы отозвался ликующим возгласом, когда его лошади, в ответ на усиленное вмешательство хлыста и шпор, развили еще большую скорость и опередили преследователей.

Мистер Пиквик только что втянул голову в карету, а мистер Уордль, устав кричать, последовал его примеру, как вдруг страшный толчок швырнул обоих к передней стенке экипажа. Сотрясение... громкий треск... Колесо отлетело, и карета опрокинулась.

После нескольких секунд смятения и растерянности, когда лошади рвались вперед, сыпались стекла и больше ничего нельзя было разобрать, мистер Пиквик почувствовал, что его энергически вытаскивают из разбитой кареты; и как только он встал на ноги и сбросил с головы завернувшиеся полы пальто, которые препятствовали пользоваться очками, ему открылись во всей полноте размеры постигшего их несчастья.

Старый мистер Уордль без шляпы, в изорванном костюме стоял около него, а у их ног валялись обломки кареты. Форейторы успели перерезать постромки и стояли теперь возле своих лошадей, облепленные грязью и взлохмаченные от бешеной езды. Впереди, ярдах в ста, виднелась другая карета – она остановилась, когда раздался треск. Форейторы, ухмыляясь во весь рот, взирали на противников со своих седел, а мистер Джингль с явным удовольствием созерцал картину крушения из окна кареты. Загорался день, и в серых лучах рассвета можно было разглядеть все подробности.

– Эй, вы! – крикнул бесстыжий Джингль. – Никто не пострадал? – пожилые джентльмены – немалый вес – опасное предприятие – весьма!

– Негодяй! – заревел Уордль.

– Ха-ха! – ответил Джингль; затем, многозначительно подмигивая и указывая большим пальцем внутрь кареты, добавил: – Послушайте – она прекрасно себя чувствует – шлет поклон – просит, чтобы вы себя не утруждали – поцелуйте Таппи – не хотите ли влезть на запятки? – Вперед, ребята!

Фореиторы выпрямились в седлах, и карета загрохотала; мистер Джингль, высунувшись из окна, насмешливо махал белым носовым платочком.

Приключение не могло смутить спокойный и уравновешенный дух мистера Пиквика – даже опрокинувшаяся карета. Однако подлость человека, который сначала взял деньги у верного его ученика, а затем позволил себе сократить его фамилию в «Таппи», переполнила чашу терпения. Он с трудом перевел дыхание, покраснел до самых очков и проговорил медленно и выразительно:

– Если я еще когда-нибудь встречу этого человека, я...

– Да, да, все это прекрасно, – перебил Уордль, – но, пока мы тут стоим да разговариваем, они получают лицензию и заключают брачный союз в Лондоне.

Мистер Пиквик умолк, а жажду мести спрятал в бутылку и закупорил ее.

– Далеко ли до станции? – обратился мистер Уордль к одному из фореиторов.

– Шесть миль. Верно, Том?

– Малость побольше.

– Малость побольше шести миль, сэр.

– Ничего не поделаешь, Пиквик, – сказал Уордль, – придется идти пешком.

– Ничего не поделаешь! – отозвался сей великий муж.

Отправив вперед одного из фореиторов верхом на лошади, чтобы вытребовать новый экипаж и лошадей, и оставив разбитую карету на попечение второго фореитора, мистер Пиквик и мистер Уордль мужественно продолжали путь пешком, обмотав предварительно шарф вокруг шеи и надвинув шляпу на глаза, чтобы защититься, насколько возможно, от проливного дождя, который хлынул снова после небольшого перерыва.

Глава X, *разрешающая все сомнения (если таковые имели место) касательно бескорыстия мистера Джингля*

Есть в Лондоне немало старых гостиниц – они служили приютом для прославленных карет в те дни, когда кареты совершали свои путешествия более торжественно и более степенно, чем в наше время; теперь эти гостиницы пришли в упадок и служат лишь для остановок и погрузки прибывающих из провинции возов. Читатель тщетно искал бы один из этих старинных заезжих дворов среди «Золотых крестов», «Быков и пастей», которые вздымают свои величественные фасады на парадных улицах Лондона. Чтобы натолкнуться на какое-нибудь из этих древних пристанищ, он должен направить свои стопы в более уединенные кварталы города, и там, в каких-нибудь глухих закоулках, найдет он несколько домов, которые продолжают стоять с мрачным упорством, окруженные современными постройками.

В Боро еще уцелело с полдюжины старых гостиниц, которые сохранили внешние свои черты неизменными и спаслись от муниципальной мании благоустройства и спекулятивной горячки. Огромные, несуразные, странные эти здания, с галереями, коридорами и лестницами, достаточно широкими и ветхими, чтобы доставить материал для сотни рассказов о привидениях, – в случае, если мы будем доведены до прискорбной необходимости измышлять таковые, а мир просуществует достаточно долгий срок, дабы исчерпать бесчисленные правдивые легенды, связанные со старым Лондонским мостом и ближайшими его окрестностями на Суррейской стороне.

Ранним утром, наступившим вслед за событиями, изложенными в последней главе, во дворе одной из этих славных гостиниц – а именно во дворе знаменитой гостиницы «Белый олень» – какой-то человек усердно занимался чисткой сапог. На нем был полосатый жилет с синими стеклянными пуговицами и черные коленкоровые нарукавники, серые штаны и гамаша. Ярко-красный платок, завязанный небрежно и неискусно, обвивал его шею, а старая белая шляпа была беззаботно сдвинута набекрень. Перед ним выстроились два ряда сапог, один ряд чистый, другой грязный, и, пополняя первый ряд, он каждый раз отрывался от работы и с явным удовольствием созерцал достигнутые результаты.

Во дворе не было и следов той суеты и оживления, какие всегда характерны для гостиницы с большим каретным двором. Три-четыре подводы, нагруженные товарами чуть ли не до второго этажа дома, помещались под высоким навесом, занимавшим один конец двора; да еще одна подвода, которой предстояло, должно быть, отправиться в это же утро, стояла на открытом месте. С двух сторон двора шли вдоль комнат для приезжих два яруса галереи с неуклюжими старыми перилами, и два ряда колокольчиков, защищенных от непогоды маленькой покатою крышей, болтались над дверью, ведущей в буфетную и столовую. Несколько двуколок и дорожных карет были загнаны в маленькие сараи и под навесы; а тяжелый топот ломовой лошади и звяканье цепи, время от времени доносившиеся из дальнего конца двора, возвещали каждому интересующемуся этим вопросом, что именно в той стороне находится конюшня. Если мы добавим, что несколько парней в рабочих блузах спали на громоздких тюках, мешках с шерстью и тому подобных предметах, валявшихся на кучах соломы, мы с достаточной полнотой изобразим общий вид двора гостиницы «Белый олень» на Хай-стрит в Боро в то утро, о котором идет речь.

Громкий звон колокольчика вызвал на верхнюю галерею кокетливую горничную, которая, постучав в дверь одной из комнат и получив оттуда какое-то приказание, крикнула, наклонившись через перила:

– Сэм!

– Что? – отозвался человек в белой шляпе.

– Номеру двадцать второму нужны сапоги.

– Спросите номер двадцать второй, хочет он получить их сейчас или подождет, – последовал ответ.

– Ну, не дурите, Сэм, – заискивающе проговорила девушка. – Сапоги нужны джентльмену сию же минуту.

– Ладно, я знаю, вы умеете сладко петь, – сказал чистильщик сапог. – Поглядите-ка на эти вот сапоги: одиннадцать пар сапог да один башмак из номера шестого, с деревянной ногой. Одиннадцать пар должны быть готовы к половине девятого, башмак к девяти. Кто такой номер двадцать второй, чтобы все ему уступали? Э, нет, в порядке очереди, как говорил Джек Кеч¹⁵, вздергивая людей на виселицу: простите, что заставляю вас ждать, сэр, но сейчас я вами займусь.

С этими словами человек в белой шляпе с удвоенным рвением принялся чистить сапог.

Раздался другой громкий звонок – и на противоположной галерее появилась выбежавшая впопыхах старая хозяйка «Белого оленя».

– Сэм! – крикнула она. – Где этот лодырь, этот лентяй?.. Ах, вот вы где, Сэм! Почему же вы не отвечаете?

– Было бы невежливо отвечать, пока вы не замолчали, – проворчал Сэм.

– Сейчас же вычистите эти башмаки для номера семнадцатого и отнесите их в отдельную гостиную, номер пятый, второй этаж.

Хозяйка швырнула на двор пару дамских башмаков и улетучилась.

– Номер пятый, – сказал Сэм, подбирая башмаки, и, достав из кармана кусок мела, сделал отметку на подошве. – Дамские башмаки и отдельная гостиная! Ну, уж она-то, верно, не на подводе прикатила.

– Она приехала сегодня спозаранку! – крикнула девушка, которая еще стояла, перегнувшись через перила галереи. – Приехала с джентльменом в наемной карете, вот ему-то и нужны сапоги, вычистите их поскорей, и конец делу.

– Что же вы раньше-то не сказали! – с превеликим негодованием воскликнул Сэм, выжывая вышеупомянутые сапоги из находившейся перед ним кучи. – Я думал, ему регулярная цена три пенса. Отдельная гостиная! И вдобавок леди! Если он хоть сколько-нибудь похож на джентльмена, это ему обойдется шиллинг в день, не считая отдельных поручений.

Подхлестываемый утешительными соображениями, мистер Сэмюел столь рьяно работал щеткой, что через несколько минут и сапоги и башмаки, покрытые глянцем, который преисполнил бы завистью душу любезного мистера Уоррена (ибо в «Белом олене» употребляли ваку Дзя и Мартина), появились у двери номера пятого.

– Войдите! – раздался мужской голос в ответ на стук Сэма.

Сэм отвесил изысканнейший поклон и очутился в присутствии леди и джентльмена, сидевших за завтраком. Услужливо расставив сапоги джентльмена справа и слева от него, а башмаки справа и слева от леди, он попятился к двери.

– Коридорный! – позвал джентльмен.

– Сэр? – ответил Сэм, закрывая дверь и придерживая рукой дверную ручку.

– Не знаете ли вы – как это называется? – Докторс-Коммонс¹⁶?

– Да, сэр.

– Где это находится?

¹⁵ *Джек Кеч* – лондонский палач Джон Кеч (жил во второй половине XVII века, после реставрации Стюартов), чье имя и фамилия («Джек» – уменьшительное от «Джон») стали нарицательными для палача.

¹⁶ *Докторс-Коммонс* – ряд зданий, некогда принадлежавших корпорации юристов, которые вели дела клиентов в церковном суде; этому суду, находившемуся в одном из таких зданий, подсудны были дела семейные, наследственные и по делам адмиралтейства; суду также присвоено было название Докторс-Коммонс.

– Улица Собора Святого Павла, сэр. Вход под низкой аркой, на одном углу книжная лавка, на другом – гостиница, а посередине – два привратника, зазывалы.

– Зазывалы! – удивился джентльмен.

– Да, зазывалы, – ответил Сэм. – Два молодца в белых фартуках, хватаются за шляпы, когда вы входите: «За лицензиями, сэр, за лицензиями?» Чуждые ребята, сэр, да и хозяева их тоже – прокторы¹⁷ прямо для Олд-Бейли... без промаха!

– Что они там делают? – осведомился джентльмен.

– Делают? Вас, сэр, обделают! А бывает и похуже. Такое вбивают в головы старым джентльменам, что тем и не снилось. Мой отец – кучер. Овдовел, а тучный – с какой стороны ни подойти, – до чего тучный! Умерла его хозяйка и оставила ему четыреста фунтов. Вот он и пошел в Коммонс посоветоваться с законником и выправить капитал, расфрантился – сапоги с отворотами, букет в петлице, широкополая шляпа, зеленый шарф, – совсем джентльмен. Проходит под аркой и думает, куда бы ему поместить денежки. Тут подсказывает зазывала, хватается за шляпу: «Лицензия, сэр, лицензия?» – «Что это такое?» – спрашивает отец. «Лицензия, сэр», – отвечает тот. «Какая такая лицензия?» – «На вступление в брак», – объясняет зазывала. «Да я, черт побери, – говорит отец, – и не думал об этом». – «А я думаю, что вам нужна лицензия, сэр», – говорит зазывала. Отец остановился и призадумался. «Нет, – говорит, – черт подери, слишком я стар, да и размеры у меня неподходящие». – «Ничуть не бывало, сэр», – говорит зазывала. «Думаете, подходящие?» – спрашивает отец. «Ясное дело, сэр, – отвечает тот, – в понедельник мы женили джентльмена вдвое против вас объемистей». – «Да ну?» – говорит отец. «Будьте уверены, женили, – говорит тот, – вы перед ним младенец... Сюда, сэр, сюда». Ну, мой отец и пошел за ним, как ручная обезьяна за шарманкой, и входит в какую-то комнатку окнами во двор, кругом куча грязных бумаг и жестянок, сидит какой-то крючок и делает вид, будто занят. «Прошу присесть, сэр, – говорит юрист, – пока я показания с вас сниму». – «Благодарю вас, сэр», – говорит отец, садится, разинул рот и таращит глаза на имена, выписанные на ящиках. «Ваше имя, сэр?» – спрашивает юрист. «Тони Уэллер», – отвечает отец. «Какого прихода?» – спрашивает юрист. «Прекрасная дикарка», – отвечает отец, потому что он всегда останавливался там с лошадьми, а в приходах он и в самом деле ничего не разумел. «А как зовут леди?» – спрашивает юрист. Тут отца огорошило: «Черт побери, откуда же я знаю!» – говорит он. «Не знаете!» – говорит юрист. «Не больше вас, – отвечает отец. – А не могу я вставить это потом?» – «Никак нельзя!» – говорит юрист. «Ну, ничего не поделаешь, – подумав минутку, говорит отец. – Пишите, мистер, Кларк». – «Какая Кларк?» – спрашивает юрист, обмакнув перо в чернила. «Сюзен Кларк, «Маркиз Гренби», Доркинг, – говорит отец, – она пойдет за меня наверняка, если я попрошу. Я ни слова ей не говорил, а знаю, что пойдет». Выправили лицензию, а она и в самом деле пошла за него, а что еще хуже, и теперь его обхаживает; а мне из четырехсот фунтов так ничего и не досталось, такое невезение. Прошу прощения, сэр, – добавил Сэм, окончив рассказ, – но стоит мне натолкнуться на эту вот обиду, и я покатился, как новая тачка со смазанным колесом.

Сэм подождал секунду, чтобы узнать, не нужны ли в его услугах, и вышел из комнаты.

– Половина десятого – пора идти – сразу в путь, – сказал джентльмен.

Едва ли есть надобность говорить читателю, что это был мистер Джингль.

– Пора? Куда идти? – кокетливо спросила незамужняя тетушка.

– Идти за лицензией, прелестнейший ангел, – предупредить в церкви – назвать вас завтра своей, – ответил мистер Джингль, пожимая руку тетушке.

– Лицензия! – краснея, сказала Рейчел.

– Лицензия! – повторил мистер Джингль. —

¹⁷ Проктор – адвокат при суде Докторс-Коммонс.

Вмиг за лицензией помчусь,
Вмиг, тили-бом, я возвращусь!

– Как вы стремительны! – заметила Рейчел.

– Моя стремительность – ничто – а вот часы, дни, недели, месяцы, годы – когда мы соединимся – они полетят – стрелой – помчатся – как паровоз – тысяча лошадиных сил – никакого сравнения.

– Нельзя ли... нельзя ли нам обвенчаться до завтрашнего дня? – осведомилась Рейчел.

– Невозможно – немыслимо – предупредить в церкви – добыть лицензию сегодня – обряд совершается завтра.

– Я смертельно боюсь, как бы брат не нашел нас! – воскликнула Рейчел.

– Найти – вздор – совершенно сбит крушением – кроме того – тысяча предосторожностей – дорожная карета брошена – пешком – наняли городскую – доставлены в Боро – последнее место, куда заглянет – ха-ха! – блестящая идея!

– Не уходите надолго, – нежно сказала старая дева, когда мистер Джингль напялил на себя свою измятую шляпу.

– Уйти надолго от вас, жестокая чародейка! – И мистер Джингль игриво подскочил к незамужней тетушке, запечатлел на ее устах целомудренный поцелуй и, приплясывая, вышел из комнаты.

– Какой милый! – молвила старая дева, когда закрылась за ним дверь.

– Смешная старуха, – сказал мистер Джингль, шагая по коридору.

Тягостно думать о вероломстве наших ближних, а посему мы не будем распутывать клубок мыслей мистера Джингля, направившего свои стопы к Докторс-Коммонс. Для наших целей вполне достаточно, если мы сообщим, что, избежав западни драконов в белых фартуках, охраняющих вход в эту заколдованную обитель, он благополучно добрался до кабинета генерального викария и, получив в высшей степени лестное послание на пергаменте от архиепископа Кентерберийского «с наилучшими пожеланиями своим верным и возлюбленным Альфреду Джинглю и Рейчел Уордль», заботливо спрятал магический документ в карман и с торжеством направил свои стопы обратно в Боро.

Он был еще на пути к «Белому оленю», когда два толстых джентльмена и один тощий вошли во двор и огляделись по сторонам в поисках заслуживающего доверия человека, у которого можно было бы навести некоторые справки. Случилось так, что в этот самый момент мистер Сэмюел Уэллер наводил блеск на цветные отвороты сапог, являвшихся личной собственностью фермера, который после утомительных занятий на рынке Боро подкреплялся легким завтраком, состоявшим из двух-трех фунтов холодного ростбифа и одной-двух кружек портера; именно к мистеру Сэмюелу Уэллеру прямехонько подошел тощий джентльмен.

– Друг мой, – начал тощий джентльмен.

«Он, видно, любит получать советы на даровщинку, – подумал Сэм, – иначе он не воспылал бы любовью ко мне». Но вслух он сказал только:

– Что угодно, сэр?

– Друг мой, – миролюбивым тоном заговорил тощий джентльмен, – много у вас в гостинице сейчас постояльцев. Дела небось по горло, а?

Сэм украдкой посмотрел на вопрошавшего. Это был маленький сухопарый человек со смуглым высохшим лицом и беспокойными черными глазками, которые все время подмигивали и поблескивали по обеим сторонам пытливого носика, словно вели с этим органом вечную игру в прятки. Он был одет в черное, ботинки блестели у него так же, как и глаза, на нем была белоснежная рубашка с брыжами и узкий белый галстук. Из кармана для часов спускалась золотая цепочка с печатками. Черные лайковые перчатки он снял и держал в руках; раз-

говаривая, он засовывал руку под фалды фрака, с видом человека, который привык задавать труднейшие вопросы.

– Дела по горло, а? – спросил маленький человек.

– Да ничего себе, сэр, – ответил Сэм. – В трубу не вылетим, да и капитала не сколотим.

Едим вареную баранину без каперсов, а дадут жаркое – о хрене не думаем.

– Э, да вы шутник! – сказал маленький человек.

– У меня старший брат страдал этой болезнью, – заметил Сэм, – может, она прилипчива – мы, бывало, часто спали вместе.

– Занятный у вас старый дом, – продолжал маленький человек, озираясь по сторонам.

– Пришли вы нам весточку о вашем прибытии, мы бы его отремонтировали, – ответил невозмутимый Сэм.

Казалось, маленький человек был сбит с толку такими репликами, и между ним и двумя толстыми джентльменами состоялось краткое совещание. В заключение этого совещания маленький человек взял понюшку табаку из продолговатой серебряной табакерки и, видимо, собирался возобновить разговор, но тут в дело вмешался один из толстых джентльменов, который, помимо благодушной физиономии, обладал еще парю очков и парю черных гетр.

– Дело вот в чем, – сказал благодушный джентльмен, – вот этот мой друг (он указал на другого толстого джентльмена) даст вам полгинеи, если вы ответите на два-три...

– Ну-ну, уважаемый сэр... уважаемый сэр, – перебил маленький человек, – прошу покорно, уважаемый сэр, в делах такого рода нужно в первую очередь соблюдать следующий принцип: если вы передаете дело в профессиональные руки, вы никоим образом не должны вмешиваться в процесс его ведения, вы *implicite* должны оказывать ему полное доверие. В самом деле, мистер (он повернулся к другому толстому джентльмену и добавил) ... я забыл фамилию вашего друга.

– Пиквик, – подсказал мистер Уордль, ибо это был не кто иной, как сей жизнерадостный джентльмен.

– Ах, Пиквик... в самом деле, мистер Пиквик, уважаемый сэр, извините меня... я буду счастлив выслушать любое ваше приватное указание, которое вы выскажете как *amicus curiae*¹⁸, но согласитесь, что не подобает вам вмешиваться в порученное мне дело и вдобавок выставлять такой аргумент *ad captandum*¹⁹, как предложение полугинеи. В самом деле, уважаемый сэр, в самом деле... – И маленький человек взял солидную понюшку табаку и принял весьма глубокомысленный вид.

– Сэр, единственное мое желание, – сказал мистер Пиквик, – как можно скорее покончить с этим весьма неприятным делом.

– Совершенно верно, совершенно верно, – заметил маленький человек.

– И с этой целью, – продолжал мистер Пиквик, – я воспользовался аргументом, который, как подсказывает мне мое знание людей, является наиболее убедительным во всех случаях жизни.

– Правильно! – заговорил маленький человек. – Прекрасно, прекрасно, но вам следовало бы намекнуть об этом мне. Уважаемый сэр, я нимало не сомневаюсь в том, что вы можете не знать, какое беспредельное доверие надлежит оказывать человеку нашей профессии. Если необходимо в данном случае сослаться на авторитет, то разрешите мне, уважаемый сэр, напомнить вам небезызвестный казус у Барнуэлла...

– Не тревожьте Джорджа Барнуэлла, – перебил Сэм, с недоумением прислушивавшийся к этому краткому диалогу. – Все знают, какой это был казус, но мое мнение, заметьте, что

¹⁸ друг суда (*лат.*).

¹⁹ с целью завладеть (*лат.*).

молодая женщина заслужила виселицу куда больше, чем он. Ну, да все это ни туда ни сюда. Вы хотите дать мне полгинеи. Отлично, я согласен, лучше я не могу ответить, не так ли, сэр? (Мистер Пиквик улыбнулся.) А следующий вопрос вот какой: какого дьявола вам от меня нужно? – как сказал человек, когда ему явилось привидение.

– Мы хотим знать... – начал мистер Уордль.

– Э, нет, уважаемый сэр... уважаемый сэр, – перебил деловой маленький человек.

Мистер Уордль пожал плечами и умолк.

– Мы хотим знать, – торжественно начал маленький человек, – и с этим вопросом обращаемся к вам, чтобы не подымать тревоги в доме... мы хотим знать, кто у вас здесь в настоящее время проживает?

– Кто проживает в этом доме! – повторил Сэм, в воображении которого постояльцы всегда были представлены той специальной частью своего туалета, которая находилась под непосредственным его наблюдением. – Есть у нас деревянная нога в номере шестом, есть у нас пара ботфортов в тринадцатом, есть у нас две пары полусапог в торговом, есть у нас эти вот сапоги с цветными отворотами в комнатке за буфетной да еще пять пар с отворотами в столовой.

– И это все? – спросил маленький человек.

– Постойте-ка минутку! – добавил Сэм, вдруг припомнив. – Да, есть у нас к тому же пара веллингтоновских сапог, изрядно поношенных, и пара дамских башмаков – в номере пятом.

– Какие это башмаки? – быстро осведомился Уордль, который, так же как и мистер Пиквик, был приведен в недоумение своеобразным перечнем приезжих.

– Провинциальной работы, – ответил Сэм.

– Есть на них фамилия сапожника?

– Браун.

– Откуда?

– Из Магльтона.

– Это они! – воскликнул Уордль. – Клянусь небом, мы их нашли.

– Тсс! – сказал Сэм. – Веллингтоновские пошли в Докторс-Коммонс.

– Что вы! – произнес маленький человек.

– Ну да, за лицензией.

– Мы подросли как раз вовремя! – воскликнул Уордль. – Проводите нас в ее комнату, нельзя терять ни секунды.

– Умоляю вас, уважаемый сэр... умоляю вас! – перебил маленький человек. – Будьте осторожны!

Он достал из кармана красный шелковый кошелек и, извлекая соверен, пристально посмотрел на Сэма.

Сэм выразительно ухмыльнулся.

– Проводите нас без доклада, – сказал маленький человек, – а это – вам...

Сэм бросил цветные сапоги в угол и пошел по темному коридору, а затем вверх по широкой лестнице. В конце второго коридора он остановился и протянул руку.

– Получите, – прошептал поверенный, опуская монету в руку проводника.

Тот прошел еще несколько шагов, за ним следовали оба друга и их юридический советчик.

Сэм остановился у двери.

– Здесь? – шепотом спросил маленький джентльмен.

Сэм утвердительно кивнул.

Старый Уордль открыл дверь, и все трое вошли в комнату как раз в тот момент, когда мистер Джингль, который только что вернулся, показывал лицензию незамужней тетушке.

Старая дева пронзительно взвизгнула и, упав на стул, закрыла лицо руками. Мистер Джингль скомкал бумагу и сунул в карман.

Непрошенные гости вышли на середину комнаты.

– Вы... вы отъявленный негодяй, вот вы кто! – задыхаясь от гнева, вскричал Уордль.

– Уважаемый сэр, уважаемый сэр, – вмешался маленький человек, кладя шляпу на стол, – умоляю, будьте благоразумны, умоляю... Оскорбление личности... иск о возмещении убытков. Успокойтесь, уважаемый сэр, умоляю...

– Как вы смели увезти мою сестру из моего дома? – спросил пожилой джентльмен.

– Так... так... отлично, – одобрил маленький джентльмен. – Об этом вы можете спросить. Как вы смели, сэр? А, сэр?

– А вы тут какого дьявола, кто вы такой? – осведомился мистер Джингль таким свирепым тоном, что маленький джентльмен невольно попятился.

– Вы, негодяй, спрашиваете, кто он такой? – вмешался Уордль. – Это мой поверенный, мистер Перкер, из Грейз-Инна. Перкер, я этого молодца буду преследовать по закону... подам в суд... я его, я... я... я его уничтожу! А тебе, Рейчел, – продолжал мистер Уордль, резко повернувшись к сестре, – тебе, в твои годы, следовало бы быть умнее. Как это тебе взбрело в голову бежать с бродягой, опозорить семью и обречь себя на несчастье? Надевай шляпу и – домой! Сейчас же наймите карету и принесите счет этой леди, слышите... слышите?

– Слушаю, сэр, – отозвался Сэм, явившийся в ответ на неистовый звонок Уордля с быстротой, которая показалась бы чудесной всякому, кто не знал, что в продолжение этой беседы глаз Сэма не отрывался от замочной скважины.

– Надевай шляпу! – повторил Уордль.

– Не слушайте! – вмешался Джингль. – Покиньте эту комнату, сэр, – вам здесь делать нечего – леди вправе распоряжаться собой – ей больше двадцати одного года.

– Больше двадцати одного года! – презрительно воскликнул Уордль. – Больше сорока одного!

– Неправда! – завопила в ответ незамужняя тетушка, которая в порыве негодования забыла даже о своем решении упасть в обморок.

– Правда! – возразил Уордль. – Тебе все пятьдесят!

Тут незамужняя тетушка испустила громкий вопль и лишилась чувств.

– Стакан воды, – попросил добрейший мистер Пиквик, призывая хозяйку гостиницы.

– Стакан воды! – вскричал взбешенный Уордль. – Принесите ведро да окатите ее хорошенько, это ей пойдет на пользу, она получит по заслугам.

– Фуй, вы изверг! – воскликнула сердобольная хозяйка. – Ах, бедняжка!

И, восклицая на все лады: «Ну вот, вот, милочка... выпейте немножко... это поможет вам... не нужно так расстраиваться... вот умница...» и т. д. и т. д., хозяйка с помощью горничной начала смачивать уксусом лоб, похлопывать по рукам, щекотать в носу и расшнуровывать корсет незамужней тетушки, не забывая и обо всех прочих успокоительных средствах, какие обычно применяют сострадательные особы женского пола по отношению к леди, старающимся взвинтить себя до истерики.

– Карета подана, сэр, – доложил Сэм, появляясь в дверях.

– Идемте! – крикнул Уордль. – Я снесу ее вниз.

При этом предложении истерика возобновилась с удвоенной силой.

Хозяйка готова была выступить с самым энергическим протестом против такого образа действий и уже осведомилась с негодованием у мистера Уордля, не мнит ли он себя творцом вселенной, как вдруг в дело вмешался мистер Джингль.

– Коридорный, ступайте за полисменом! – сказал он.

– Пойдите, пойдите! – воскликнул маленький мистер Перкер. – Взвесьте, сэр, взвесьте...

– Нечего мне взвешивать, – возразил Джингль. – Она сама себе госпожа, посмотрим, кто посмеет ее увести, если она этого не желает.

– Я не хочу, чтобы меня уводили, – пробормотала незамужняя тетушка. – Я этого не желаю. (Снова отчаянный припадок.)

– Уважаемый сэр! – сказал вполголоса маленький человек, отводя в сторону мистера Уордля и мистера Пиквика. – Мы в весьма щекотливом положении. Прискорбный случай... да... В моей практике не было такого, но в самом деле, уважаемый сэр, не в нашей власти контролировать поступки этой леди. Я вас заблаговременно предупредил, уважаемый сэр, что нам ничего не остается, как пойти на компромисс.

Наступило непродолжительное молчание.

– Какого рода компромисс могли бы вы посоветовать? – осведомился мистер Пиквик.

– Видите ли, уважаемый сэр, наш друг очутился в неприятном положении... весьма неприятном. Нам придется пойти на некоторые денежные жертвы.

– Пойду на любые, только бы не допустить такого позора и только бы эта глупая женщина не сделала себя несчастной на всю жизнь, – заявил Уордль.

– Думаю, что дело можно уладить, – сказал суетливый человечек. – Мистер Джингль, не угодно ли вам на секунду пройти вместе с нами в другую комнату?

Мистер Джингль согласился, и квартет перешел в свободную комнату.

– Ну-с, сэр, – начал маленький человек, старательно прикрыв за собою дверь, – неужели не найдется способа уладить это дело?.. Пожалуйте сюда, сэр, на одну секунду... к этому окну, сэр, где нам двоим никто не помешает... сюда, сэр, сюда, умоляю вас, присядьте, сэр. Ну-с, уважаемый сэр, говоря между нами, мы с вами прекрасно знаем, уважаемый сэр, что вы бежали с этой леди, польстившись на ее деньги. Не хмурьтесь, сэр, не хмурьтесь, я говорю: между нами, мы с вами это знаем. Мы оба – люди бывалые, и нам прекрасно известно, что наши друзья, здесь присутствующие, не... а?

Лицо мистера Джингля постепенно прояснилось, и он даже слегка подмигнул левым глазом.

– Отлично, отлично! – продолжал маленький человек, заметив произведенное им впечатление. – А теперь запомните следующее: за исключением нескольких сот фунтов у этой леди нет ничего или почти ничего, до смерти ее матери... милейшая пожилая леди, уважаемый сэр.

– Она стара! – кратко, но выразительно вставил мистер Джингль.

– Пожалуй, – кашлянув, сказал законовед. – Вы правы, уважаемый сэр, она довольно стара. Но происходит она из древнего рода, уважаемый сэр, древнего в любом смысле этого слова. Основатель рода прибыл в Кент, когда Юлий Цезарь вторгнулся в Британию, и с той поры только один член рода не дожил до восьмидесяти пяти лет, да и то потому, что был обезглавлен одним из Генрихов. В настоящее время, уважаемый сэр, пожилой леди еще нет семидесяти трех лет.

Маленький человек приостановился и взял понюшку табаку.

– Дальше! – воскликнул мистер Джингль.

– А дальше, уважаемый сэр... не нюхаете?.. А, тем лучше... разорительная привычка... Итак, уважаемый сэр, вы красивый молодой человек, светский человек, вы могли бы создать себе положение, будь у вас деньги, а?

– Дальше, – повторил мистер Джингль.

– Вы меня понимаете?

– Не совсем.

– Не находите ли вы... уважаемый сэр, я поясню вам, не думаете ли вы... что пятьдесят фунтов и свобода более соблазнительны, чем мисс Уордль и ожидание?

– Не пройдет! Не возьму и вдвое больше, – сказал мистер Джингль, вставая.

– Ну-ну, уважаемый сэр, – запротестовал маленький юрист, удерживая его за пуговицу. – Пятьдесят фунтов – кругленькая сумма... человек с вашими способностями в одну секунду ее утроит... Поверьте мне... многое можно сделать с пятьюдесятью фунтами, уважаемый сэр.

– Еще больше со ста пятьюдесятью, – холодно возразил Джингль.

– Отлично, уважаемый сэр, не стоит тратить время на такие пустяки, – произнес маленький человек, – скажем... скажем... семьдесят.

– Не пройдет! – сказал мистер Джингль.

– Не уходите, уважаемый сэр, умоляю, не спешите, – сказал маленький человек. – Восемьдесят, идет?.. Я сейчас же выпишу чек.

– Не пройдет! – повторил мистер Джингль.

– Отлично, уважаемый сэр, отлично! – продолжал маленький человек, все еще удерживая его. – Скажите мне точно, сколько вы хотите.

– Дорогое предприятие, – произнес мистер Джингль. – Деньги из кармана – почтовые лошади девять фунтов; лицензия три – уже двенадцать – отступных сто – сто двенадцать – задета честь – потеряна леди...

– Да, уважаемый сэр, конечно, – глубокомысленно подтвердил маленький человек, – о последних двух пунктах можно и не упоминать. Так что двенадцать... ну, скажем, сто – идет?

– И двадцать, – сказал мистер Джингль.

– Довольно, довольно, я вам выпишу чек, – сказал маленький человек и для этой цели присел к столу. – Его оплатят послезавтра, а мы тем временем можем увезти леди, – добавил он, бросив взгляд в сторону мистера Уордля.

Тот сердито кивнул головой.

– Сто! – сказал маленький джентльмен.

– И двадцать! – сказал мистер Джингль.

– Уважаемый сэр! – запротестовал маленький джентльмен.

– Дайте ему, – вмешался мистер Уордль, – и пусть убирается.

Чек был выписан маленьким джентльменом и спрятан в карман мистером Джинглем.

– А теперь убирайтесь отсюда! – сказал мистер Уордль, поднимаясь с места.

– Уважаемый сэр! – снова повторил маленький человек.

– И помните, – продолжал мистер Уордль, – ничто в мире – даже забота о семье – не заставило бы меня пойти на этот компромисс, не будь я уверен в том, что в ту минуту, когда у вас в кармане очутятся деньги, вы попадете черту в лапы, пожалуй, еще быстрее, чем без денег.

– Уважаемый сэр! – снова повторил маленький человек.

– Успокойтесь, Перкер, – отозвался Уордль. – Убирайтесь вон, сэр!

– Немедленно в путь! – ответил не ведавший стыда Джингль. – Бай-бай, Пиквик!

Если бы какой-нибудь беспристрастный зритель мог наблюдать в конце этой беседы физиономию прославленного мужа, чье имя украшает заглавный лист этого произведения, он, несомненно, преисполнился бы изумлением, видя, что огонь негодования, сверкавший в его глазах, не расплавил стекол его очков, – так величествен был его гнев. Ноздри его раздулись, и кулаки невольно сжались, когда он услышал, что негодяй обращается к нему. Но он снова сдержался – он не испепелил его.

– Вот она, – продолжал закоснелый злодей, швыряя лицензию к ногам мистера Пиквика, – замените имя отвезите домой леди пригодится Таппи.

Мистер Пиквик был философ, но в конце концов философы – те же люди, только в доспехах. Стрела попала в цель, проникла сквозь его философическую броню в самое сердце. В припадке бешенства он швырнул в пространство чернильницу и ринулся вслед за нею. Но мистер Джингль исчез, а мистер Пиквик очутился в объятиях Сэма.

– Эхма! – сказал этот оригинальный слуга. – Видно, в ваших краях, сэр, мебель дешева. Самопишущие чернила, расписались за вас на стенке. Успокойтесь, сэр, что толку гнаться за человеком, которому повезло и который тем временем уже убрался на другой конец Боро?

Ум мистера Пиквика, как у всех истинно великих людей, был открыт голосу убеждения. Выводы у него были быстрые и твердые, ему достаточно было секунды размышления, чтобы убедиться в бессилии своей ярости. Его гнев угас так же быстро, как вспыхнул.

Мистер Пиквик перевел дух и благосклонным взглядом окинул своих друзей.

Говорить ли о жалобах и стенаниях, раздавшихся после того, как мисс Уордль увидела, что покинута неверным Джинглем? Извлекать ли на свет мастерское изображение этой душу раздирающей сцены, сделанное мистером Пиквиком? Перед нами – его записная книжка, которая орошена слезами, вызванными человеколюбием и сочувствием; одно слово – и она в руках наборщика. Но нет! Вооружимся стойкостью! Не будем терзать сердце читателя изображением таких страданий!

Медленно и грустно два друга и покинутая леди совершали на следующий день обратный путь в громоздкой магльтонской карете. Мрачно спустились тусклые и хмурые тени летней ночи, когда они вернулись в Дингли-Делл и остановились у ворот Мэнор-Фарм.

Глава XI,
которая заключает в себе еще одно путешествие
и археологическое открытие, оповещает о
решении мистера Пиквика присутствовать на
выборах и содержит рукопись старого священника

Мирная и покойная ночь в глубокой тишине Дингли-Делла и утренние часы, проведенные на свежем благоуханном воздухе, полностью восстановили силы мистера Пиквика, изгладив следы телесной усталости и душевных потрясений. Знаменитый муж провел двое суток в разлуке со своими друзьями и приверженцами; и человек с заурядной фантазией не может вообразить, с какой радостью и восторгом приветствовал он мистера Уинкля и мистера Снодграсса, когда встретил этих джентльменов, возвращаясь с утренней прогулки. Радость была взаимной, ибо кто мог взирать на лучезарное лицо мистера Пиквика, не испытывая при этом удовольствия? Но словно какое-то облако нависло над его спутниками; великий муж не мог его не заметить и терялся в догадках. У обоих вид был таинственный – настолько необычный, что вызывал тревогу.

– А как поживает... – начал мистер Пиквик, пожав руку своим ученикам и обменявшись горячими приветствиями, – как поживает Тапмен?

Мистер Уинкль, к которому был обращен этот вопрос, ничего не ответил. Он отвернулся и как будто погрузился в меланхолические размышления.

– Снодграсс, – настойчиво повторил мистер Пиквик, – как поживает наш друг, не болен ли он?

– Нет, – ответил мистер Снодграсс, и слеза затрепетала на его чувствительных веках, как дождевая капля на оконной раме. – Нет, он не болен.

Мистер Пиквик остановился и посмотрел на обоих своих друзей по очереди.

– Уинкль, Снодграсс, – сказал мистер Пиквик, – что это значит? Где наш друг? Что случилось? Говорите – я вас умоляю, заклинаю, нет, я требую – говорите!

В голосе мистера Пиквика слышались такая торжественность и такое достоинство, что им нельзя было противостоять.

– Он нас покинул, – сказал мистер Снодграсс.

– Покинул! – воскликнул мистер Пиквик. – Покинул!

– Покинул, – повторил мистер Снодграсс.

– Где же он? – вскричал мистер Пиквик.

– Мы можем только строить догадки на основании этого сообщения, – отозвался мистер Снодграсс, извлекая из кармана письмо и вручая его своему другу. – Вчера утром, когда было получено письмо мистера Уордля, извещавшее о том, что вы вернетесь к вечеру домой с его сестрой, меланхолия, которая еще накануне овладела нашим другом, заметно усилилась. Вскоре после этого он исчез, целый день его никто не видел, а под вечер конюх из «Короны» в Магльтоне принес это письмо. Оно было оставлено ему утром со строгим приказом не передавать до вечера.

Мистер Пиквик развернул послание. Оно было написано рукой его друга и сообщало следующее:

«Дорогой мой Пиквик,

вы, дорогой мой друг, пребываете за пределами многих человеческих недостатков и слабостей, в которых повинны простые смертные. Вы не знаете, что это значит, когда тебя поки-

дает прелестное и очаровательное создание и вдобавок ты падаешь жертвой козней негодяя, который под маской дружбы скрывал коварную усмешку. Надеюсь, вы никогда этого не узнаете.

Все письма на адрес: «Кожаная фляга», Кобем, Кент, будут мне пересланы... если я буду еще влачить существование. Я на время удалюсь от мира, который стал мне ненавистен. Если я совсем из него удалюсь... пожалейте меня, простите. Жизнь, дорогой мой Пиквик, стала для меня невыносимой. Дух, горящий в нас, подобен крюку носильщика, который поддерживает тяжелый груз мирских забот и тревог, а когда дух нам изменяет, ноша становится непосильно тяжелой. Мы падаем под ней. Можете сказать Рейчел... Ах, это имя!..

Трейси Тапмен».

– Мы должны сейчас же отсюда уехать, – сказал мистер Пиквик, складывая письмо. – После того, что произошло, нам, во всяком случае, неприлично было бы здесь оставаться, а кроме того, мы обязаны отправиться на поиски нашего друга.

И с этими словами мистер Пиквик направился к дому.

О намерении его узнали очень скоро. Настойчиво уговаривали остаться, но мистер Пиквик был непоколебим. Дела, говорил он, требуют его непосредственного участия.

При этом присутствовал старый священник.

– Неужели вы уезжаете? – спросил он, отводя в сторону мистера Пиквика.

Мистер Пиквик снова объявил о своем решении.

– В таком случае, – сказал старый джентльмен, – вот небольшая рукопись, которую я надеялся иметь удовольствие вам прочесть. После смерти одного из моих друзей, врача, служившего в убежище для умалишенных нашего графства, я нашел эту рукопись среди различных бумаг, которые имел право уничтожить или сохранить по своему усмотрению. Вряд ли рукопись является подлинной, но написана она не рукой моего друга. Как бы там ни было – подлинное ли это произведение сумасшедшего, или канвой для него послужил бред какого-нибудь несчастного (последнее предположение я считаю более вероятным), прочтите его и судите сами.

Мистер Пиквик взял рукопись и расстался с благожелательным старым джентльменом, заверив его в своем расположении и уважении.

Более трудным делом было распрощаться с обитателями Мэнор-Фарм, которые принимали их с таким радушием и добротой. Мистер Пиквик расцеловал юных леди – мы готовы были сказать: как родных дочерей, но, пожалуй, такое сравнение не совсем уместно, ибо он проявил при этом прощании, быть может, несколько больше теплоты, – и с сыновней любовью обнял старую леди, а затем благодушно потрепал по румяным щечкам служанок, сунув каждой в руку и более существенные знаки своего благоволения. Еще задушевнее и продолжительнее был обмен сердечными излияниями с добрым старым хозяином и мистером Трандлем; и трем друзьям удалось вырваться от радушных хозяев лишь тогда, когда мистер Снодграсс, которого несколько раз окликали, вынырнул, наконец, из темного коридора, откуда вскоре вслед за ним вышла Эмили (чьи блестящие глаза были необычно тусклы). Много раз оглядывались они на Мэнор-Фарм, медленно от него удаляясь, и много воздушных поцелуев послал мистер Снодграсс, заметив что-то весьма похожее на дамский носовой платок, который развевался в одном из окон верхнего этажа, пока, наконец, старый дом не скрылся за поворотом дороги.

В Магльтоне они наняли экипаж до Рочестера. К тому времени, когда они туда добрались, острота печали настолько притупилась, что не помешала им превосходно пообедать; после полудня, получив необходимые сведения, касающиеся дороги, трое друзей отправились пешком в Кобем.

Это была очаровательная прогулка: день был чудесный, июньский, а дорога шла густым, тенистым лесом, где дул прохладный ветерок, мягко шелестя в листве, и раздавалось пение птиц, сидевших на ветках. Плющ и мох толстыми гирляндами ползли по стволам старых дере-

вьев, а нежный зеленый дерн шелковым ковром устилал землю. Они вошли в парк, где высился старинный замок, построенный в причудливом и живописном стиле елизаветинской эпохи. Здесь тянулись длинные аллеи величественных дубов и вязов; большие стада ланей щипали свежую траву; изредка пробегал испуганный заяц с быстротою тени, отбрасываемой легкими облачками, которые проносились, как дыхание лета над солнечным пейзажем.

– Если бы в эти края, – заметил мистер Пиквик, озираясь по сторонам, – если бы в эти края стекались все страдающие недугом нашего друга, думаю, к ним очень скоро вернулась бы былая привязанность к миру.

– Я тоже так думаю, – сказал мистер Уинкль.

– И право же, – добавил Пиквик, когда после получасовой ходьбы они вошли в деревню, – право же, это местечко, на которое пал выбор мизантропа, является одним из приятнейших и очаровательнейших уголков, какие случалось мне видеть.

В том же духе высказались и мистер Уинкль с мистером Снодграссом.

Узнав дорогу к «Кожаной фляге», чистенькому и просторному деревенскому трактиру, три путешественника явились туда и тотчас же осведомились о джентльмене по фамилии Тапмен.

– Том, проводите этих джентльменов в гостиную, – сказала хозяйка.

Дюжий деревенский парень открыл дверь в конце коридора, и три друга вошли в длинную и низкую комнату, которая была заставлена великим множеством мягких кожаных стульев фантастической формы с высокими спинками и украшена всевозможными старыми портретами и грубо раскрашенными гравюрами, насчитывающими немало лет. В дальнем конце комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью и заставленный жареной птицей, свиной грудинкой, элем и т. п.; за столом сидел мистер Тапмен, который меньше всего был похож на человека, распрощавшегося с миром.

При виде своих друзей сей джентльмен положил нож и вилку и с горестным видом двинулся им навстречу.

– Я не надеялся видеть вас здесь, – сказал он, пожимая руку мистеру Пиквику. – Вы очень любезны!

– Ах! – произнес мистер Пиквик, садясь и вытирая со лба пот, выступивший от ходьбы. – Кончайте обедать и выйдем побродить. Я хочу побеседовать с вами наедине.

Мистер Тапмен подчинился высказанному желанию, а мистер Пиквик, освежившись солидной порцией эля, ждал, когда друг покончит с трапезой. Обед был быстро поглощен, и они вместе вышли из дому.

В течение получаса видны были их фигуры, шагавшие взад и вперед по кладбищу, пока мистер Пиквик старался сломить решение своего приятеля. Бесполезно было бы повторять его аргументы, ибо какой язык может передать ту энергию и силу, которую в них вдохнул великий человек, их породивший? Надоело ли уже мистеру Тапмену уединение, или он не в силах был устоять перед красноречивым призывом, к нему обращенным, – значения не имеет, ибо в конце концов он не устоял.

По его словам, ему мало дела до того, где он будет влачить жалкие остатки дней своих, но раз его друг придает такое значение участию его скромной особы в их скитаниях, то он готов скитаться бок о бок с ним.

Мистер Пиквик улыбнулся; они обменялись рукопожатием и пошли назад, к своим спутникам.

Вот тут-то мистер Пиквик и сделал то бессмертное открытие, которое останется навсегда предметом гордости для его друзей и зависти для археологов всех стран. Они миновали дверь своей гостиницы и прошли дальше по деревенской улице, прежде чем успели себе отдать отчет в том, где они находятся. Когда они повернули назад, взгляд мистера Пиквика упал на небольшой обломок камня, до половины ушедший в землю, перед дверью коттеджа. Он остановился.

– Очень странно, – сказал мистер Пиквик.

– Что странно? – осведомился мистер Тапмен, с любопытством разглядывая все ближайšie предметы, кроме того, о котором шла речь. – Ах, боже мой, что случилось?

Это восклицание было вызвано крайним его удивлением при виде мистера Пиквика, который, в восторге от сделанного им открытия, бросился на колени перед небольшим камнем и начал смахивать с него пыль носовым платком.

– Тут какая-то надпись, – сказал мистер Пиквик.

– Неужели? – воскликнул мистер Тапмен.

– Я различаю, – проговорил мистер Пиквик, изо всех сил продолжая тереть камень и пристально рассматривая его сквозь очки, – я различаю крест и букву Б, а потом Т. Это очень важно, – добавил он, поднимаясь с колен. – Это какая-то древняя надпись, существовавшая, быть может, задолго до того, как здесь были построены старинные богадельни. Ее нужно сохранить.

Он постучал в дверь коттеджа. Вышел работник.

– Друг мой, не знаете ли, как очутился здесь этот камень? – благосклонно осведомился мистер Пиквик.

– Не знаю, сэр, – вежливо ответил работник, – он тут лежал, когда я еще на свет не родился, да и никого из нас еще здесь не было.

Мистер Пиквик с торжеством посмотрел на своего спутника.

– Вы... вы... вряд ли им дорожите, – дрожа от волнения, проговорил мистер Пиквик. – Не согласитесь ли вы его продать?

– Да кто ж его купит? – спросил работник, и при этом на лице его появилось такое выражение, которое он считал, должно быть, лукавым.

– Я сию же минуту дам вам за него десять шиллингов, – предложил мистер Пиквик, – если вы его немедленно выкопаете для меня.

Легко себе представить изумление всей деревни, когда мистер Пиквик, не щадя сил (чтобы извлечь его на поверхность, достаточно было разок налечь на лопату), собственноручно перенес камень в гостиницу и, старательно отмыв, положил на стол.

Радость и восторг пиквикистов были безграничны, когда их терпение и настойчивость, отмыwanie и отскребывание увенчались успехом. Камень был шероховатый и с трещинами, а буквы нацарапаны криво и неровно, но часть надписи легко удалось разобрать.

+
БИЛСТ
АМ
ПСЕГ
О. Р.
УКА

Глаза у мистера Пиквика блестели от восхищения, когда он сидел и взирал на открытое им сокровище. Была достигнута желанная цель его честолюбивых стремлений. В том графстве, которое славилось обилием остатков старины, в той деревне, где еще существовали памятники далекого прошлого, он – он, президент Пиквикского клуба, – открыл странную и любопытную надпись неоспоримой древности, совершенно ускользнувшую от внимания многих ученых, которым удалось побывать здесь до него. Он едва верил своим глазам.

– Это... это заставляет меня принять решение, – сказал он. – Завтра же мы возвращаемся в Лондон.

– Завтра! – воскликнули восхищенные ученики.

– Завтра! – подтвердил мистер Пиквик. – Это сокровище должно быть немедленно доставлено туда, где его тщательно исследуют и надлежащим образом истолкуют. Есть у меня

еще одно основание для принятого мною решения. Через несколько дней в Итенсуиллском округе состоятся выборы в парламент, агентом одного из кандидатов состоит мистер Перкер, джентльмен, с которым я на днях познакомился. Мы увидим во всех подробностях и изучим зрелище, столь интересное для каждого англичанина.

– Верно! – с воодушевлением подхватили три друга.

Мистер Пиквик окинул взглядом своих друзей. Привязанность и рвение учеников зажгли в его груди огонь энтузиазма. Он был их вождь, и он чувствовал это.

– Отпразднуем это счастливое событие за стаканом доброго вина, – сказал он.

Его предложение, так же как и предыдущее, было встречено единодушными аплодисментами. Собственноручно положив драгоценный камень в маленький сосновый ящик, купленный специально для этой цели у хозяйки, мистер Пиквик поместился в кресле во главе стола; и вечер был посвящен веселью и дружеской беседе.

Был двенадцатый час – поздний час для деревушки Кобем, – когда мистер Пиквик удалился в приготовленную для него спальню. Он распахнул решетчатое окно и, поставив свечу на стол, отдался размышлениям о волнениях и суматохе последних двух дней.

Время и место благоприятствовали созерцательности. Мистер Пиквик очнулся, когда на церковных часах пробило полночь. Торжественно прозвучал в его ушах первый удар, но, когда замер бой часов, тишина показалась невыносимой; он почувствовал себя так, словно потерял друга. Нервы его были натянуты и возбуждены; торопливо раздевшись и поставив свечу на камин, он улегся в постель.

Всякий по опыту знает то неприятное душевное состояние, когда ощущение физической усталости тщетно борется с бессонницей. В таком состоянии находился мистер Пиквик; он перевернулся сначала на один бок, потом – на другой; он упорно закрывал глаза, словно уговаривая себя заснуть. Это ни к чему не привело. Было ли тому виной непривычное физическое утомление, жара, грог или незнакомая постель, но только мысли его с мучительным упорством возвращались к мрачным картинам, развешанным внизу, и к связанным с ними старинным легендам, о которых в тот вечер шла речь. Промучившись с полчаса, он пришел к неутешительному заключению, что ему все равно не заснуть, поэтому он встал и надел кое-какие принадлежности туалета. «Все лучше, чем лежать и представлять себе всякие ужасы», – подумал он. Он выглянул в окно – было очень темно. Он прошелся по комнате и почувствовал себя очень одиноким.

Несколько раз он прошел от двери до окна и от окна до двери, как вдруг вспомнил о рукописи священника. Это была блестящая мысль. Быть может, рукопись и не заинтересует его, но зато усыпит. Он достал ее из кармана и, придвинув столик к кровати, снял нагар со свечи, надел очки и приступил к чтению. Почерк был странный, а бумага покрыта пятнами. Прочтя заглавие, он вздрогнул и невольно окинул внимательным взглядом комнату. Но поразмыслив о том, как нелепо поддаваться таким чувствам, он снова снял нагар со свечи и стал читать следующее:

Рукопись сумасшедшего

«Да, сумасшедшего! Как поразило бы меня это слово несколько лет назад! Какой пробудило бы оно ужас, который, бывало, охватывал меня так, что кровь закипала в жилах, холодный пот крупными каплями покрывал кожу и от страха дрожали колени! А теперь оно мне нравится. Это прекрасное слово. Покажите мне монарха, чей нахмуренный лоб вызывает такой же страх, какой вызывает горящий взгляд сумасшедшего, монарха, чья веревка и топор так же надежны, как когти безумца. Хо-хо! Великое дело – быть сумасшедшим! На тебя смотрят, как на дикого льва сквозь железную решетку, а ты скрежещешь зубами и воешь долгой тихой

ночью под веселый звон тяжелой цепи, и катаешься, и корчишься на соломе, опьяненный этой славной музыкой! Да здравствует сумасшедший дом! О, это чудесное место!

Помню время, когда я боялся сойти с ума, когда, бывало, просыпался внезапно, и падал на колени, и молил избавить меня от проклятья, тяготевшего над моим родом, когда бежал от веселья и счастья, чтобы спрятаться в каком-нибудь уединенном месте и проводить томительные часы, следя за развитием горячки, которая должна была пожрать мой мозг. Я знал, что безумие смешано с самой кровью моей и проникло до мозга костей, знал, что одно поколение сошло в могилу, не тронутое этой страшной болезнью, а я – первый, в ком она должна возродиться. Я знал, что так должно быть, так бывало всегда, и так всегда будет, и когда я сидел в людной комнате, забившись в темный угол, и видел, как люди перешептываются, показывают на меня и посматривают в мою сторону, я знал, что они говорят друг другу о человеке, обреченном на сумасшествие, и, крадучись, я уходил и тосковал в одиночестве.

Так жил я годы, долгие-долгие годы. Здесь ночи тоже бывают иногда длинными, очень длинными; но они – ничто по сравнению с теми беспокойными ночами и страшными снами, какие снились мне в те годы. Я холодею, вспоминая о них. Большие темные фигуры с хитрыми, насмешливыми лицами прятались по всем углам комнаты, а по ночам склонялись над моей кроватью, толкая меня к безумию. Они нашептывали мне о том, что пол в старом доме, где умер отец моего отца, запятнан его кровью, пролитой им самим в припадке буйного помешательства. Я затыкал пальцами уши, но голоса визжали в моей голове, их визг звенел в комнате, вопил в моем деде – в поколении, предшествовавшем ему, безумие оставалось скрытым, но дед моего деда годы прожил с руками, прикованными к земле, дабы не мог он себя самого разорвать в клочья. Я знал, что они говорят правду, знал прекрасно. Я это открыл много лет назад, хотя от меня пытались утаить истину. Ха-ха! Меня считали сумасшедшим, но я был слишком хитер для них.

Наконец, оно пришло, и я не понимал, как мог я этого бояться. Теперь я свободно мог посещать людей, смеяться и шутить с лучшими из них. Я знал, что я сумасшедший, но они этого даже не подозревали. Как я восхищался самим собой, своими тонкими проделками, потешаясь над теми, кто, бывало, шушукался и косился на меня, когда я не был сумасшедшим, а только боялся, что когда-нибудь сойду с ума! А как весело я хохотал, когда оставался один и думал о том, как хорошо храню я свою тайну и как быстро отшатнулись бы от меня добрые мои друзья, узнай они истину! Обедая с каким-нибудь славным, веселым малым, я готов был кричать от восторга при мысли о том, как побледнел бы он и обратился в бегство, если бы узнал, что милый друг, сидевший подле него, натачивая сверкающий нож, был сумасшедшим, который имеет полную возможность, да, пожалуй, и не прочь вонзить нож ему в сердце. О, это была веселая жизнь!

Я разбогател, мне достались большие деньги, и я предался развлечениям, прелесть которых увеличивалась в тысячу раз благодаря моей тайне, столь искусно хранимой. Я унаследовал поместье. Правосудие – даже само правосудие с орлиным оком – было обмануто и в руки сумасшедшего отдало оспариваемое наследство. Где же была проницательность зорких и здравомыслящих людей? Где была сноровка юристов, ловко подмечающих малейший изъяс? Хитрость сумасшедшего всех обманула.

У меня были деньги. Как ухаживали за мной! Я тратил их расточительно. Как меня восхваляли! Как пресмыкались передо мной три гордых и властных брата! Да и старый, седовласый отец – какое внимание, какое уважение, какая преданная дружба, – о, он боготворил меня! У старика была дочь, у молодых людей – сестра, и все пятеро были бедны. Я был богат, и женившись на девушке, я увидел торжествующую усмешку, осветившую лица ее неимущих родственников, когда они думали о своем прекрасно проведенном плане и доставшейся им награде. А ведь улыбаться-то должен был я. Улыбаться? Нет, хохотать и рвать на себе волосы

и с радостными криками кататься по земле. Они и не подозревали, что выдали ее замуж за сумасшедшего.

Позвольте-ка... А если бы они знали, была ли бы она спасена? На одной чаше весов – счастье сестры, на другой – золото ее мужа. Легчайшая пушинка, которая улетает от моего дуновенья, – и славная цепь, которая теперь украшает мое тело!

Но в одном пункте я обманулся, несмотря на все мое лукавство. Не будь я сумасшедшим... ибо хотя мы, сумасшедшие, достаточно хитры, но иной раз становимся в тупик... не будь я сумасшедшим, я догадался бы, что девушка предпочла бы лежать холодной и недвижимой в мрачном, свинцовом гробу, чем войти в мой богатый, сверкающий дом невестой, которой все завидуют. Я знал бы, что ее сердце принадлежит другому – юноше с темными глазами, чье имя – я это слышал – шептала она тревожно во сне; знал бы, что она принесена мне в жертву, чтобы избавить от нищеты седого старика и высокомерных братьев.

Фигуры и лица стерлись теперь в моей памяти, но я знаю, что девушка была красива. Я это знаю, ибо в светлые лунные ночи, когда я вдруг просыпаюсь и вокруг меня тишина, я вижу: тихо и неподвижно стоит в углу этой палаты легкая и изможденная фигура с длинными черными волосами, струящимися вдоль спины и развеваемыми дуновением неземного ветра, а глаза ее пристально смотрят на меня и никогда не мигают и не смыкаются. Тише! Кровь стынет у меня в сердце, когда я об этом пишу. Это она; лицо очень бледно, блестящие глаза остекленели, но я их хорошо знаю. Она всегда неподвижна, никогда не хмурится и не гримасничает, как те, другие, что иной раз наполняют мою палату; но для меня она страшнее даже, чем те призраки, которые меня искушали много лет назад, – она приходит прямо из могилы и подобна самой смерти.

В течение чуть ли не целого года я видел, что лицо ее становится все бледнее, в течение чуть ли не целого года я видел, как скатываются слезы по ее впалым щекам, но причина была мне неизвестна. Наконец, я ее узнал. Дольше нельзя было скрывать это от меня. Она меня не любила; я и не думал, что она меня любит; она презирала мое богатство и ненавидела роскошь, в которой жила, – этого я не ждал. Она любила другого. Эта мысль не приходила мне в голову. Станные чувства овладели мной, и мысли, внушенные мне какою-то тайной силой, терзали мой мозг. Ненависти к ней я не чувствовал, однако ненавидел юношу, о котором она все еще тосковала. Я жалел, да, жалел ее, ибо холодные себялюбивые родственники обрекли ее на несчастную жизнь. Я знал – долго она не протянет, но мысль, что она еще успеет дать жизнь какому-нибудь злополучному существу, обреченному передать безумие своим потомкам, заставила меня принять решение. Я решил ее убить.

В течение многих недель я думал о яде, затем об утоплении и, наконец, о поджоге. Великолепное зрелище – величественный дом, объятый пламенем, и жена сумасшедшего, превращенная в золу. Подумайте, какая насмешка – большое вознаграждение и какой-нибудь здравомыслящий человек, болтающийся на виселице за поступок, им не совершенный! А всему причиной – хитрость сумасшедшего! Я часто обдумывал этот план, но в конце концов отказался от него. О, какое наслаждение день за днем править бритву, пробовать отточенное лезвие и представлять себе ту глубокую рану, какую можно нанести одним ударом этого тонкого, сверкающего лезвия!

Наконец, старые призраки, которые так часто посещали меня прежде, стали нашептывать, что час настал, и вложили в мою руку открытую бритву. Я крепко ее зажал, потихоньку встал с постели и наклонился над спящей женой. Лицо ее было закрыто руками. Я мягко их отвел, и они беспомощно упали ей на грудь. Она плакала – слезы еще не высохли на щеках. Лицо было спокойно и безмятежно, и когда я смотрел на нее, тихая улыбка осветила это бледное лицо. Осторожно я положил руку ей на плечо. Она вздрогнула, но это было во сне. Снова я склонился к ней. Она вскрикнула и проснулась.

Одно движение моей руки – и больше никогда она не издала бы ни крика, ни звука. Но я задрожал и отшатнулся. Ее глаза впились в мои. Не знаю, чем это объяснить, но они умилили и испугали меня; я затрепетал от этого взгляда. Она встала с постели, все еще смотря на меня пристально, не отрываясь. Я дрожал; бритва была в моей руке, но я не мог пошевелиться. Она направилась к двери. Дойдя до нее, она повернулась и отвела взгляд от моего лица. Чары были сняты. Одним прыжком я был около нее и схватил ее за руку. Она упала, испуская вопли.

Теперь я мог убить ее – она не сопротивлялась; но в доме поднялась тревога. Я услышал топот ног на лестнице. Я положил на место бритву, отпер дверь и громко позвал на помощь.

Вошли люди, подняли ее и положили на кровать. Несколько часов она лежала без сознания, а когда жизнь, зрение и речь вернулись к ней, оказалось, что она потеряла рассудок и бредила дико и иступленно.

Призвали докторов – великих людей, которые в удобных экипажах подъезжали к моей двери, на прекрасных лошадях и с нарядными слугами. Много недель они провели у ее постели. Собрались на консилиум и тихо и торжественно совещались в соседней комнате. Один из них, самый умный и самый знаменитый, отвел меня в сторону и, попросив приготовиться к худшему, сказал мне, – мне, сумасшедшему! – что моя жена сошла с ума. Он стоял рядом со мной у открытого окна, смотрел мне в лицо, и его рука лежала на моей. Одно усилие – и я мог швырнуть его вниз, на мостовую. Вот была бы потеха! Но это угрожало моей тайне, и я дал ему уйти. Спустя несколько дней мне сказали, что я должен держать ее под надзором, должен приставить к ней сторожа. Это сказали мне! Я ушел в поля, где никто не мог меня услышать, и веселился так, что хохот мой звенел в воздухе.

На следующий день она умерла. Седой старик проводил ее до могилы, а гордые братья пролили слезу над бездыханным телом той, на чьи страдания при жизни взирали с ледяным спокойствием. Все это питало тайную мою веселость, и когда мы ехали домой, я смеялся, прикрывшись белым носовым платком, пока слезы не навернулись мне на глаза.

Но хотя я достиг цели и убил ее, я был в смятении и тревоге: я чувствовал, что недалеко то время, когда моя тайна будет открыта. Я не мог скрыть дикую радость, которая бурлила во мне и заставляла меня, когда я один оставался дома, вскакивать, хлопать в ладоши, плясать и кружиться и громко реветь. Когда я выходил из дому и видел суетливую толпу,двигающуюся по улицам, или шел в театр, слушал музыку и глядел на танцующих людей, меня охватывал такой восторг, что я готов был броситься к ним, растерзать их в клочья и выть в упоении. Но я только скрежетал зубами, топал ногами, вонзал острые ногти в ладони. Я сдерживал себя, и никто еще не знал, что я сумасшедший.

Помню – и это одно из последних моих воспоминаний, ибо теперь реальное я смешиваю со своими грезами, и столько у меня здесь дела и так меня всегда торопят, что нет времени отделить одно от другого и разобраться в каком-то странном хаосе действительности и грез, – помню, как выдал я, наконец, тайну. Ха-ха! Чудится мне – я и сейчас вижу их испуганные взгляды, помню, как легко оттолкнул их и сжатыми кулаками бил по бледным лицам, а потом умчался как вихрь и оставил их, кричащих и воющих, далеко позади. Сила гиганта рождается во мне, когда я об этом думаю. Вот видите, как гнется под яростным моим напором этот железный прут. Я мог бы сломать его, как ветку, но здесь такие длинные галереи и так много дверей – вряд ли нашел бы я здесь дорогу; а если бы даже нашел, то, знаю, внизу есть железные ворота, и эти ворота они всегда держат на запоре. Они знают, каким я был хитрым сумасшедшим, и гордятся тем, что могут меня выставить напоказ.

Позвольте-ка... да, меня не было дома. Вернулся я поздно вечером и узнал, что меня ждет высокомернейший из трех ее высокомерных братьев – «по неотложному делу», сказал он. Я это прекрасно помню. Я ненавидел его так, как только может ненавидеть сумасшедший. Много раз руки мои готовы были его растерзать. Мне сказали, что он здесь. Я быстро взбежал

по лестнице. Он хотел сказать мне несколько слов. Я отослал слуг. Час был поздний, и мы остались наедине – впервые.

Сначала я старался на него не смотреть, ибо знал то, о чем он не подозревал, – и я гордился этим знанием, – знал, что огонь безумия горит в моих глазах. Несколько минут мы сидели молча. Наконец он заговорил. Мои недавние легкомысленные похождения и странные слова, брошенные мною сейчас же после смерти его сестры, были оскорблением ее памяти. Сопоставляя многие обстоятельства, которые сначала ускользнули от его внимания, он предположил, что я дурно обращался с нею. Он желал знать, вправе ли он заключить, что я хотел очернить ее память и оказать неуважение ее семье. Мундир, который он носит, обязывает его потребовать у меня объяснения.

Этот человек служил в армии и за свой чин заплатил моими деньгами и несчастьем своей сестры! Это он руководил заговором, составленным с целью поймать меня в ловушку и завладеть моим состоянием. Это он – он больше, чем кто бы то ни было, – принуждал свою сестру выйти за меня замуж, зная прекрасно, что ее сердце отдано какому-то писклявому юноше! Мундир его обязывает! Не мундир, а ливрея его позора! Я не удержался и посмотрел на него, но не сказал ни слова.

Я заметил, как изменилось его лицо, когда он встретил мой взгляд. Он был смелым человеком, но румянец сбежал с его лица, и он отодвинул свой стул. Я ближе придвинулся к нему и, засмеявшись, – мне было очень весело, – заметил, что он вздрогнул. Я почувствовал, как овладевает мною безумие. Он боялся меня.

– Вы очень любили свою сестру, когда она была жива, – сказал я, – очень любили.

Он растерянно огляделся, я видел, как его рука вцепилась в спинку стула, но он ничего не сказал.

– Вы негодай! – воскликнул я. – Я вас разгадал! Я открыл ваш дьявольский заговор, составленный против меня, я знаю, что ее сердце принадлежало другому прежде, чем вы принудили ее выйти за меня. Я это знаю, знаю!

Он вдруг вскочил, замахнулся на меня стулом и приказал мне отойти... ибо я упорно приближался к нему во время разговора.

Я не говорил, а кричал, чувствуя, что буйные страсти клокочут у меня в крови, а старые призраки шепчутся и соблазняют меня растерзать его в клочья.

– Проклятый! – крикнул я, вскакивая и бросаясь на него. – Я ее убил! Я – сумасшедший! Смерть тебе! Крови! Крови! Я жажду твоей крови.

Одним ударом я отбросил стул, который он в ужасе швырнул в меня, и мы сцепились; с тяжелым грохотом катались мы с ним по полу.

Это была славная борьба; ибо он, рослый, сильный человек, дрался, спасая свою жизнь, а я, сильный своим безумием, жаждал покончить с ним. Я знал, что никакая сила не может сравниться с моей, и я был прав. Прав, хотя и безумен! Его сопротивление ослабевало. Я придавил ему грудь коленом и крепко сжал обеими руками его мускулистую шею. Лицо у него побагровело, глаза выскакивали из орбит, и, высунув язык, он словно издевался надо мной. Я крепче сдавил ему горло.

Вдруг дверь с шумом распахнулась и ворвалась толпа, крича, чтобы задержали сумасшедшего.

Моя тайна была открыта, и все мои усилия были направлены теперь к тому, чтобы отстоять свободу. Я вскочил раньше, чем кто-либо успел меня схватить, я бросился в толпу нападающих и сильной рукой расчистил себе дорогу, словно у меня был топор, которым я рубил направо и налево. Я добрался до двери, перепрыгнул через перила, еще секунда – и я был на улице.

Я мчался во весь дух, и никто не смел меня остановить. Я слышал топот ног за собою и ускорила бег. Шум погони был слышен слабее и слабее и, наконец, замер вдали, а я все еще

несся вперед, через болота и ручьи, прыгал через изгороди и стены, с диким воплем, который был подхвачен странными существами, обступившими меня со всех сторон, и громко разнесся, пронзая воздух. Демоны несли меня на руках, они мчались вместе с ветром, сметая холмы и изгороди, и кружили меня с такой быстротой, что у меня в голове помутилось, и, наконец, отшвырнули прочь от себя, и я тяжело упал на землю. Очнувшись, я увидел, что нахожусь здесь – здесь, в этой серой палате, куда редко проникает солнечный свет, куда лунные лучи просачиваются для того только, чтобы осветить темные тени вокруг меня и эту безмолвную фигуру в углу. Бодрствуя, я слышу иногда странные вопли и крики, оглашающие этот большой дом. Что это за крики, я не знаю, но не эта бледная фигура испускает их, и она их не слышит. Ибо, как только спускаются сумерки и до первых проблесков рассвета, она стоит недвижимо, всегда на одном и том же месте, прислушиваясь к музыкальному звону моей железной цепи и следя за моими прыжками на соломенной подстилке».

В конце рукописи была сделана другим почерком следующая приписка:

«Несчастный, чей бред записан здесь, являет собой печальный пример, свидетельствующий о пагубных результатах ложно направленной – с юношеских лет – энергии и длительных излишеств, последствия которых уже нельзя было предотвратить. Бессмысленный разгул, распутство и кутежи в дни молодости вызвали горячку и бред. Результатом последнего была странная иллюзия, основанная на хорошо известной медицинской теории, энергически защищаемой одними и столь же энергически опровергаемой другими, иллюзия, будто наследственное безумие – удел его рода. Это привело к меланхолии, которая со временем развилась в душевное расстройство и закончилась буйным помешательством. Есть основания предполагать, что события, им изложенные, хотя искажены его расстроенным воображением, однако не являются его измышлением. Тем, кто знал пороки его молодости, остается лишь удивляться тому, что страсти, не обуздываемые рассудком, не привели его к совершению еще более страшных деяний».

Свеча мистера Пиквика догорала в подсвечнике в то время, как он дочитывал рукопись старого священника; а когда свет вдруг угас, даже не мигнув в виде предупреждения, спустившаяся тьма потрясла его натянутые нервы. Торопливо сбросив с себя те принадлежности туалета, которые он надел, вставая с беспокойного ложа, и пугливо оглядевшись, мистер Пиквик снова поспешно забрался под одеяло и не замедлил заснуть.

Когда он проснулся, солнце бросало яркие лучи в его комнату. Было позднее утро. Тоска, угнетавшая его ночью, рассеялась вместе с темными тенями, которые окутывали пейзаж, а мысли и чувства были светлы и радостны, как утро. После сытного завтрака четыре джентльмена в сопровождении человека, который нес камень в сосновом ящике, отправились пешком в Грейвзэнд. В этот город прибыли они к часу дня (багаж они приказали послать из Рочестера прямо в Сити), здесь им посчастливилось получить наружные места в пассажирской карете, и в тот же день они прибыли в добром здравии и расположении духа в Лондон.

Следующие три-четыре дня были посвящены приготовлениям к поездке в Итенсуилл. Так как все, что относится к этому важному предприятию, требует особой главы, то те несколько строк, какие нам остались для окончания настоящей главы, мы можем посвятить краткому изложению истории антикварной находки.

Из протоколов клуба мы узнаем, что вечером на следующий день по приезде мистер Пиквик на общем собрании клуба прочел доклад о сделанном открытии и высказал множество остроумных и ученых умозрительных догадок о смысле надписи. Из того же источника мы узнаем, что искусный художник старательно скопировал любопытные письма, выгравированные на камне, и презентовал рисунок Королевскому антикварному обществу и другим ученым корпорациям; что полемика, заострившая перья на этом предмете, породила зависть и недоброжела-

тельство и что сам мистер Пиквик написал брошюру, содержащую девятью шесть страниц самой мелкой печати и двадцать семь различных толкований надписи; что три престарелых джентльмена лишили наследства своих старших сыновей, осмелившихся усомниться в древности надписи, и что один энтузиаст преждевременно покончил все счеты с жизнью, отчаявшись постигнуть смысл этих писем; что мистер Пиквик за свое открытие был избран почетным членом семнадцати отечественных и иностранных обществ, что ни одно из семнадцати обществ ничего не могло понять в надписи, но что все семнадцать сходились в признании ее весьма достопримечательной.

Правда, мистер Блоттон – и это имя будет заклеено вечным презрением тех, кто читает все таинственное и возвышенное, – мистер Блоттон, говорим мы, проявляя недоверие и придирищность, свойственные умам низменным, позволил себе рассматривать открытие с точки зрения равно унижительной и нелепой. Мистер Блоттон, побуждаемый презренным желанием очернить бессмертное имя Пиквика, лично отправился в Кобем, а по возвращении саркастически заметил в речи, произнесенной в клубе, что он видел человека, у которого был куплен камень, что этот человек считает камень древним, но решительно отрицает древность надписи, ибо, по его словам, он сам кое-как вырезал ее в часы безделья, и из букв составляется всего-навсего следующая фраза: *«Билл Стампис, его рука»*; что мистер Стампис, не искушенный в грамоте и имевший обыкновение руководствоваться скорее звуковой стороной слов, чем строгими правилами орфографии, опустил «л» в своем имени.

Пиквикский клуб (как и следовало ожидать от столь просвещенного учреждения) принял это заявление с заслуженным презрением, исключил из состава членов самонадеянного и строптивого Блоттона и постановил преподнести мистеру Пиквику очки в золотой оправе в знак своего доверия и уважения; в ответ на что мистер Пиквик заказал написать свой портрет масляными красками и велел повесить его в зале заседаний клуба, каковой портрет, кстати, он не пожелал уничтожить, когда стал несколькими годами старше.

Мистер Блоттон был изгнан, но не побежден. Он тоже написал брошюру, обращенную к семнадцати ученым обществам, отечественным и иностранным, в которой снова изложил сделанное им заявление и весьма прозрачно намекнул, что названные семнадцать ученых обществ – «шарлатанские учреждения». Так как этим актом было вызвано моральное негодование семнадцати ученых обществ, отечественных и иностранных, то на свет появились новые брошюры; ученые общества иностранные завязывали переписку с учеными обществами отечественными; отечественные ученые общества переводили брошюры иностранных ученых обществ на английский язык; иностранные ученые общества переводили брошюры отечественных обществ на всевозможные языки; и так возникла пресловутая научная дискуссия, хорошо известная всему миру под названием «Пиквикская полемика».

Но эта низкая попытка опозорить мистера Пиквика обрушилась на голову клеветника. Семнадцать ученых обществ единогласно признали самонадеянного Блоттона невежественным придирой и с еще большим рвением стали выпускать трактаты. А камень и по сей день остается... неразгаданным памятником величия мистера Пиквика и вечным трофеем, свидетельствующим о ничтожестве его врагов.

Глава XII, *повествующая о весьма важном поступке мистера Пиквика: событие в его жизни не менее важное, чем в этом повествовании*

Помещение, занимаемое мистером Пиквиком на Госуэлл-стрит, хотя и скромное, было не только весьма опрятно и комфортабельно, но и специально приспособлено для местожительства человека его дарований и наблюдательности. Приемная его находилась во втором этаже, окнами на улицу; спальня – в третьем и также выходила на улицу; поэтому, сидел ли он за письменным столом в своей гостиной, стоял ли перед зеркалом в своей опочивальне, – равно мог он наблюдать человеческую природу во всех ее многообразных проявлениях на этой столь же населенной, сколь излюбленной населением улице. Его квартирная хозяйка, миссис Бардл – вдова и единственная душеприказчица таможенного чиновника, – была благообразной женщиной с хлопотливыми манерами и приятной наружностью, с природными способностями к стряпне, которые благодаря изучению и долгой практике развились в исключительный талант. В доме не было ни детей, ни слуг, ни домашней птицы. Единственными его обитателями, кроме миссис Бардл, были взрослый мужчина и маленький мальчик; первый – жилец, второй – отпрыск миссис Бардл. Взрослый мужчина всегда являлся домой ровно в десять часов вечера и немедленно ложился в миниатюрную кровать, помещавшуюся в задней комнате; арена же детских игр и гимнастических упражнений юного Бардла ограничивалась соседними тротуарами и сточными канавами. Чистота и покой царили во всем доме; и воля мистера Пиквика была в нем законом.

Всякому, кто был знаком с этими правилами домашнего распорядка в доме и кто хорошо знал удивительную уравновешенность мистера Пиквика, вид его и поведение утром накануне дня, назначенного дня отъезда в Итенсуилл, должны были показаться в высшей степени таинственными и необъяснимыми. Он тревожно шагал взад и вперед по комнате, чуть не через каждые три минуты высовывался из окна, все время посматривал на часы и проявлял много других признаков нетерпения, отнюдь ему не свойственного. Было ясно, что ожидается какое-то событие великой важности, но что это за событие – не имела возможности угадать сама миссис Бардл.

– Миссис Бардл! – произнес, наконец, мистер Пиквик, когда эта славная женщина закончила затянувшуюся уборку комнат.

– Сэр? – отозвалась миссис Бардл.

– Ваш мальчик очень долго не возвращается.

– Да ведь до Боро далеко, сэр, – возразила миссис Бардл.

– Да, совершенно верно, – сказал мистер Пиквик, – далеко.

Мистер Пиквик погрузился в молчание, а миссис Бардл снова принялась стирать пыль.

– Миссис Бардл, – произнес мистер Пиквик по прошествии нескольких минут.

– Сэр? – снова отозвалась миссис Бардл.

– Как вы думаете, расходы на содержание двух человек значительно превышают расходы на одного?

– Ах, мистер Пиквик! – сказала миссис Бардл, краснея до самой оборки чепца, ибо ей почудилось, будто она уловила в глазах жильца нечто вроде матримониального огонька. – Ах, мистер Пиквик, к чему этот вопрос?

– Ну, а все-таки, как вы думаете? – настаивал мистер Пиквик.

– Это зависит... – начала миссис Бардл, придвигая пыльную тряпку к самому локтю мистера Пиквика, покоившемуся на столе, – видите ли, мистер Пиквик, многое зависит от человека; если это особа бережливая и осммотрительная, сэр...

– Вы совершенно правы, – сказал мистер Пиквик, – но, мне кажется, особа, которую я имею в виду (тут он очень пристально посмотрел на миссис Бардл), наделена этими качествами; и вдобавок прекрасно знает жизнь и отличается острым умом, что может быть для меня в высшей степени полезно.

– Ах, мистер Пиквик! – повторила миссис Бардл, снова зарумянившись до оборки чепца.

– Я в этом уверен, – продолжал мистер Пиквик с возрастающей энергией, что случилось с ним всегда, когда он затрагивал интересовавшую его тему, – да, уверен, и, сказать вам правду, миссис Бардл, я уже принял решение.

– Ах, боже мой, сэр! – воскликнула миссис Бардл.

– Вам может показаться странным, – любезно заметил мистер Пиквик, бросив добродушный взгляд на свою собеседницу, – что я с вами не посоветовался и даже не заговаривал об этом до тех пор, пока не отослал сегодня утром из дому вашего сынишку, а?

Миссис Бардл могла ответить только взглядом. Давно уже боготворила она издали мистера Пиквика, а сейчас ее вдруг вознесли на вершину, до которой никогда не смели долетать даже самые нелепые и сумасбродные ее надежды. Мистер Пиквик собирается сделать ей предложение... он действует обдуманно... отослал ее мальчугана в Боро, чтобы избавиться от него... какая предусмотрительность... какое внимание!

– Ну, что же вы по этому поводу думаете? – спросил мистер Пиквик.

– О, мистер Пиквик, – отозвалась миссис Бардл, дрожа от волнения, – вы очень добры, сэр.

– Вы избавитесь от многих хлопот, не так ли? – продолжал мистер Пиквик.

– О! О хлопотах я никогда не думала, сэр, – ответила миссис Бардл, – и, конечно, я готова хлопотать больше, чем когда бы то ни было, чтобы только угодить вам. Но как вы добры, мистер Пиквик, – столько внимания к моему одиночеству.

– Совершенно верно, – сказал мистер Пиквик. – Я об этом и не подумал. Теперь вам всегда будет с кем посидеть, когда я приезжаю в Лондон. Само собою разумеется.

– Я должна считать себя очень счастливой женщиной, – заявила миссис Бардл.

– А ваш сынок... – начал мистер Пиквик.

– Да благословит его Бог! – вставила миссис Бардл, всхлипнув в приливе материнских чувств.

– Теперь и у него будет товарищ, – продолжал мистер Пиквик, – веселый товарищ, в этом я уверен, он вашего сынка за неделю обучит таким штукам, каким тот за год бы не научился. – И мистер Пиквик благодушно улыбнулся.

– Ах, мой милый... – произнесла миссис Бардл.

Мистер Пиквик вздрогнул.

– О милый, дорогой, славный мой шутник! – воскликнула миссис Бардл и без дальнейших церемоний встала со стула и обвила руками шею мистера Пиквика, сопровождая свои действия водопадом слез и всхлипов.

– Господи помилуй! – воскликнул пораженный мистер Пиквик. – Миссис Бардл, милая моя... боже мой, ну и положение... умоляю вас, будьте благоразумны. Миссис Бардл, оставьте – вдруг кто-нибудь войдет...

– О, пусть входит! – самозабвенно воскликнула миссис Бардл. – Я вас никогда не покину! Милый, славный, добрая душа! – И с этими словами миссис Бардл еще крепче обхватила мистера Пиквика.

– Помилосердствуйте! – неистово отбивался мистер Пиквик. – Я слышу, кто-то поднимается по лестнице. Оставьте меня, оставьте, это – ваш сын, оставьте...

Но как мольбы, так и протесты не достигли цели, ибо миссис Бардл потеряла сознание в объятиях мистера Пиквика, и не успел он усадить ее в кресло, как в комнату вошел юный Бардл, а вслед за ним мистер Тапмен, мистер Уинкль и мистер Снодграсс.

Мистер Пиквик ошеломлен и лишился дара речи. Он стоял, держа в объятиях драгоценную ношу, и тупо глядел на физиономии своих друзей, даже не пытаясь с ними поздороваться или дать объяснение. Те в свою очередь уставились на него, а юный Бардл, в свою очередь, уставился на всех присутствующих.

Изумление пиквикистов было так велико, а замешательство мистера Пиквика столь безгранично, что они могли бы остаться в тех же позах, пока леди не пришла в себя, если бы тому не помешало в высшей степени прекрасное и трогательное выражение сыновней привязанности со стороны ее юного отпрыска. Одетый в узкий костюм из полосатого плиса с медными пуговицами солидных размеров, он стоял сначала у двери, изумленный и растерянный; но мало-помалу в его еще незрелом мозгу зародилась мысль, будто матери был нанесен какой-то ущерб, и, считая мистера Пиквика виновником, он издал устрашающий и дикий вопль и, наклонив голову и рванувшись вперед, атаковал спину и ноги бессмертного джентльмена, награждая его ударами и щипками, какие только позволяли сила его рук и крайнее возбуждение.

– Уберите этого чертенка! – простонал измученный мистер Пиквик. – Он взбесился!

– Что случилось? – спросили три ошеломленных пиквикиста.

– Не знаю, – раздраженно ответил мистер Пиквик. – Уберите мальчика! (Тут мистер Уинкль оттащил в дальний конец комнаты занятого юнца, продолжавшего вопить и отбиваться.) А теперь помогите отвести эту женщину вниз.

– Ах, мне уже лучше... – слабо простонала миссис Бардл.

– Разрешите проводить вас вниз, – предложил всегда галантный мистер Тапмен.

– Благодарю вас, сэр... благодарю вас! – истерически выкрикнула миссис Бардл, после чего была отведена вниз вместе со своим любящим сыном.

– Постигнуть не могу, – сказал мистер Пиквик, когда его друг вернулся, – постигнуть не могу, что случилось с этой женщиной. Я объявил всего-навсего о своем намерении нанять слугу, а с ней случился весьма странный припадок, который вы изволили наблюдать. Очень странно.

– Очень! – подтвердили трое друзей.

– Поставила меня в чрезвычайно неловкое положение, – продолжал мистер Пиквик.

– Очень неловкое! – ответствовали его ученики, тихонько покашливая и недоверчиво переглядываясь.

Такое поведение не ускользнуло от внимания мистера Пиквика. Он заметил их недоверие. Ясно, что они его подозревали.

– Там, в коридоре, ждет какой-то человек, – сказал мистер Тапмен.

– Это тот самый, о котором я вам говорил, – подхватил мистер Пиквик. – Сегодня утром я посылал за ним в Боро. Снодграсс, сделайте милость, велите ему войти.

Мистер Снодграсс исполнил просьбу, и перед ними тотчас же предстал мистер Сэмюэл Уэллер.

– А... надеюсь, вы меня помните? – осведомился мистер Пиквик.

– Как не помнить! – ответил Сэм, покровительственно подмигнув. – Скверная история, но куда вам до этого типа! Нюхнул раз, два, да и...

– Сейчас это к делу не относится, – поспешно перебил мистер Пиквик. – Я хочу поговорить с вами о другом. Садитесь.

– Благодарю вас, сэр, – отозвался Сэм и, не дожидаясь вторичного приглашения, сел, положив предварительно свою старую белую шляпу на площадке за дверью. – Не очень хороша на вид, – заметил Сэм, – но удивительна в носке, и, пока не обломались поля, служила пре-

красной кровлей. Зато без них – легче, это раз, и каждая дырка дает проход воздуху, это два. Прямо скажу: это не шляпа, а сито с вентиляцией – так я ее называю!

Разразившись этой сентенцией, мистер Уэллер приятно улыбнулся всем пиквикам.

– А теперь поговорим о деле. Я за вами послал, посоветовавшись с этими джентльменами, – сказал мистер Пиквик.

– Вот именно, сэр, – вставил Сэм, – выкладывай да поживей, как сказал отец сыну, когда тот проглотил фартинг.

– Прежде всего мы хотели бы знать, – начал мистер Пиквик, – имеются ли у вас основания быть недовольным своим местом?

– Раньше чем отвечать на этот вопрос, джентльмены, – сказал Сэм, – я бы хотел прежде всего узнать, думаете ли вы предложить мне лучшее.

Луч тихого благоволения озарил лицо мистера Пиквика, давшего такой ответ:

– Я не прочь взять вас к себе на службу.

– К вам? – воскликнул Сэм.

Мистер Пиквик утвердительно кивнул.

– Жалованье? – осведомился Сэм.

– Двенадцать фунтов в год, – ответил мистер Пиквик.

– Платье?

– Две смены.

– Работа?

– Прислуживать мне и путешествовать вместе со мной и этими джентльменами.

– Снимайте билетик, – выразительно заметил Сэм, – сдан одинокому джентльмену, условия по договору.

– Значит, вы согласны? – спросил мистер Пиквик.

– Безусловно, – ответил Сэм. – Если платье будет мне впору, как и место, все сойдет.

– Вы, конечно, можете представить рекомендацию? – поинтересовался мистер Пиквик.

– Справьтесь об этом у хозяйки «Белого оленя», сэр, – отозвался Сэм.

– Можете вы прийти сегодня же вечером?

– Если платье готово, я влезу в него хоть сейчас, – с живостью заявил Сэм.

– Приходите к восьми часам вечера, – сказал мистер Пиквик, – и если рекомендация окажется удовлетворительной, о платье мы позаботимся.

Если не считать одной-единственной шалости, в которой участвовала в равной мере одна из служанок, поведение мистера Уэллера оказалось столь безупречным, что мистер Пиквик счел вполне возможным заключить соглашение в тот же вечер. Со всею стремительностью и энергией, характеризовавшими как общественную деятельность, так и частную жизнь этого замечательного человека, мистер Пиквик тотчас же повел своего нового слугу в одно из тех удобных заведений, где продается новое и поношенное мужское платье и где обходятся без затруднительной и неприятной формальности, именуемой примеркой; ночь еще не спустилась, а мистер Уэллер получил уже в свое распоряжение серый фрак с пуговицами, украшенными буквами П. К., черную шляпу с кокардой, пестрый полосатый жилет, светлые штаны и гетры и столько других необходимых вещей, что перечислить их не представляется возможным.

– Итак, – заметил сей внезапно преобразившийся субъект, заняв на следующее утро наружное место в итенсуиллской карете, – хотел бы я знать, кем полагается мне быть – лакеем, грумом, егерем или торговцем семенами! Вид у меня такой, будто я смесь всех четверых! Ну, не беда! Перемена климата, много развлечений, мало дела, и все это мне подходит при моей необыкновенной хворости. Итак, да здравствуют пиквикисты! – скажу я.

Глава XIII

Некоторые сведения об Итенсуилле: о его политических партиях и о выборах члена, долженствующего представлять в парламенте этот древний, верноподданный и патриотический город

Мы откровенно признаемся, что до того момента, пока мы не погрузились в многотомные документы Пиквикского клуба, нам никогда не приходилось слышать об Итенсуилле; с такой же искренностью мы признаемся, что тщетно искали в настоящее время доказательств действительного существования этого городка. Зная, с какой глубокой верой следует относиться к каждой заметке и заявлению мистера Пиквика, и не помышляя довериться нашей памяти в ущерб утверждениям сего великого мужа, мы обращались по интересующему нас вопросу ко всем авторитетным источникам, которые удалось нам разыскать. Мы тщательно изучали все названия, помещенные в Таблицах А и Б²⁰, но не встретили названия «Итенсуилл»; мы внимательно исследовали каждый уголок на географических картах графств, изданных в интересах общества нашими выдающимися издателями, но наши поиски не привели ни к каким результатам. Посему мы склонны предположить, что мистер Пиквик из опасения кого-нибудь обидеть и из деликатности, столь примечательной в глазах всех, кто хорошо его знал, намеренно поставил вместо настоящего вымышленное название того города, в котором производил свои наблюдения. Наше предположение подтверждается одним обстоятельством, на первый взгляд крайне незначительным и незаметным, но если на него взглянуть с указанной точки зрения, оно не может не остановить на себе внимания. В записной книжке мистера Пиквика мы можем разобрать заметку, что места для него и его учеников заказаны были в норвичской карете; но эта заметка была потом зачеркнута, словно для того, чтобы скрыть даже направление, в котором надлежало бы искать этот город. Мы не рискуем делать на этот счет никаких догадок, а непосредственно перейдем к своему повествованию, довольствуясь материалами, которыми нас снабдили его герои.

Можно думать, что население Итенсуилла, как и многих других городков, приписывало себе исключительное и особое значение и что каждый житель Итенсуилла, сознавая, сколь важен его личный пример, долгом своим почитал примкнуть душою и сердцем к одной из двух великих партий, на которые делилось население, – к партии Синих или к партии Желтых²¹.

Синие не упускали случая стать в оппозицию Желтым, а Желтые не упускали случая стать в оппозицию Синим, вследствие чего, где бы ни встречались Желтые и Синие – на публичном собрании, в зале городского совета, на рынке или на ярмарке, – споры и крепкие словечки оглашали воздух. Излишне добавлять, что благодаря этим раздорам каждый вопрос в Итенсуилле становился вопросом партийным. Если Желтые предлагали сделать новую стеклянную крышу над рынком, Синие собирали митинги и проваливали это предложение; если Синие предлагали установить новый водопроводный насос на главной улице города, Желтые восставали все как один, пораженные такой чудовищной затеей. В городе были Синие лавки и

²⁰ *Таблицы А и Б* – перечень английских городов, приложенный к закону 1832 года о выборах в парламент; в эти таблицы вошли города и населенные пункты, которым закон впервые предоставил право выбора членов парламента либо лишил этого права.

²¹ *Синие и Желтые* – в «Пиквике» синие – тори (позднее – партия консерваторов), желтые – виги (позднее – партия либералов) – две основные партии господствующих классов Англии.

Желтые лавки, Синие гостиницы и Желтые гостиницы, и даже в церкви были боковые нефы – Желтый и Синий.

Разумеется, было важно и настоятельно необходимо, чтобы у каждой из этих мощных партий был свой излюбленный печатный орган, выражавший ее мнения; соответственно в городе издавалось две газеты: «Итенсуиллская газета» и «Итенсуиллский независимый»; первая защищала принципы Синих, вторая решительно отстаивала взгляды Желтых. Прекрасные это были газеты! Что за передовые статьи и какая пламенная полемика! «Наш недостойный собрат Газета», «Это позорная и подлая газета Независимый», «Этот лживый и непристойный Независимый», «Этот злостный клеветнический листок Газета» и подобные разжигающие оскорбления были в изобилии рассеяны на столбцах каждой из них, в каждом номере, пробуждая чувства пламенного восхищения и негодования в сердцах горожан.

Мистер Пиквик, со свойственными ему прозорливостью и чутьем, избрал самый подходящий момент для посещения этого города. Никогда еще борьба партий в нем не достигала такого ожесточения. Почтенный Сэмюел Сламки из Сламки-Холла был кандидатом Синих, а Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа близ Итенсуилла, выдвинут был друзьями отстаивать интересы Желтых. «Газета» предупреждала избирателей Итенсуилла, что глаза не одной только Англии, но всего цивилизованного мира устремлены на них; а «Независимый» грозно вопрошал, остаются ли избиратели Итенсуилла по-прежнему славными гражданами, каковыми их всегда считали, или низкими и раболепными орудиями, недостойными называться англичанами и пользоваться благословенной свободой. Такого волнения в городе еще никогда не бывало.

Был поздний вечер, когда мистер Пиквик с друзьями при помощи Сэма спустились с крыши итенсуиллской кареты. Большие синие шелковые флаги развевались из окон гостиницы «Городской герб», а плакаты в каждом окне возвещали гигантскими буквами, что комитет почтенного Сэмюела Сламки заседает здесь ежедневно. Толпа зевак собралась на улице, внимая охрипшему человеку, который столь рьяно превозносил с балкона мистера Сламки, что лицо его стало пунцовым; но силу и остроту его аргументов несколько ослаблял неумолчный грохот четырех огромных барабанов, поставленных комитетом мистера Физкина на углу улицы. Рядом с этим человеком стоял маленький подвижный джентльмен; во время пауз он снимал шляпу и делал знак толпе, чтобы она аплодировала, что и было аккуратно выполняемо с большим энтузиазмом; так как краснолицый джентльмен продолжал говорить, пока его лицо не покраснелось до последней степени, то казалось, что цели он достиг с таким же успехом, как если бы кто-нибудь его слышал.

Выйдя из кареты, пиквикисты очутились среди честных и независимых, немедленно испутивших три оглушительных «ура», которые, будучи подхвачены всей толпой (ибо толпе отнюдь не обязательно знать, чем вызваны крики), разрослись в такой торжествующий рев, который заставил умолкнуть даже краснолицего человека на балконе.

– Ура! – гаркнула в заключение толпа.

– Еще разок! – крикнул маленький заправила на балконе, и толпа снова заорала, словно у нее были чуждые легкие со стальным механизмом.

– Да здравствует Сламки! – вторил мистер Пиквик, снимая шляпу.

– Долой Физкина! – орала толпа.

– Долой! – кричал мистер Пиквик.

– Ура!

И снова поднялся такой рев, словно ревел целый зверинец, как ревет он, когда слон звонит в колокол, требуя завтрак.

– Кто этот Сламки? – прошептал мистер Тапмен.

– Понятия не имею, – отозвался так же тихо мистер Пиквик. – Тсс... Не задавайте вопросов. В таких случаях надо делать то, что делает толпа.

– Но, по-видимому, здесь две толпы, – заметил мистер Снодграсс.

– Кричите с тою, которая больше, – ответил мистер Пиквик.

Фолианты – и те ничего не могли бы прибавить к этому.

Они вошли в гостиницу – горлающая толпа расступилась и пропустила их. Прежде всего надлежало позаботиться о ночлеге.

– Можем мы здесь получить постели? – спросил мистер Пиквик лакея.

– Не знаю, сэр, – ответил тот. – Боюсь, все занято, сэр. Сейчас наведу справки, сэр.

Через минуту он вернулся и спросил, Синие ли джентльмены. Так как ни мистер Пиквик, ни его друзья не были заинтересованы ни в одном из кандидатов, ответить на этот вопрос было затруднительно. Столкнувшись с такой дилеммой, мистер Пиквик вспомнил о своем новом друге, мистере Перкере.

– Вы знаете джентльмена по имени Перкер? – спросил он.

– Как же, сэр, знаю! Это – агент почтенного мистера Сэмюэла Сламки.

– Он, кажется, Синий?

– Конечно, сэр.

– В таком случае и мы Синие, – произнес мистер Пиквик; но, заметив, что лакей колеблется, услышав такое заявление, вручил ему визитную карточку и попросил тотчас же передать ее мистеру Перкеру, если он находится здесь.

Лакей ретировался и скоро вернулся, предложив мистеру Пиквику следовать за ним. Он ввел его в большую комнату во втором этаже, где за длинным столом, заваленным бумагами и книгами, восседал мистер Перкер.

– А, уважаемый сэр! – сказал маленький джентльмен, подходя к нему. – Очень рад вас видеть, уважаемый сэр, очень рад. Прошу садиться. Итак, вы не отказались от своего намерения. Вы приехали посмотреть выборы... а?

Мистер Пиквик ответил утвердительно.

– Жаркая борьба, уважаемый сэр, – заметил человек.

– Очень приятно! – сказал мистер Пиквик, потирая руки. – Очень приятно наблюдать горячий патриотизм, с какой бы стороны он ни проявлялся. Вы говорите, жаркая борьба?

– О да! – ответил человек. – Очень жаркая. Мы заняли все гостиницы в городе, а противнику оставили только пивные. Ловкий политический ход, уважаемый сэр, а?

И маленький джентльмен самодовольно усмехнулся и угостился изрядной понюшкой табаку.

– А каков может быть исход выборов? – осведомился мистер Пиквик.

– Не ясно, уважаемый сэр, в настоящее время еще не ясно. Тридцать три избирателя заперты людьми Физкина в каретном сарае «Белого оленя».

– В каретном сарае! – ахнул мистер Пиквик, пораженный этим вторым политическим ходом.

– Да, их держат под замком, пока они не понадобятся, – продолжал маленький человек. – Вы понимаете, делается это для того, чтобы мы их не завербовали; но если бы мы и добрались до них – все равно толку никакого, потому что их умышленно спаивают. Ловкий человек – агент Физкина... очень ловкий.

Мистер Пиквик широко раскрыл глаза, но не сказал ни слова.

– Тем не менее, – мистер Перкер понизил голос почти до шепота, – мы не теряем надежды. Вчера мы устроили маленькую вечеринку... сорок пять особ женского пола, уважаемый сэр... и каждой мы подарили перед уходом зеленый зонтик.

– Зонтик! – воскликнул мистер Пиквик.

– Вот именно, сэр, вот именно. Сорок пять зеленых зонтиков, семь шиллингов шесть пенсов штука. Все женщины любят украшения... поразительный эффект имели эти зонтики. Они обеспечили нам голоса всех мужей и доброй половины братьев... Это побивает чулки,

фланель и все эти пустяки. Моя идея, уважаемый сэр! В град, в дождь, в солнцепек вам не пройти по улице и десятка ярдов, не встретив с полдюжины зеленых зонтиков.

Тут маленьким джентльменом овладел припадок веселых судорог, который прекратился только при появлении третьего лица.

Это был высокий тощий мужчина с рыжеволосой головой, начавшей лысеть, и с лицом, на котором торжественное сознание собственной значительности сочеталось с бездонным глубокомыслием. Он был облачен в длинный коричневый сюртук, черный суконный жилет и мышинного цвета панталоны. На жилете у него болтался лорнет, на голове была шляпа с очень низкой тульей и широкими полями. Вошедший был представлен мистеру Пиквику как редактор «Итенсуиллской газеты» – мистер Потт.

После нескольких вступительных слов мистер Потт повернулся к мистеру Пиквику и торжественно произнес:

– Эта борьба вызывает большой интерес в столице, сэр?

– Мне кажется, вызывает, – ответил мистер Пиквик.

– Смею думать, – продолжал Потт, ища взглядом подтверждения со стороны мистера Перкера, – смею думать, что моя статья в последнем субботнем номере до известной степени этому способствовала.

– Не может быть ни малейших сомнений! – подтвердил маленький джентльмен.

– Пресса – могущественное орудие, сэр! – сказал Потт.

Мистер Пиквик выразил полнейшее согласие с этим положением.

– Но надеюсь, сэр, – продолжал Потт, – я никогда не злоупотреблял той великой властью, которой обладаю. Надеюсь, сэр, что я никогда не направлял врученного мне благородного оружия против священного лона частной жизни или в чувствительное сердце личной репутации... Надеюсь, сэр, что я посвятил свою энергию... попыткам... может быть, слабым, да, да, слабым... внушать те принципы... которые... которые...

Тут редактор «Итенсуиллской газеты», по-видимому, запутался, мистер Пиквик пришел ему на помощь и сказал:

– Ну конечно.

– Позвольте мне, сэр, – сказал Потт, – спросить вас, человека беспристрастного, как относится общественное мнение Лондона к моей борьбе с «Независимым»?

– Несомненно, с огромным интересом, – вмешался мистер Перкер с лукавой улыбкой, по всей вероятности случайной.

– Эта борьба, – продолжал Потт, – будет длиться, сколько у меня хватит сил, здоровья и той доли таланта, которой я одарен. От этой борьбы, сэр, – пусть она даже внесет смятение в умы людей и разожжет страсти, пусть они не смогут из-за нее выполнять повседневные обязанности, – от этой борьбы, сэр, я не откажусь, пока не раздавлю своей пятой «Итенсуиллский независимый». Я хочу, сэр, чтобы Лондон и вся страна знали, что на меня можно положиться, что я их не покину, что я решил биться, сэр, до конца!

– Ваше поведение, сэр, очень благородно, – произнес мистер Пиквик и пожал руку великодушному Потту.

– Я вижу, сэр, вы человек умный и талантливый, – сказал мистер Потт, едва переводя дух после пылкой патриотической декларации. – Я в высшей степени счастлив, сэр, познакомиться с таким человеком.

– А я, – ответил мистер Пиквик, – весьма польщен таким мнением. Разрешите мне, сэр, познакомить вас с моими спутниками, корреспондентами клуба, основанием которого я могу гордиться.

– Я буду в восторге, – сказал мистер Потт.

Мистер Пиквик удалился и, вернувшись со своими друзьями, представил их по всем правилам редактору «Итенсуиллской газеты».

– Теперь, дорогой мой Потт, – сказал маленький мистер Перкер, – возникает вопрос, как нам поступить с нашими друзьями.

– Полагаю, мы можем остановиться в этой гостинице, – молвил мистер Пиквик.

– В гостинице нет ни одной свободной кровати, уважаемый сэр, ни единой кровати.

– Чрезвычайно затруднительное положение, – заметил мистер Пиквик.

– Чрезвычайно! – подтвердили его спутники.

– Мне пришел в голову один план, – сказал мистер Потт, – который, мне кажется, можно с успехом привести в исполнение. В «Павлине» есть две кровати, а я беру на себя смелость заявить от имени миссис Потт, что она рада будет дать пристанище мистеру Пиквику и одному из его друзей, если два других джентльмена не возражают против того, чтобы им со слугою устроиться в «Павлине».

После некоторых настояний со стороны мистера Потта и повторных отказов со стороны мистера Пиквика, не считавшего возможным причинять неудобства или хлопоты любезной супруге мистера Потта, было решено, что это единственно осуществимый план, на каком можно остановиться. На нем и остановились, а засим, пообедав вместе в «Городском гербе», друзья расстались: мистер Тапмен и мистер Снодграсс пошли к «Павлину», а мистер Пиквик и мистер Уинкль направили свои стопы к дому мистера Потта, условившись заранее, что утром они все соберутся в «Городском гербе» и будут сопровождать процессию почтенного Сэмюэла Сламки до того места, где будут провозглашаться кандидаты.

Семейный круг мистера Потта ограничивался им самим и его женой. У всех, кого мощный гений вознес на большую высоту, обычно имеется какая-нибудь маленькая слабость, несовместимая с основными чертами их характера и тем более примечательная. Если мистер Потт имел какую-нибудь слабость, то, быть может, заключалась она в том, что он, пожалуй, слишком подчинялся влиянию своей жены, которая, не без презрения, главенствовала над ним. Мы не считаем себя вправе как-либо подчеркивать этот факт, ибо в данном случае самые пленительные уловки миссис Потт были пущены в ход для встречи двух джентльменов.

– Моя дорогая, – сказал мистер Потт, – мистер Пиквик... мистер Пиквик из Лондона.

Миссис Потт ответила на отеческое рукопожатие мистера Пиквика очаровательной улыбкой; мистер Уинкль, который вовсе не был представлен, шаркал ногами и кланялся, забытый в темном углу комнаты.

– Потт, друг мой... – сказала миссис Потт.

– Жизнь моя! – отозвался мистер Потт.

– Пожалуйста, представь другого джентльмена.

– Тысяча извинений! – произнес мистер Потт. – Разрешите... миссис Потт, мистер...

– Уинкль! – подсказал мистер Пиквик.

– Уинкль! – повторил мистер Потт, и церемония представления была закончена.

– Мы должны извиниться перед вами, сударыня, – начал мистер Пиквик, – в том, что без всякого предупреждения нарушаем ваш домашний покой.

– Прошу вас, не говорите об этом, сэр, – с живостью отвечала дражайшая половина мистера Потта. – Уверяю вас, для меня настоящий праздник увидеть новые лица! Я живу изо дня в день и неделю за неделей в этом скучном месте, никого не видя.

– Никого, дорогая моя! – лукаво воскликнул мистер Потт.

– Никого, кроме тебя, – резко отпаривала миссис Потт.

– Знаете, мистер Пиквик, – сказал хозяин в пояснение к жалобе своей жены, – мы до известной степени лишены многих развлечений и удовольствий, которыми могли бы пользоваться при иных условиях. Мое общественное положение редактора «Итенсуиллской газеты», тот вес, каким эта газета пользуется в стране, мое постоянное пребывание в водовороте политики...

– Пи, друг мой... – перебила миссис Потт.

– Жизнь моя... – отозвался редактор.

– Мне бы хотелось, друг мой, чтобы ты попробовал найти какую-нибудь тему для разговора, в которой джентльмены могли бы принять участие.

– Но, милочка... – с великим смирением возразил мистер Потт, – мистер Пиквик этим интересуется.

– И благо ему, если он может этим интересоваться, – выразительно сказала миссис Потт. – А мне до смерти надоела ваша политика, ссоры с «Независимым» и весь этот вздор. Я просто удивляюсь, Пи, что ты лезешь со своими глупостями!

– Но, дорогая моя... – начал мистер Потт.

– Ах, вздор, и слушать не хочу, – прервала миссис Потт. – Вы играете в экарте, сэр?

– Я буду счастлив научиться под вашим руководством, – ответил мистер Уинкль.

– В таком случае придвиньте вон тот столик к окну, чтобы я не слыхала больше об этой прозаической политике.

– Джейн, – сказал мистер Потт служанке, которая внесла свечи, – пойдите вниз в контору и принесите мне пачку номеров «Газеты» за тысяча восемьсот двадцать восьмой год. Я хочу прочесть вам, – добавил редактор, обращаясь к мистеру Пиквику, – я хочу прочесть вам сейчас несколько передовых статей, которые я написал в то время о затее Желтых, задумавших назначить нового сборщика пошлин у одной из наших застав... Полагаю, они вас развлекут.

– Да, мне бы очень хотелось послушать, – сказал мистер Пиквик.

Была доставлена пачка газет, и редактор сел рядом с мистером Пиквиком.

Мы тщетно рылись в записной книжке мистера Пиквика в надежде найти хотя бы краткое изложение этих прекрасных статей. Мы имеем все основания предполагать, что он был в полном восхищении от силы и свежести их стиля; во всяком случае, мистер Уинкль отметил тот факт, что глаза мистера Пиквика были закрыты, как бы от чрезмерного удовольствия, все время, пока длилось чтение.

Приглашение к ужину положило конец игре в экарте и ознакомлению с красотами «Итенсуиллской газеты». Миссис Потт была в прекраснейшем состоянии духа и в высшей степени любезна. Мистер Уинкль успел в значительной мере снискать ее расположение, и она не задумалась сообщить ему конфиденциально, что мистер Пиквик – «прелестный старичок». Это выражение отличается фамильярностью, которую очень немногие из тех, кто был близко знаком с этим колоссального ума человеком, осмелились бы себе позволить. Однако мы его сохранили, ибо оно является трогательным и убедительным показателем того уважения, с каким относились к нему все слои общества, и той легкости, с какой он находил путь ко всем сердцам и чувствам.

Был поздний час – много времени спустя, после того как мистер Тапмен и мистер Снодграсс заснули в сокровенных тайниках «Павлина», – когда два друга удалились на отдых. Дремота вскоре окутала сознание мистера Уинкля, но его чувства были взбудоражены и восхищение зажжено; и в течение многих часов, когда сон стер для него восприятие всех земных предметов, лицо и фигура любезной миссис Потт рисовались снова и снова его смятенному воображению.

Шум и суета, возвестившие о наступлении утра, могли вытеснить из головы самого романтического мечтателя в мире все ассоциации, кроме тех, которые непосредственно связывались с быстро приближавшимися выборами. Бой барабанов, звуки рожков и труб, крики людей и топот лошадей гулко проносились вдоль улиц с самого рассвета, а случайные стычки между застрельщиками обеих партий оживляли приготовления и вместе с тем приятно их разнообразили.

– Ну, Сэм, – сказал мистер Пиквик своему камердинеру, появившемуся в дверях спальни, когда он заканчивал свой туалет, – сегодня, кажется, весь город на ногах.

– Сушая потеха, сэр, – отвечал мистер Уэллер. – Наши собрались в «Городском гербе» и уже надорвали себе глотки.

– А! – сказал мистер Пиквик. – До такой степени они преданы своей партии, Сэм?

– В жизни не видал такой преданности, сэр.

– Деятельные люди? – спросил мистер Пиквик.

– На редкость, – ответил Сэм. – Еще никогда не видал, чтобы люди столько ели и пили. Дивлюсь, как они не боятся лопнуть.

– Это излишняя доброта здешних помещиков, – заметил мистер Пиквик.

– Похоже на то, – коротко ответил Сэм.

– Они производят впечатление славных, свежих, здоровых, ребят, – сказал мистер Пиквик, выглядывая из окна.

– Еще бы не свежих, – отозвался Сэм, – я с двумя лакеями из «Павлина» здорово откачивал независимых избирателей после их вчерашнего ужина.

– Откачивали независимых избирателей! – воскликнул мистер Пиквик.

– Ну да, – ответил его слуга, – спали, где упали, утром мы вытащили их одного за другим и – под насос, а теперь они, регулярно, в полном порядке. По шиллингу с головы комитет выдал за эту работу.

– Быть не может! – воскликнул пораженный мистер Пиквик.

– Помилуй бог, сэр, – сказал Сэм, – где же это вас крестили, да не докрестили? Да это еще пустяки.

– Пустяки? – повторил мистер Пиквик.

– Сущие пустяки, сэр, – отвечал слуга. – Вечером накануне последних выборов противная партия подкупила служанку в «Городском гербе», чтобы она фокус-покус устроила с грогом четырнадцати избирателям, которые остановились в гостинице и еще не голосовали.

– Что значит устроить фокус-покус с грогом? – осведомился мистер Пиквик.

– Подлить снотворного, – отвечал Сэм. – Будь я проклят, если она не усыпила их всех так, чтоб они опоздали на двенадцать часов к выборам! Одного для пробы положили на носилки и доставили к палатке, где голоса подавались, да не прошло – не допустили голосовать! Тогда его отправили обратно и опять уложили в постель.

– Странные приемы, – сказал мистер Пиквик, не то разговаривая сам с собой, не то обращаясь к Сэму.

– И наполовину не такие странные, сэр, как одно чудесное происшествие, что случилось с моим собственным отцом во время выборов в этом самом городе, – отозвался Сэм.

– А что такое? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– А вот, ездил он сюда прежде с каретой, – начал Сэм, – подошли выборы, одна партия и наняла его доставить избирателей из Лондона. Вечером, накануне отъезда, комитет другой партии посылает за ним потихоньку, он идет за посланным, тот вводит его в большую комнату... множество джентльменов, горы бумаг, перья, чернила и все такое. «А, мистер Уэллер, – говорит джентльмен, сидящий в кресле, – очень рад вас видеть, сэр, как поживаете?» – «Очень хорошо, благодарю вас, сэр, – говорит отец, – надеюсь, и вы чувствуете себя недурно?» – «Ничего себе, благодарю вас, сэр, – говорит джентльмен, – присаживайтесь, мистер Уэллер... пожалуйста, присаживайтесь, сэр». Вот отец присаживается, и устались они с джентльменом друг на друга. «Вы меня не помните?» – говорит джентльмен. «Не могу сказать, чтобы помнил», – говорит отец. «О, я вас знаю, – говорит джентльмен, – знал вас, когда вы мальчиком были», – говорит он. «Ну, а я вас не помню», – говорит отец. «Это очень странно», – говорит джентльмен. «Очень», – говорит отец. «Должно быть, у вас плохая память, мистер Уэллер», – говорит джентльмен. «Да, память очень плохая», – говорит отец. «Я так и думал», – говорит джентльмен. Ну, тут наливает он ему стакан вина и обхаживает его, говорит, как он, мол, хорошо лошадьми правит; отец, регулярно, разошелся, а под конец тот сует ему в руку билет в двадцать

фунтов. «Очень плохая дорога отсюда до Лондона», – говорит джентльмен. «Местами дорога тяжелая», – говорит отец. «Особенно около канала, кажется», – говорит джентльмен. «Место пакостное, это правильно», – говорит отец. «Ну-с, мистер Уэллер, – говорит джентльмен, – мы знаем, что кучер вы прекрасный и с лошадьми можете сделать что хотите. Все мы вас очень любим, мистер Уэллер, так что если произойдет несчастный случай, когда вы повезете сюда этих вон избирателей, и если они вывалятся в канал без вредных последствий, так эти деньги берите себе», – говорит он. «Джентльмен, вы очень добры, – говорит отец, – и за ваше здоровье я выпью еще стакан вина», – говорит он. Выпил, а потом спрятал деньги и откланялся. Вы не поверите, сэр, – продолжал Сэм, с невыразимым бесстыдством глядя на своего хозяина, – что в тот самый день, как поехал он с этими избирателями, его карета и опрокинулась на том вот самом месте, и все до единого высыпались в канал.

– И все они благополучно выбрались оттуда? – быстро спросил мистер Пиквик.

– Как же... – очень медленно отвечал Сэм, – похоже на то, что одного старого джентльмена недосчитались, знаю, что нашли его шляпу, а не совсем уверен, была при ней его голова или нет. Но вот тут-то самое странное и удивительное совпадение, по-моему: после того, что сказал этот джентльмен, карета отца опрокинулась на том самом месте и в тот самый день!

– Да, несомненно, это очень странное обстоятельство, – сказал мистер Пиквик. – Но почистите-ка мне шляпу, Сэм, я слышу, что мистер Уинкль зовет меня завтракать.

С этими словами мистер Пиквик спустился в гостиную, где увидел, что завтрак подан и семья в сборе. Позавтракали на скорую руку; у каждого джентльмена шляпа была украшена огромной синей кокардой, сделанной прелестными ручками самой миссис Потт; так как мистер Уинкль вызвался сопровождать эту леди на крышу дома, смежного с платформой, то мистер Пиквик и мистер Потт отправились вдвоем в «Городской герб», где из заднего окна один из членов комитета мистера Сламки обращался с речью к шести мальчишкам и одной девочке, величая их непрестанно внушительным титулом «мужей итенсуиллских», на что шесть вышеупомянутых мальчишек отвечали громкими криками.

Конный двор недвусмысленно свидетельствовал о славе и могуществе итенсуиллских Синих. Здесь была целая армия синих флагов – одни с одним древком, другие с двумя демонстрировали подobaющие лозунги золотыми буквами в четыре фута длиною и соответствующей толщины. Здесь был большой оркестр из труб, фаготов и барабанов, по четыре музыканта в ряду; они добросовестно зарабатывали свои деньги, в особенности очень мускулистые барабанщики. Здесь были отряды констеблей с синими жезлами, двадцать членов комитета с синими шарфами и толпа избирателей с синими кокардами. Здесь были избиратели верхом и избиратели пешие. Здесь была открытая коляска, запряженная четверкой, для почтенного Сэмюэла Сламки; и здесь были четыре коляски, запряженные парой, для его друзей и приверженцев. Флаги шелестели, оркестр играл, констебли ругались, двадцать членов комитета препирались, толпа орала, лошади пятились, форейторы потели; все и всё, что здесь собралось, старались исключительно ради пользы, выгоды, чести и славы почтенного Сэмюэла Сламки, из Сламки-Холла, одного из кандидатов для представительства города Итенсуилла в палате общин парламента Соединенного Королевства.

Долго и громко раздавались крики «ура», и величественно шелестело одно из синих знамен с начертанными на нем словами: «Свобода печати», когда рыжая голова мистера Потта была замечена в одном из окон стоявшею внизу толпою; и безгранично возрос энтузиазм, когда сам почтенный Сэмюэл Сламки, в сапогах с отворотами и в синем галстуке, выступил вперед, пожал руку вышеназванному Потту и мелодраматическими жестами демонстрировал перед толпой свою несказанную признательность «Итенсуиллской газете».

– Все ли готово? – спросил почтенный Сэмюэл Сламки мистера Перкера.

– Все, уважаемый сэр, – был ответ маленького джентльмена.

– Ничего, надеюсь, не забыли? – сказал почтенный Сэмюэл Сламки.

– Все сделано, уважаемый сэр, все до последней мелочи. На улице у двери находятся двадцать человек, хорошо вымытых, вы им пожмете руки, и шестеро грудных младенцев – вы их погладите по головке и спросите, сколько каждому из них месяцев. Будьте особенно внимательны к детям, уважаемый сэр, не забывайте, что это всегда производит огромное впечатление.

– Я об этом позабочусь, – сказал почтенный Сэмюел Сламки.

– И пожалуй, уважаемый сэр, – добавил предусмотрительный маленький человек, – пожалуй, если бы вы могли – я не говорю, что это обязательно, – но если бы вы могли поцеловать одного из них, это произвело бы огромное впечатление на толпу.

– Разве не тот же получится эффект, если это сделает проponent²² или секундант? – осведомился почтенный Сэмюел Сламки.

– Боюсь, что нет, – отвечал агент, – если вы это сами сделаете, уважаемый сэр, мне кажется, это создаст вам большую популярность.

– Очень хорошо, – покорно произнес почтенный Сэмюел Сламки, – значит, это должно быть сделано. Вот и все.

– Стройтесь в процессию! – кричали двадцать членов комитета.

Под восторженные крики собравшейся толпы оркестр, констебли, члены комитета, избиратели, всадники и экипажи заняли свои места; в коляски влезло столько джентльменов, сколько могло уместиться в них стоя; а экипаж, предназначенный для мистера Перкера, вместил еще мистера Пиквика, мистера Тапмена и мистера Снодграсса, не считая полудюжины членов комитета.

Наступил момент страшного напряжения, когда процессия ждала, чтобы почтенный Сэмюел Сламки вошел в свой экипаж. Вдруг толпа разразилась громкими криками «ура».

– Вышел! – сказал маленький мистер Перкер чрезвычайно возбужденно, тем более что занимаемая ими позиция лишала его возможности видеть, что происходит впереди.

Новые «ура», еще громче.

– Пожимает руки! – крикнул маленький агент.

Новые «ура», еще сильнее.

– Гладит детей по головке, – сказал мистер Перкер, дрожа от волнения.

Взрыв аплодисментов потрясает воздух.

– Целует ребенка! – восхищенно воскликнул маленький джентльмен.

Второй взрыв.

– Целует другого! – задышался взволнованный агент.

Третий взрыв.

– Целует всех! – взвизгнул восторженный маленький джентльмен.

И приветствуемая оглушительными криками толпы, процессия тронулась в путь.

Каким образом и по каким причинам она смешалась с другой процессией и как в конце концов выпуталась из сумятицы, за этим воспоследовавшей, описывать мы не беремся, тем более что в самом начале суматохи шляпа мистера Пиквика одним толчком древка желтого знамени была нахлобучена ему на глаза, нос и рот. Когда ему удавалось хоть что-то разглядеть, пишет он, вокруг себя он видел злобные физиономии, огромное облако пыли и густую толпу сражающихся. Он описывает, как был выброшен из экипажа какою-то невидимой силой и лично принял участие в кулачной расправе, но с кем, как и почему – он решительно не в состоянии установить. Затем он почувствовал, как стоявшие сзади подтолкнули его на какие-то деревянные ступеньки, и, водрузив шляпу на место, он оказался в кругу друзей в самых первых рядах левого крыла платформы. Правое было предоставлено партии Желтых, а центр

²² Член комитета, предлагавший кандидата в парламент; это предложение должно было быть поддержано вторым лицом – «секундантом».

– мэру и его чиновникам, один из коих – толстый герольд Итенсуилла – звонил в колокольчик необычайных размеров, дабы воцарилась тишина. Тем временем мистер Горацио Физкин и почтенный Сэмюел Сламки, прижимая руки к сердцу, кланялись с величайшей приветливостью взбаламученному морю голов, затопившему открытое перед ними пространство, откуда поднималась такая буря стонов, криков, воплей и улюлюканья, которая сделала бы честь землетрясению.

– А вот и Уинкль! – сказал мистер Тапмен, потянув своего друга за рукав.

– Где? – спросил мистер Пиквик, надевая очки, которые, по счастью, хранил до сей поры в кармане.

– Вон там, – ответил мистер Тапмен, – на крыше того дома.

И действительно, в свинцовом желобе черепичной крыши комфортабельно восседали на двух стульях мистер Уинкль и миссис Потт, размахивая носовыми платками в знак приветствия, – любезность, на которую мистер Пиквик ответил, послав леди воздушный поцелуй.

Процедура еще не началась; а так как праздная толпа обычно расположена к шуткам, то достаточно было этого невинного поступка, чтобы их вызвать.

– Ах он старый греховодник, – кричал чей-то голос, – волочится за девчонками!

– Ого, достопочтенный плут! – подхватил другой.

– Напятил очки – замужнюю женщину разглядывать! – кричал третий.

– Да он подмигивает ей своим блудливым глазом! – орал четвертый.

– Присматривай за женою, Потт! – ревел пятый.

За этим последовал взрыв смеха.

Так как эти насмешки сопровождались возмутительными сравнениями мистера Пиквика со старым бараном и различными остротами в таком же духе и вдобавок угрожали задеть репутацию ни в чем не повинной леди, возмущение мистера Пиквика достигло наивысшей степени; но в эту минуту раздался призыв к соблюдению тишины, и он удовлетворился тем, что опалил толпу взглядом, выражавшим сожаление о такой развращенности их умов; в ответ на это раздался еще более буйный хохот.

– Тише! – орали спутники мэра.

– Уиффин, водворите спокойствие! – распорядился мэр с торжественным видом, приличествующим его высокому положению.

Подчиняясь приказанию, герольд исполнил второй концерт на колокольчике, после чего какой-то джентльмен в толпе крикнул: «Пышки, пышки!» – что послужило поводом к новому взрыву смеха.

– Джентльмены! – выкрикнул мэр, напрягая изо всех сил голос. – Джентльмены! Собратья, избиратели города Итенсуилла! Мы сошлись здесь сегодня, чтобы избрать представителя на место нашего покойного...

Тут речь мэра была прервана голосом из толпы.

– Да здравствует мэр! – кричал кто-то. – И пускай он не покидает своей скобяной лавки, где выколачивает денежки!

Этот намек на профессиональные занятия оратора был встречен бурей восторга, которая под аккомпанемент колокольчика заглушила продолжение речи оратора, за исключением последней фразы, выражавшей благодарность собравшимся за терпеливое внимание, с которым они выслушали его от начала до конца, каковое изъяснение благодарности вызвало новый взрыв ликования, не затихавший в течение четверти часа.

Засим высокий худой джентльмен в белом и очень жестком галстуке, после настойчивых пожеланий толпы, чтобы он «послал домой узнать, не оставил ли он свой голос под подушкой», попросил разрешения назвать самое подходящее лицо для представительства в парламенте. И когда он провозгласил, что таковым является Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, близ Итенсуилла, физикинисты заплодировали, а сламкисты орали так долго и так оглушительно,

что и он и секундант могли бы с успехом вместо речи затянуть веселые куплеты – никто бы этого и не заметил.

После того как друзья Горацио Физкина, эсквайра, закончили свое выступление, невысокий раздражительный краснолицый джентльмен вышел вперед и предложил другое самое подходящее лицо для представительства в парламенте от избирателей Итенсуилла; и краснолицый джентльмен преуспел бы в этом как нельзя лучше, не будь он слишком раздражителен, чтобы должным образом отвечать на веселье толпы. Но после нескольких выразительных фраз краснолицый джентльмен перешел от изобличения тех голосов в толпе, которые его прерывали, к обмену дерзостями с джентльменами на платформе; вслед за сим поднялся такой рев, который привел его к необходимости выразить свои чувства энергической пантомимой, что он и сделал, уступая место секунданту, который читал речь по рукописи в течение получаса, и его нельзя было остановить, потому что он передал ее уже в «Итенсуиллскую газету», и «Итенсуиллская газета» напечатала ее от слова до слова.

Затем Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, близ Итенсуилла, появился собственной персоной, чтобы лично обратиться к избирателям. Едва он выступил, как оркестр, нанятый почтенным Сэмюелом Сламки, заиграл с такой силой, в сравнении с которой утренняя его энергия была ничтожна; в ответ на это Желтая толпа начала обрабатывать головы Синей толпы, а Синяя толпа попыталась освободиться от неприятного соседства Желтой толпы; после чего последовала толкотня, борьба и свалка, воздать должное коим мы можем не в большей мере, чем мог воздать мэр, хотя он и отдал строгий приказ двенадцати констеблям схватить зачинщиков, число которых простиралось примерно до двухсот пятидесяти человек. По мере развития этих событий ярость и бешенство Физкина, эсквайра из Физкин-Лоджа, и его друзей возрастали, пока, наконец, Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, не обратился с вопросом к своему противнику, почтенному Сэмюелу Сламки из Сламки-Холла, не играет ли оркестр с его согласия, и когда почтенный Сэмюел Сламки уклонился от ответа, Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, потряс кулаком перед лицом почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-Холла; после чего почтенный Сэмюел Сламки, чья кровь вскипела, вызвал Горацио Физкина, эсквайра, на смертный поединок. При этом нарушении всех известных правил и прецедентов мэр скомандовал исполнить новую фантазию на председатelsком колокольчике и объявил, что прикажет привести к себе обоих – Горацио Физкина, эсквайра из Физкин-Лоджа, и почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-Холла – и заставит их поклясться в сохранении мира. В ответ на это грозное предостережение в дело вмешались сторонники обоих кандидатов, и после того как приверженцы двух партий проспорили друг с другом в течение трех четвертей часа, Горацио Физкин, эсквайр, коснулся своей шляпы и взглянул на почтенного Сэмюела Сламки; почтенный Сэмюел Сламки коснулся своей шляпы и взглянул на Горацио Физкина, эсквайра; оркестр умолк; толпа несколько успокоилась, и Горацио Физкину, эсквайру, было позволено продолжать свою речь.

Речи обоих кандидатов, хотя и отличались одна от другой во всех прочих отношениях, воздавали цветистую дань заслугам и высоким достоинствам итенсуиллских избирателей. Каждый выражал убеждение, что более независимых, более просвещенных, более горячих в делах общественных, более благородно мыслящих, более неподкупных людей, чем те, кто обещал за него голосовать, еще не видел мир; каждый туманно высказывал свои подозрения, что избиратели, действующие в противоположных ему интересах, обладают скотскими слабостями и одурманенной головой, лишаящей их возможности выполнить важнейшие обязанности, на них возложенные. Физкин выразил готовность делать все, что от него потребуют; Сламки – твердое намерение не делать ничего, о чем бы его ни просили. Оба говорили о том, что торговля, промышленность, коммерция, процветание Итенсуилла ближе их сердцам, чем что бы то ни было на свете; и каждый располагал возможностью утверждать с полной уверенностью, что именно он – тот, кто подлежит избранию.

Был произведен подсчет поднятых рук; мэр решил в пользу почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-Холла. Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, потребовал поименной подачи голосов, и поименная подача голосов была назначена. Засим голосовали выражение благодарности мэру за то, что он безупречно председательствовал, а мэр, искренне желая безупречно председательствовать (ибо в течение всей церемонии он стоял), поблагодарил собравшихся. Процессии перестроились, экипажи медленно проехали сквозь толпу, а толпа, отдаваясь своим чувствам, вопила и кричала вслед все, что ей заблагорассудится.

Пока происходили выборы, город пребывал в лихорадочном возбуждении. Все было проведено в самом либеральном и очаровательном стиле. Продукты, подлежащие акцизу, продавались во всех трактирах удивительно дешево, рессорные фургоны разъезжали по улицам для удобства избирателей, охваченных временным головокружением, – эта эпидемия распространилась среди избирателей во время избирательной борьбы в самых устрашающих размерах, вследствие чего на каждом шагу можно было видеть избирателя, возлежавшего на мостовой в состоянии полного бесчувствия. Небольшая группа избирателей воздерживалась от участия в избирательной кампании до самого последнего момента. Это были расчетливые и рассудительные люди, все еще не убежденные доводами ни одной из партий, хотя они и совещались часто с обеими. За час до конца подачи голосов мистер Перкер стал домогаться чести приватного свидания с этими людьми, понятливыми, благородными; согласие на свидание было дано. Доводы мистера Перкера были кратки, но убедительны. Эти люди отправились к месту подачи голосов всей группой; а когда избиратели оттуда выбрались, почтенный Сэмюел Сламки из Сламки-Холла оказался выбранным.

Глава XIV, *содержащая краткое описание компании, собравшейся в «Павлине», и повесть, рассказанную торговым агентом*

От созерцания борьбы и сутолоки политической жизни приятно обратиться к безмятежному покою жизни семейной. Не будучи по существу рьяным приверженцем ни единой из партий, мистер Пиквик тем не менее заразился энтузиазмом мистера Потта настолько, что все свое время и внимание отдавал делам, описание которых дано в последней главе, составленной на основании его собственных заметок. Пока он был поглощен этим занятием, не терял времени даром и мистер Уинкль, – он посвящал его приятным прогулкам и маленьким загородным экскурсиям с миссис Потт, не упускавшей случая скрасить томительное однообразие жизни, на которое она постоянно жаловалась. Таким образом, оба эти джентльмена прижились в доме редактора, в то время как мистер Тапмен и мистер Снодграсс были в значительной степени предоставлены самим себе. Питая весьма слабый интерес к делам общественным, они коротали свой досуг главным образом за теми развлечениями, какие можно было найти в «Павлине» и которые ограничивались китайским бильярдом, находившимся в первом этаже, и кегельбаном, удаленным на задний двор. В тайну и прелесть этих двух игр, куда более туманных, чем предполагают простые смертные, посвятил их мистер Уэллер, в совершенстве постигший такого рода забавы. Благодаря этому они могли коротать время и не ощущать гнетущей его тяжести, хотя и были большей частью лишены полезного и приятного общества мистера Пиквика.

Однако всего занятнее бывало в «Павлине» по вечерам, что заставляло двух друзей отклонять даже приглашения даровитого, хотя и скучного Потта. Как раз по вечерам «коммерческая комната» служила местом сборища для кружка людей, чьи характеры и нравы с наслаждением наблюдал мистер Тапмен, чьи слова и дела имел обыкновение заносить в свою книжку мистер Снодграсс.

Всем известно, что такое комнаты для торговых агентов. Комната в «Павлине» по существу ничем не отличалась от такого рода помещений: иными словами, это была большая комната, скудно убранная, обстановка которой в прежние времена была несомненно лучше, чем теперь, – с огромным столом посредине и множеством столиков по углам, с обширной коллекцией разнокалиберных стульев и старым турецким ковром, который занимал в этой просторной комнате столько же места, сколько занял бы дамский носовой платок, разостланный на полу караульни. Две-три огромные географические карты украшали стены; в углу на длинном ряде колышков болтались неуклюжие, пострадавшие от непогоды балахоны с замысловатыми капюшонами. Каминная полка была украшена деревянной чернильницей с огрызком пера внутри и с половинкой облатки на ней, путеводителем и адресной книгой, историей графства без переплета и останками форели в стеклянном гробу. Воздух был насыщен табачным дымом, который придавал грязноватую окраску всей комнате, а в особенности пыльным красным занавескам на окнах. Буфетная служила пристанищем для самых разнообразных предметов, среди которых наибольшее внимание обращали на себя судок с очень мутной соей, кбзлы, два-три кнута, столько же дорожных пледов, поднос с ножами и вилками и горчица.

Здесь-то и пребывали мистер Тапмен и мистер Снодграсс вечером по окончании выборов, вместе с другими временными обитателями гостиницы проводя досуг за курением и выпивкой.

– Ну-с, джентльмены, – сказал дородный, крепкий мужчина лет сорока, об одном глазе – очень блестящем черном глазе, который поблескивал и плутовски и добродушно, – ну-с,

джентльмены, выпьем за наши собственные благородные особы. Я всегда предлагаю компании этот тост, а сам пью за здоровье Мэри. Верно, Мэри?

– Не приставайте ко мне, противный! – отозвалась служанка, явно польщенная комплиментом.

– Не уходите, Мэри, – продолжал человек с черным глазом.

– Отстаньте, нахал! – оборвала юная особа.

– Не горюйте, Мэри! – крикнул одноглазый, когда девушка вышла из комнаты. – Скоро я к вам приду. Будьте бодрее, милочка!

Тут он без особых затруднений начал подмигивать всей компании единственным глазом, к превеликому удовольствию пожилого субъекта с грязной физиономией и глиняной трубкой.

– Забавные создания – эти женщины, – сказал грязнолицый субъект, когда водворилось молчание.

– Да, что и говорить, – откликнулся, затягиваясь сигарой, человек с багровым лицом.

После этих философических замечаний разговор снова оборвался.

– А все-таки есть на свете вещи и почуднее женщины, – сказал человек с черным глазом, медленно набивая большую голландскую трубку с очень вместительной головкой.

– Вы женаты? – осведомился человек с грязным лицом.

– Не могу сказать этого о себе.

– Я так и думал.

И грязнолицый радостно захохотал над своею же собственной репликой, а его примеру последовал человек с мягким голосом и благодушной физиономией, который считал своим долгом соглашаться со всеми.

– А все-таки, джентльмены, – сказал восторженный мистер Снодграсс, – в нашей жизни женщины являются великой опорой и утешением!

– Совершенно верно! – тотчас же согласился благодушный джентльмен.

– Когда они в хорошем расположении духа, – вставил грязнолицый.

– И это верно, – сказал благодушный.

– Я восстаю против такой оговорки, – возразил мистер Снодграсс, чьи мысли мгновенно обратились к Эмили Уордль, – восстаю с презрением... с негодованием. Покажите мне человека, который смеет говорить против женщин как таковых, и я ему напрямик скажу, что он – не мужчина!

И мистер Снодграсс вынул изо рта сигару и энергически ударил кулаком по столу.

– Вот это прекрасный довод, – объявил благодушный.

– Довод, включающий положение, которое я отрицаю, – перебил субъект с грязной физиономией.

– И ваше замечание также весьма справедливо, сэр, – сказал благодушный.

– За ваше здоровье, сэр! – воскликнул одноглазый торговый агент, одобрительно кивая мистеру Снодграссу.

Мистер Снодграсс поблагодарил.

– Всегда люблю послушать хорошие доводы, – сказал торговый агент, – убедительные, вроде вашего... очень поучительно. Ну а этот маленький спор о женщинах напомнил мне одну историю, которую я слышал от старика дяди. Вот поэтому-то я и заметил, что бывают на свете вещи почуднее женщин.

– Хотел бы я услышать эту историю, – заметил краснолицый человек с сигарой.

– Да ну? – лаконически отозвался агент, продолжая курить с большим увлечением.

– Хотел бы и я послушать, – сказал мистер Тапмен, до сей поры не раскрывавший рта.

Он всегда стремился расширить свой кругозор.

– И вам хотелось бы? Ну, в таком случае я расскажу. А впрочем, нет!.. Знаю, что вы все равно не поверите, – объявил человек с плутовским глазом, сообщая этому органу на сей раз еще более плутовское выражение.

– Конечно, поверю, раз вы говорите, что это правда, – возразил мистер Тапмен.

– Ну-с, на таких условиях я начну рассказ, – ответил агент. – Слыхали вы когда-нибудь о крупной торговой фирме «Билсон и Слам»? А впрочем, не важно, если и не слыхали, потому что они давненько уже ее прикрыли. Восемьдесят лет прошло с тех пор, как приключилась эта история с агентом фирмы «Билсон и Слам», а был он закадычным другом моего дяди, и дядя рассказал всю историю мне. У нее странное название, но обыкновенно он ее называл:

Приключение торгового агента

и рассказывал ее примерно так:

«Однажды зимним вечером, часов в пять, когда только-только начало смеркаться, на дороге, что тянется по песчаным холмам Мальборо в направлении к Бристолу, можно было увидеть человека в двуколке, понукавшего усталую лошадь. Я говорю – можно было увидеть, и не сомневаюсь, что его и увидели бы, случись здесь проходить кому-нибудь, кто не слеп; но погода была такая скверная, а вечер такой сырой и холодный, что на дороге не было ничего, кроме воды, и путник подвигался помаленьку вперед посредине дороги, одинокий и порядком приунывший. Если бы какой-нибудь торговый агент тех времен заметил маленькую ненадежную двуколку с кузовом цвета глины и красными колесами, а также злую, норовистую гнедую рысистую кобылу, которая, казалось, происходила от лошади мясника и пони двухпенсового почтальона, он сразу узнал бы в этом путнике не кого иного, как Тома Смарт из крупной фирмы «Билсон и Слам», Кейтетон-стрит, Сити. Но так как ни один торговый агент его не видел, то никто ничего об этом и не знал; и вот Том Смарт, его двуколка цвета глины, с красными колесами, и злая рысистая кобыла подвигались вместе вперед, храня про себя свою тайну; и никому никакой прибыли от этого не было.

Даже на нашей скудной планете есть много мест получше, чем холмы Мальборо, когда там дует сильный ветер. А если вы сюда еще прибавите пасмурный зимний вечер, грязную мокрую дорогу и проливной дождь да еще испытаете их действие на собственной персоне, вы оцените глубокий смысл этого замечания.

Ветер дул не в лицо и не в спину – хотя и это не особенно приятно, – а как раз поперек дороги, так что дождь лил струями, косыми, как линейки, которые проводят в школьных тетрадках, чтобы мальчики хорошо писали косым почерком. На секунду ветер стихал, и путник начинал оболящаться надеждой, что ураган, истощив запас злости, прилег на отдых, как вдруг – ууу! – вдали раздавался вой и свист, и ветер мчался над вершинами холмов, рыскал по равнине и, напрягая все силы по мере своего приближения, в бурном порыве обрушивался на лошадь и человека, забивал им в уши острые струи дождя и пронизывал до костей своим холодным, сырым дыханием. Покинув их, он уносился далеко-далеко, с оглушительным ревом, словно высмеивая их слабость и упиваясь сознанием своей силы и могущества.

Гнедая кобыла, опустив уши, шлепала по воде и по грязи, изредка потряхивая головой, точно она возмущалась этим неджентльменским поведением стихий, однако не замедляла шага, пока порыв ветра, своим бешенством превосходивший все прежние атаки, не заставил ее вдруг остановиться и твердо упереться всеми четырьмя ногами в землю, чтобы ее не сдуло ветром. И это счастье, что она так поступила, ибо злая кобыла была такой легкой, двуколка была такой легкой, да и Том Смарт был такого легкого веса, что, если бы ветер сдул ее, им всем вместе неизбежно пришлось бы катиться и катиться, пока они не достигнут края земли или ветер не стихнет; и в том и в другом случае весьма вероятно, что злая кобыла, двуколка цвета глины, с красными колесами, и Том Смарт оказались бы в дальнейшем непригодными к работе.

– Черт бы побрал мои штрипки и баки! – говорит Том Смарт (у Тома была прескверная привычка ругаться). – Черт бы побрал мои штрипки и баки, – говорит Том, – если кому-нибудь эта погода приятна, черт бы ее поддувал!

Вероятно, вы меня спросите, почему Том Смарт, которого и так уже чуть было не сдуло, изъявил желание еще раз подвергнуться той же процедуре. На это я ответить не могу, знаю только, что так выразился Том Смарт, – по крайней мере дяде моему он всегда рассказывал, что выразился точь-в-точь так, стало быть, так оно и есть.

– Черт бы ее поддувал! – говорит Том Смарт, и кобыла заржала, как будто и она была точно такого же мнения.

– Бодрей, старушка! – сказал Том, поглаживая кнутом шею гнедой кобылы. – Так мы далеко не уедем, в такую погоду. Только бы нам до какого-нибудь дома добраться, там мы и остановимся, а потому чем быстрее ты пойдешь, тем скорее это кончится. Ну-ну, старушка, поживей... поживей!

Умела ли злая кобыла, хорошо знавшая голос Тома, угадывать его мысли по интонации, или она убедилась, что стоять на месте холоднее, чем двигаться, на это я, конечно, не могу ответить. Но вот что мне известно: не успел Том выговорить последнее слово, как она навестила уши и понеслась с такой быстротой и помчала двуколку цвета глины с таким грохотом, что казалось, красные спицы колес все до единой разлетятся по траве, покрывавшей холмы Мальборо; и даже Том – уж на что был кучер! – не мог ее остановить или придержать, пока она по собственному желанию не остановилась перед гостиницей, справа от дороги, на расстоянии около четверти мили от того места, где кончаются холмы.

Том бросил вожжи конюху, сунул кнут в козлы и быстро окинул взглядом верхние окна дома. Это был своеобразный старый дом, сложенный из каких-то камней, между которыми были вставлены перекрещивавшиеся балки, с выступавшими фронтонами над окнами, с низкой дверью под темным навесом и с двумя крутыми ступенями, ведущими вниз, вместо той полудюжины низких ступенек, которые в домах нового фасона ведут вверх. Впрочем, дом казался уютным: в окне буфетной был виден яркий приветливый свет, блестящая полоса которого пересекала дорогу и освещала даже живую изгородь по другую сторону ее; в окне напротив виднелся красный мерцающий свет, который то угасал, то вспыхивал ярко, пробираясь сквозь спущенные занавески и свидетельствуя о том, что в камине пылает огонь. От глаз опытного путешественника не ускользнули эти мелочи, и Том выскочил из двуколки с быстротой, на какую только были способны его окоченевшие ноги, и вошел в дом.

Пяти минут не прошло, как он уже расположился в комнате напротив буфетной – в той самой комнате, где воображение еще раньше нарисовало ему пылающий камин, – и сидел перед подлинным, осязаемым буйным огнем, в который был брошен чуть ли не бушель угля и такое количество хвороста, что его хватило бы на несколько приличных кустов крыжовника, – хвороста, нагроможденного чуть ли не до каминной трубы, где огонь гудел и трещал так, что от одних звуков должно было согреться сердце у всякого разумного человека. Было очень уютно, но это еще не все: кокетливо одетая девушка с блестящими глазками и изящными ножками покрывала стол очень чистой белой скатертью; а так как Том сидел, положив ноги в туфлях на каминную решетку, спиной к открытой двери, он видел в зеркале над камином чарующую перспективу буфетной, где в самом соблазнительном и аппетитном порядке стояли на полках ряды зеленых бутылок с золотыми ярлыками, банок с пикуньями и вареньем, сыров, вареных окороков и ростбифов. Это также было уютно, но и это еще не все: в буфетной за самым изящным столиком, придвинутым к самому яркому камельку, пила чай полная и красивая вдовушка лет сорока восьми или в этом роде, с лицом таким же уютным, как буфетная, – несомненно хозяйка заведения и верховная правительница всех этих приятных владений. Одно только темное пятно портило очаровательную картину, и этим пятном был рослый мужчина – очень рослый, в коричневом сюртуке с блестящими узорчатыми металлическими пуговицами, мужчина

с черными баками и черными волнистыми волосами, распивавший чай вместе с вдовой и, как всякий мало-мальски проникательный наблюдатель мог догадаться, довольно успешно склонявший вдову перестать быть вдовой и даровать ему право усесться в буфетной на весь остаток его земного бытия.

Том Смарт отнюдь не отличался раздражительным или завистливым нравом, но бог весть почему этот рослый мужчина в коричневом сюртуке с блестящими узорчатыми металлическими пуговицами взбудоражил тот небольшой запас желчи, какой входил в его состав, и привел Тома Смарта в крайнее негодование, в особенности когда он со своего места перед зеркалом время от времени замечал, что между рослым мужчиною и вдовой совершается обмен фамильярными любезностями, позволявшими предполагать, что расположение вдовы к нему отличается такими же размерами, как и его рост. Том любил горячий пунш – я даже могу сказать, что он очень любил горячий пунш, – и вот, позаботившись о том, чтобы норовистая кобыла получила хороший корм и стойло, и оказав честь превосходному маленькому обеду, который вдова подала ему собственноручно, Том потребовал стакан пунша для пробы. Ну, а если было что-нибудь во всей области кулинарного искусства, что вдова умела готовить лучше всего прочего, то это был именно названный напиток; первый стакан так пришелся по вкусу Тому Смарту, что он, не теряя времени, потребовал второй. Горячий пунш – приятный напиток, джентльмены, весьма приятный напиток, при любых обстоятельствах, а в этой уютной старой гостиной, перед огнем, гудевшим в камине, когда ветер снаружи дул с такой силой, что трещали балки старого дома, Том Смарт нашел его поистине восхитительным. Он потребовал еще стакан, а затем еще – кто его знает, не потребовал ли он после этого еще один, – но чем больше он пил горячего пунша, тем больше думал о рослом мужчине.

– Черт бы его побрал, этого нахала! – сказал самому себе Том. – Что ему тут делать в этой уютной буфетной? Ну и подлая же у него рожа! Будь у вдовы больше вкуса, она могла бы подцепить кого-нибудь получше.

Тут Том перевел глаза от зеркального стекла над камином к стеклянному стакану на столе; а так как он тем временем расчувствовался, то и осушил четвертый стакан пунша и потребовал пятый.

Том Смарт, джентльмены, тяготел к тому, чтобы быть на виду. Давненько уже мечтал он расположиться за своей собственной стойкой, в зеленом сюртуке, коротких полосатых штанах и сапогах с отворотами. У него была большая склонность председательствовать за веселым обедом, и он часто думал о том, как отличился бы он за разговором в своем собственном трактире и какой блестящий пример мог бы подать своим клиентам по части выпивки. Все эти мысли проносились в голове Тома, когда он сидел у гудящего камина, попивая горячий пунш, и он почувствовал весьма справедливое и уместное негодование по поводу того, что у рослого мужчины все шансы завладеть таким прекрасным заведением, тогда как он, Том Смарт, был так далек от этого. Наконец, рассмотрев за двумя последними стаканами вопрос о том, нет ли у него полного основания затеять ссору с рослым мужчиной, ухитрившимся снискать расположение полной и красивой вдовы, Том Смарт пришел к приятному заключению, что он – несчастный, всеми обиженный человек и лучше всего ему лечь спать.

Кокетливая девушка повела Тома наверх по широкой старинной лестнице, по пути заслоняя рукою свечу от сквозного ветра, который мог бы, и не задувая свечи, найти себе место для прогулок в этом старом доме, где можно было заблудиться. Но он все-таки не задул, и этим воспользовались враги Тома, утверждая, будто свечу задул не ветер, а Том, и будто, когда он делал вид, что хочет ее зажечь, он на самом деле целовал девушку. Как бы то ни было, новый свет был возжен, и Тома препроводили по лабиринту комнат и коридоров в помещение, приготовленное для его особы; девушка, пожелав ему спокойной ночи, удалилась.

Это была хорошая, просторная комната с большими стенными шкафами, кроватью, которая могла служить ложем для целого пансиона, и – стоит ли упоминать? – еще с двумя дубо-

выми шкафами, в которых поместился бы обоз маленькой армии. Но больше всего воображение Тома было потрясено странным, мрачного вида креслом с высокой спинкой, самой фантастической резьбой, с подушкой, обитой розовой материей с разводами; ножки его заканчивались круглыми шишками, старательно обернутыми красной шерстяной материей, словно это были пальцы, пораженные подагрой. Про всякое другое необычное кресло Том подумал бы только: «Какое чудное кресло», – и делу конец, но в этом исключительном кресле было что-то – хотя он не мог бы сказать, что именно, – столь странное и столь непохожее на все другие предметы мебелировки, которые он когда-либо видел, что оно, казалось, зачаровывало его. Он сел у камина и около получаса пялил глаза на старое кресло. Черт бы его побрал, это кресло!

Такое это было старое чудовище, что он не мог глаз от него оторвать.

– Ну, – сказал Том, медленно раздеваясь и ни на минуту не спуская глаз со старого кресла, которое с таинственным видом стояло у кровати, – сколько живу на свете, не видывал такой диковинной штуки! Очень странно, – продолжал Том, рассудительность которого возросла от пунша, – очень странно!

Том глубокомысленно покачал головой и снова взглянул на кресло. Впрочем он так ничего и не мог понять, а потому улегся в постель, укрылся потеплее и заснул.

Через полчаса Том вздрогнул и проснулся – ему привиделся нелепый сон: рослые мужчины и стаканы с пуншем; первое, что представилось его бодрствующему сознанию, было удивительное кресло.

– Не буду больше на него смотреть, – сказал Том, зажмурился и стал себя убеждать, что опять засыпает. Не тут-то было: диковинные кресла плясали перед его глазами, брыкались, перепрыгивали друг через друга и всячески дурачились.

– Лучше уж смотреть на одно настоящее кресло, чем на несколько дюжин фальшивых, – сказал Том, высовывая голову из-под одеяла.

Оно стояло на месте; при свете камина можно было ясно различить его вызывающий вид.

Том пристально рассматривал кресло, и вдруг на его глазах с ним произошло изумительное превращение. Резьба на спинке постепенно приняла очертания и выражение старого, сморщенного человеческого лица, подушка, обитая розовой материей, стала старинным жилетом с отворотами, круглые шишки разрослись в пару ног, обутых в красные суконные туфли, и все кресло превратилось в подбоченившегося, очень безобразного старика, джентльмена прошлого века. Том уселся в постели и протер глаза, чтобы избавиться от наваждения. Но не тут-то было! Кресло стало безобразным старым джентльменом, и – мало того – сей джентльмен подмигивал Тому Смарту.

Том по природе своей был парень вспыльчивый и беззаботный, а к тому же выпил пять стаканов горячего пунша, поэтому хотя он и стухнул, однако же начал сердиться, заметив, что старый джентльмен с таким бесстыдным видом подмигивает ему и строит глазки. Наконец, он решил, что больше этого не потерпит; а так как старая рожа продолжала настойчиво подмигивать, Том сердитым голосом спросил:

– Какого черта вы мне подмигиваете?

– Мне это доставляет удовольствие, Том Смарт, – ответило кресло или старый джентльмен (называйте как хотите).

Впрочем, услышав голос Тома, он перестал подмигивать и начал скалить зубы, как престарелая обезьяна.

– Откуда вы знаете мое имя, старая образина? – спросил Том Смарт, несколько озадаченный, но делая вид, будто это ему нипочем.

– Ну-ну, Том! – сказал старик. – Так не разговаривают с солидным красным деревом из Испании. Будь я обшит простой фанерой, вы не могли бы хуже со мной обращаться!

При этом у старого джентльмена был такой грозный вид, что Том струсил.

– У меня и в мыслях не было оскорблять вас, сэр, – сказал Том куда смирнее, чем говорил вначале.

– Ладно, ладно, – отозвался старик, – быть может, и так... быть может, и так. Том...

– Сэр?

– Я все о вас знаю, Том... все. Вы бедны, Том.

– Да, что и говорить, – согласился Том. – Но откуда вы это знаете?

– Не важно, – сказал старый джентльмен. – Вы слишком любите пунш, Том.

Том Смарт хотел было сообщить, что даже и капли не отведал с прошлогоднего дня рождения, но когда встретился глазами со старым джентльменом, у того был такой пронизывающий вид, что Том вспыхнул и промолчал.

– Том, – продолжал старый джентльмен, – а ведь вдова-то красивая женщина... на редкость красивая женщина, а, Том?

Тут старик закатил глаза к небу, дрыгнул худенькой ножкой и скроил такую противную влюбленную мину, что Том возмутился его легкомысленным поведением... в таком преклонном возрасте!

– Я – ее опекун, Том, – молвил старый джентльмен.

– Вот как! – отозвался Том Смарт.

– Я знал ее мать, Том, – сказал старик, – и бабушку. Она меня очень любила, Том... сшила мне этот жилет.

– Вот как! – отозвался Том Смарт.

– И эти туфли, – добавил старикашка, приподнимая одну из красных суконных обмоток. – Но вы и не заикайтесь об этом, Том. Не хочется мне, чтобы всем стало известно, как она была ко мне привязана. Это может вызвать недоразумение в семье.

У старого плута был такой нахальный вид, что Том Смарт готов был усесться на него без всяких угрызений совести, о чем он сам заявлял впоследствии.

– Было время, когда я имел большой успех у женщин, Том, – продолжал старый распутник, – сотни красивых женщин часами сживали у меня на коленях. Что вы на это скажете, бездельник, а?

Старый джентльмен собирался рассказать о своих похождениях в дни юности, но тут на него напал такой мучительный приступ потрескивания, что он не в силах был продолжать.

«Поделом тебе, старый хрыч», – подумал Том Смарт, но ни словечка не проронил.

– Ах! – снова начал старик. – Теперь я частенько этим страдаю. Я старею, Том, я разваливаюсь, можно сказать, на части. И вдобавок я перенес операцию – мне вставили какой-то кусочек в спину. Это было суровое испытание, Том.

– Охотно верю, сэр, – отозвался Том Смарт.

– А впрочем, это к делу не относится, – заметил старый джентльмен. – Том! Я хочу, чтобы вы женились на вдове.

– Я, сэр? – сказал Том.

– Вы, – подтвердил старик.

– Бог да благословит ваши почтенные седины! – сказал Том (у старика еще сохранились пучки конского волоса). – Бог да благословит ваши почтенные седины, но она меня не захочет.

И Том невольно вздохнул, вспомнив о буфетной.

– Не захочет? – резко переспросил старый джентльмен.

– Вот именно! – сказал Том. – У нее другой на примете. Рослый мужчина, чертовски рослый мужчина, с черными баками.

– Том, – заявил старый джентльмен, – она ему никогда не достанется.

– Не достанется? – переспросил Том. – Если бы вы, сэр, стояли в буфетной, вы говорили бы другое.

– Вздор, вздор! – перебил старый джентльмен. – Я все это знаю.

– Что? – спросил Том.

– Поцелуй за дверью и тому подобное, Том, – сказал старый джентльмен.

И он снова бесстыдно подмигнул, что очень разозлило Тома, потому что, как вы знаете, джентльмены, неприятно бывает слушать, когда о таких вещах рассуждает старик, которому пора уж взяться за ум... Хуже быть ничего не может.

– Я все об этом знаю, Том, – продолжал старый джентльмен. – Насмотрелся на своем веку и столько парочек перевидал, Том, что даже говорить вам не хочу. А кончалось это всегда пустяками.

– Должно быть, вы видели много любопытного, – заметил Том, бросив на него пронизывающий взгляд.

– Можете в этом не сомневаться, Том, – ответил старик, очень хитро подмигивая. – Я – последний представитель нашей семьи, Том, – добавил он с меланхолическим вздохом.

– А семья была большая? – спросил Том Смарт.

– Нас было двенадцать молодцов, Том, – ответил старый джентльмен, – славные, красивые ребята с прямыми спинками – просто загляденье! Не то что ваши теперешние недоноски. Все мы были с ручками и отполированы так, что сердце радовалось, – но, может быть, мне не следует так говорить о себе.

– А где же остальные, сэр? – осведомился Том Смарт.

Старый джентльмен потер локтем глаз и ответил:

– Скончались, Том, скончались. Служба у нас была тяжелая, Том, и не все отличались моим сложением. У них начались ревматические боли в ногах и руках, и их отправили на кухню и в другие больницы. А один из них от долгой службы и грубого обращения буквально лишился рассудка – развихлялся так, что пришлось его сжечь. Возмутительная история, Том.

– Ужасная! – согласился Том Смарт.

Старик сделал паузу, стараясь овладеть собой. Потом снова заговорил:

– А впрочем, Том, я уклоняюсь в сторону. Том, этот рослый парень – гнусный авантюрист. Стоит ему жениться на вдове, и он тотчас продаст всю обстановку и удерет. А что за этим последует? Вдова будет покинута и обречена на нищету, а я насмерть простужусь в лавке какого-нибудь старьевщика.

– Да, но...

– Не перебивайте меня! – сказал старый джентльмен. – О вас, Том, у меня составилось совсем иное представление. Я знаю прекрасно, что, раз обосновавшись в трактире, вы его не покинете, пока в его стенах есть что выпить.

– Очень вам признателен, сэр, за доброе обо мне мнение, – промолвил Том Смарт.

– А стало быть, – безапелляционным тоном заключил старый джентльмен, – вдова достанется вам, а не ему.

– Да что же может ему помешать? – заволновался Том Смарт.

– Разоблачение! – ответил старый джентльмен. – Он уже женат.

– Как же я это докажу? – воскликнул Том, чуть не выпрыгнув из кровати.

Старик высвободил одну руку, опирающуюся на бедро, указал на дубовый шкаф и тотчас же принял прежнюю позу.

– Он и не подозревает о том, что в правом кармане штанов, висящих в этом шкафу, им забыто письмо, в котором безутешная жена умоляет его вернуться к ней и к шести – заметьте, Том, – к шести ребятам, и все они мал мала меньше.

Как только старый джентльмен торжественно произнес эти слова, черты его лица начали расплываться, а фигура – окутываться дымкой. У Тома Смarta потемнело в глазах. Казалось, старик постепенно превращается в кресло, розовый жилет уподобляется подушке, красные туфли съеживаются в красные суконные шишечки. Огонь в камине тихо угас, а Том Смарт откинулся на подушку и погрузился в сон.

Утро пробудило Тома от летаргического сна, который сковал его в момент исчезновения старика. Он уселся в постели и в течение нескольких минут тщетно пытался восстановить в памяти события прошлой ночи. И вдруг они хлынули на него потоком. Он посмотрел на кресло; что и говорить, вид его был фантастический и мрачный. Но только самое буйное воображение позволяло найти у него хоть какое-нибудь сходство со стариком.

– Как поживаете, старина? – осведомился Том. При дневном свете он был храбрее, как и большинство людей.

Кресло оставалось неподвижным и ни слова не проронило.

– Скверное утро, – сказал Том.

Нет, кресло не желало вступать в разговор.

– Вы на какой шкаф показывали? Уж это-то можете мне сказать, – продолжал Том.

Как бы не так, джентльмены, кресло ни словечка не промолвило!

– В конце концов не так уж трудно открыть шкаф, – заметил Том, решительно вставая с кровати.

Он подошел к одному из шкафов. Ключ торчал в замке; он повернул его и открыл дверцы. Там в самом деле висели штаны. Он засунул руку в карман и извлек письмо – то самое, о котором говорил старый джентльмен!

– Странная штука! – сказал Том Смарт, взглянув сперва на кресло, затем на шкаф, затем на письмо, затем снова на кресло. – Очень странная, – повторил Том.

Но так как ни в одном из этих предметов не было ничего, что уменьшало бы эту странность, он решил, что ничто не мешает ему одеться и тотчас же покончить счеты с рослым мужчиною... только бы выйти из затруднительного положения, в каком он очутился.

Спускаясь вниз, Том хозяйским оком осматривал комнаты, попадавшиеся ему на пути, и размышлял о том, что не за горами, пожалуй, тот час, когда это помещение со всей обстановкой сделается его собственностью. Рослый мужчина, совсем как у себя дома, стоял в маленькой уютной буфетной, заложив руки за спину. Он рассеянно осклабился, взглянув на Тома. Посторонний наблюдатель мог бы объяснить эту улыбку желанием показать белые зубы, но Том Смарт подумал, что у рослого мужчины в том месте, где полагается быть мозгам, вспыхнуло сознание торжества. Том засмеялся ему в лицо и послал за хозяйкой.

– Доброе утро, сударыня! – сказал Том Смарт, закрывая дверь маленькой гостиной, как только вошла вдова.

– Доброе утро, сэр! – отвечала вдова. – Что угодно на завтрак, сэр?

Том обдумывал, как приступить к делу, и ничего не ответил.

– Есть очень хорошая ветчина, – сказала вдова, – и превосходная холодная птица, нашингованная салом. Прикажете подать, сэр?

Эти слова вывели Тома из задумчивости. Его восхищение вдовой росло по мере того, как она говорила. Заботливое создание! Предусмотрительная хозяйка!

– Сударыня, кто этот джентльмен там, в буфетной? – осведомился Том.

– Его зовут Джинкинс, сэр, – слегка краснея, отвечала вдова.

– Рослый мужчина, – заметил Том.

– Очень красивый мужчина, сэр, – отозвалась вдова, – и очень милый джентльмен.

– Вот как! – сказал Том.

– Еще чего-нибудь желаете, сэр? – полюбопытствовала вдова, несколько смущенная замечанием Тома.

– Ну конечно, – заявил Том, – сударыня, будьте добры, дорогая моя, присядьте на минутку.

Вдова, казалось, была очень удивлена, однако села; Том также присел рядом с нею.

Не знаю, как это случилось, джентльмены, – да и дядя, бывало, говорил мне, что даже Том Смарт не знал, как это случилось, – но, как бы то ни было, ладонь Тома опустилась на руку вдовы, где и оставалась, пока он разговаривал.

– Сударыня, дорогая моя, – начал Том Смарт – он был мастер любезничать, – сударыня, вы заслуживаете самого превосходного супруга... в этом я уверен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.